

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

THE LIBRARIES
COLUMBIA UNIVERSITY

GENERAL LIBRARY

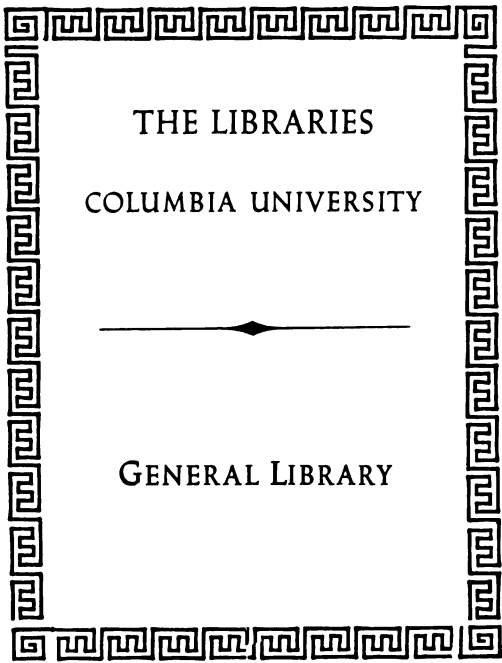
Class DR 915

Book .H5

YUDIN COLLECTION

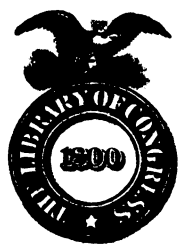

THE LIBRARIES
COLUMBIA UNIVERSITY

GENERAL LIBRARY

Class DR 915

Book 145

YUDIN COLLECTION

YUDIN

150

2892
4865

ПИСЪМА

ОБЪ ИСТОРИИ

СЕРБОВЪ И БОЛГАРЪ.

=

Соч. А. Гильфердинга.

МОСКВА.

1855.

ИЗВѢСТІА
ОБЪ ИСТОРИИ
СЕРБОВЪ И БОЛГАРЪ.

Соч. А. Гильфердинга.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1855.

949.71

G 393

v. 1

DR

315

.G5

1855

ПЕЧАТАТЬ П О З В О Л Я Е Т С Я

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено
было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное
число экземпляровъ. Москва, Іюня 13-го дня
1855 года.

Ценсоръ В. Флеровъ.

*(Перепечатано изъ Московскихъ Вѣдомостей
1844 и 1855 г. съ дополненіями.)*

ПИСЬМА ОБЪ ИСТОРИИ СЕРБОВЪ И БОЛГАРЪ.

П и с ь м о I.

Разселеніе Славянъ за Дунаемъ.

Европа не разъ уже въ наше время устремляла взоры на Славянъ Дунайскихъ, Сербовъ и Болгаръ. Эти народы, прежде такъ мало извѣстные и лишь въ православной Россіи возбуждавшіе братское участіе, получаютъ теперь великое значеніе. Имъ предстоитъ великая будущность. Тебѣ захотѣлось узнать что нибудь и объ ихъ прошедшей жизни; ты жалуешься, что есть больше средствъ познакомиться съ исторіею древнихъ Мексиканцевъ или Ассирійцевъ, нежели Сербовъ и Болгаръ, нашихъ сосѣдей и братьевъ, и требуешь, чтобы я представилъ тебѣ въ общихъ чертахъ судьбу ихъ до покоренія Турками. Задача не совсемъ легкая, при скудости и безжизненности источниковъ и недостаткѣ предварительныхъ работъ: надѣюсь, что ты этого не забудешь, и не станешь ожидать отъ меня многого.

Славяне, какъ тебѣ извѣстно, искони жили въ Дунайской странѣ; но въ теченіе столѣтій, ихъ частью покоряли, частью отгѣсняли на сѣверъ, то Кельтскія дружины, то народы Фракійскаго поколѣнія, то легіоны Рима, то дружины Германскія. Наконецъ, въ V вѣкѣ по Р. Х., сильная рука Атиллы вывела Сла-

428773 anc 87/8/17 DEC. 1 1955 J.

вянъ Дунайскихъ изъ страдательнаго положенія и подвига къ исторической дѣятельности. Въ 449 году Славяне въ первый разъ выступаютъ передъ другими народами съ могуществомъ и властію: на сѣверномъ берегу Дуная господствуютъ подъ покровительствомъ Атилы, на южномъ—овладѣваютъ Далмаціею¹⁾. Въ этомъ году поѣхали послы изъ Рима и Константинополя на поклонъ къ варвару, повелителю полъ-міра, которому имперія платила дань и, верхъ стыда, выдавала не только бѣглыхъ, его подданныхъ, но и Римлянъ, ухидившихъ изъ его плѣна, — и послы прибыли не въ улусы какого нибудь хана Монгольскихъ кочевниковъ, а въ большую деревню Европейскаго строя; съ какою деревнею имѣла она сходство, узнать легко и теперь: избы, сложенные изъ бревенъ и гладко тесанныхъ, украшенныхъ рѣзбою досокъ, обнесенныя заборомъ съ воротами, внутри, вокругъ стѣнъ, уставленныя скамьями, — совершенно съ виду деревня Славянская, а изъ этой деревни слово потрясало берега Рейна, и дикія племена Кавказскія, и государство

---

¹⁾ Объ этомъ покореніи Далмаціи Славянами повѣствуетъ Константинъ Багрянородный и приводитъ именно 449 годъ; рассказъ его, однако же, крайне сбивчивъ и подлинность назначеннаго имъ года подвержена сомнѣнію; но то достовѣрно, что Славяне въ это время уже селились за Дунаемъ: мы увидимъ этому ясныя доказательства.

Августа и Константина. Послы видѣли Аттидовыхъ Скивовъ, съ бритою въ кружокъ головою, и слышали этихъ Скивовъ, которые (такъ повѣствуетъ Прискъ) «отъ смѣшенія съ разными народами, *выучивались* языкамъ Гуннскому, Готскому и Игалійскому (что нынѣ Вадахскій) *сверхъ своей собственной* варварской *рѣчи*, въ которой туземный напитокъ, замѣнявшій вино, назывался *медомъ*. Возлѣ Татаръ, каковы Ойбарсъ и Берекъ ²⁾, они встрѣтили при Гуннскомъ дворѣ, вторымъ послѣ Аттилы человекомъ, Оногостя ³⁾, Оногостя, который, захвативъ въ Римскомъ городѣ архитектора, велѣлъ . близъ своего дома, выстроить себѣ каменную баню, хотя камень нужно было везти издалека.

Послѣ 449 г. Слѣвяне Дунайскіе опять на долгое время скрываются отъ нашихъ взоровъ; но твореніе Аттилы не осталось для нихъ бесплоднымъ. Перенесемъ, спустя сто лѣтъ, въ Византію. Это время ея высшаго могущества. Престоль кесарей занимаетъ великій законодатель, знаменитѣйшій изъ императоровъ восточнаго Рима. Сынъ *Истока*, онъ назывался прежде *Управдо* ю, а теперь перевели имя и зовутъ его Юстиніаномъ; родомъ изъ поселянъ деревни *Ведряны* ⁴⁾, обличавшій сво-

²⁾ *Барсъ* встрѣчается во многихъ Тюркскихъ именахъ, *беркъ*—Тюркскій корень (сильный, храбрый); сравни *Юлбарсъ* и *Баракъ*, имена Киргизскихъ хановъ.

³⁾ *’Ονηροβίος*.

⁴⁾ Въ древней Дарданіи, гдѣ нынѣ Кюстендилъ и Софія. Греки пишутъ *Веберіана*.

имъ произношеніемъ чужеземца, «варвара», онъ возвысился покровительствомъ прежняго императора, своего дяди, Юстиана, который самъ когда-то, молодымъ земледѣльцемъ, пришелъ пѣшкомъ изъ Ведряны въ Византію, съ однимъ тулупомъ ⁵⁾ на плечахъ, и потомъ перевелъ туда жену свою, прозвищемъ *Лупкиню*, сестру *Быленицу*, мать Управды и племянницу *Быленицу* же, по Римски Вигланцію. — Славенъ своими войнами, побѣдами своихъ полководцевъ. императоръ *Управда*: а его полководцы кто такіе? Первый — Велисарій, родомъ изъ той же Дардани, откуда вышелъ императорскій домъ ⁶⁾: какое было тогда въ ней населеніе, показываетъ семья Юстинова, и названіе новой крѣпости, которую Юстиніанъ построилъ близъ самаго города, гдѣ родился Велисарій — *Скоплице* ⁷⁾: наконецъ, имя великаго полководца не Римское, не Греческое, не Германское, а какое другое, какъ не *Величарь*? — конницу Велисарія въ Италіи составляли 1600 человекъ, «большею частію Гунны, Славяне и Анты, что обитаютъ по ту сторону Дуная, не вдалекѣ отъ берега» (слова Прокопія). Въ одномъ изъ походовъ Византійцевъ подъ Кавказъ, Славянскій ратникъ, по имени Сварунъ, оказывалъ имъ большія услуги мѣткими ударами копья;

⁵⁾ *σβύρα* (косматая кожа, платье сшитое изъ косматой кожи; Plat., поздн. Словарь Коссовича).

⁶⁾ См. Procop. de bello Vandal. I, II и de aedif. IV, 1.

⁷⁾ *Σκαπλίτζω*.

отдѣльными конными отрядомъ противъ Персѣвъ начальствовали «Доброгость и Всегордъ, оба варвары родомъ, но при всемъ томъ вожди Римскихъ полковъ»⁸⁾; Доброгость былъ именно изъ племени Антовъ, т. е. той части Славянъ, которая жила на сѣверъ отъ Чернаго моря и раздвинулась по Дунай. Здѣсь, на Дунаѣ, вотъ что происходило въ это время: у Юстиніана былъ приближенный человекъ, Хвилибудъ (*Χιλβουδῖος*), отличный воинъ, родомъ Антъ⁹⁾, котораго онъ (въ 530 г.) сдѣлалъ воеводою Эракіи¹⁰⁾, поручивъ ему охраненіе Дуная отъ варваровъ, «ибо часто уже Гунны, Анты и Славяне переходили его и разоряли

⁸⁾ Agathias III, 6.

⁹⁾ Это оказывается изъ повѣствованія Прокопія о другомъ Хвилибудѣ, котораго Славяне взяли въ плѣнъ и сочли за Римскаго воеводу Хвилибуда, на что онъ отвѣчалъ, «что и онъ также Антъ родомъ» (*de bello goth. III, 14*).

¹⁰⁾ Въ это время Балканскій полуостровъ (кроме Греціи въ собственномъ смыслѣ) дѣлился на двѣ главныя половины, восточную—Эракію, и западную—Иллирикъ: первая въ этомъ обширномъ смыслѣ обнимала Мизию (Булгарію) съ Дарданією (западною частью Булгаріи) и малою Скивією (Добручею), собственную Эракію (Румилію), Македонію и проч.; Иллирикъ заключалъ въ себѣ собств. Иллирію (Сербію съ прилегающими на западъ странами), Далмацію (въ обширномъ значеніи нын. Далмацію, Герцеговину, Черногорію и сѣверную Албанію), Эларъ и проч.

Римлянъ» (я придерживаюсь словъ лѣтописца): «Хвилибудъ нагналъ такой страхъ на варваровъ, что они болѣе не смѣли переступить рѣки, а напротивъ, Римляне съ Хвилибудомъ стали къ нимъ вторгаться, бить ихъ и забирать въ плѣнъ. На четвертомъ году Хвилибудъ однажды, съ небольшимъ войскомъ, по обыкновенію переправился черезъ Дунай, Славяне же собрались и встрѣтили его вѣсьмъ народомъ: въ злой сѣчѣ много Римлянъ пало, и съ ними воевода Хвилибудъ. И съ тѣхъ поръ варварамъ былъ всегда свободный переходъ черезъ Дунай, и Римскія области были имъ открыты; такъ что въ этой сторонѣ вся имперія не могла замѣнить силы одного человѣка.»

Стало быть, въ VI вѣкѣ на императорскомъ прѣстолѣ, въ Византіи сидѣлъ Славянинъ, окруженный Славянскою семьею; Римскія войска имѣли вождами Славянъ, и Славяне служили въ рядахъ ихъ; Славянинъ защищалъ сѣверную границу имперіи на Дунаѣ, а на противоположномъ берегу Дуная стояли Славяне огромнымъ племенемъ, готовые нахлынуть на Римскія земли. Неизвѣстно, въ какое время произошло поселеніе Славянъ въ Дарданіи, родицѣ Юстиніана и Велисарія; когда проѣзжали послы изъ Византіи къ Аттилѣ, эта страна находилась въ совершенномъ запустѣніи; вѣроятно, Славяне водворились въ ней мирнымъ образомъ, не позже половины V-го вѣка; но какъ переходъ ихъ въ пустопорожную землю произошелъ безъ шума и борьбы, то и остался незамѣченнымъ.

Надобно было обновиться старому населе-

нѣ Балканскаго полуострова, изнемогшему отъ многовѣковаго безсилія и разврата подъ Римскимъ владычествомъ, отъ войнъ, отъ страшныхъ набѣговъ Германскихъ дружинъ, и къ этому обновленію призвано было племя Славянское. Переходъ его съ праваго берега Дуная, гдѣ его собралъ и утвердилъ Атила, въ земли имперіи, съ V вѣка продолжался до половины VII-го.

Исподоволь, отдѣльными толпами, безъ единства и совокупности дѣйствій, переселялись Славяне за Дунай. Какой-то общій порывъ стремилъ ихъ въ опустѣлыя земли Мизіи, Фракіи, Македоніи и Далмаціи; ничья воля ихъ не двигала, ничья рука не направляла: ибо они тогда еще не составляли государства, а жили простыми общинами, не имѣя другой власти, кромѣ общаго совѣщанія и согласія, по свидѣтельству Прокенія.

Овладевъ переправу черезъ Дунай, Славяне сперва, безъ сомнѣнія водворились въ Мазіи (нын. Булгаріи), и едва ли встрѣтили въ этомъ безлюдномъ краѣ какое-либо препятствіе: дѣйствительно, лѣтописецъ, сказавъ, что послѣ смерти Хвалибуда имъ открытъ былъ входъ въ Римскія земли, тринадцать лѣтъ однако же не упоминаетъ объ ихъ вторженіяхъ. Но когда они стали заходить за Балканы, вся имперія встревожилась и подняла на нихъ свои войска. Въ 548 г. Славяне уже прошли, опустошительнымъ набѣгомъ, весь Илирикъ до нын. Драча или Дураццо (въ Албаніи, на Адриатическомъ морѣ), и вселили такой страхъ въ Римлянъ, что 15,000 войско не

шли къ нимъ подходить на близкое разстояніе. Вскорѣ потомъ (550) Славяне, въ небольшемъ числѣ (3000 чел.), перешли уже, безъ сопротивленія, Марицу, и здѣсь раздѣлились на двое: «оба отряда, при всей слабости своей, разбили однако же паче чаянья, говоритъ лѣтописецъ, и обратили въ бѣгство войска въ Иллирию и Фракію.» Побѣда открыла имъ дорогу еще далѣе на югъ: одинъ изъ отрядовъ овладѣлъ важною крѣпостью Топиромъ на берегу Эгейскаго моря. Здѣсь избили Славяне 15,000 жителей мужескаго пола, а женщинъ и дѣтей сберегли для рабства: «дотолѣ, говоритъ Прокопій, они предавали лютой смерти всѣхъ, безъ разбору, попадавшихся имъ Римлянъ, и усѣяли весь Иллирикъ и Фракію непогребенными трупами; теперь же оба полчища ихъ, точно пресыщенные кровью, пощадили часть плѣнниковъ и воротились домой съ огромною добычею.» Эта перемѣна поведения явно означаетъ, что они думали уже основаться по близости, въ Греческихъ земляхъ, а не имѣли въ виду дальняго перехода. На другой годъ (551) огромная сила Славянъ, какой прежде не видали Греки, изъ за-Дунаю пришла къ Нишу (Ниссъ) и устремилась на югъ, съ намѣреніемъ взять Солунь (Салонику, на Эгейскомъ морѣ), но испугавшись войска Юстиніанова, поворотила на западъ и, черезъ горы, ворвалась въ Далмацію: «дѣйствуя тремя отрядами, эти Славяне, пишетъ Прокопій, нанесли страшный вредъ всей Европѣ (т. е. всему Балканскому полуострову): они не то чтобы грабили въ ней частными набѣгами, а

виновали какъ будто въ собственной своей землѣ, ни мало не опасаясь непріятеля.» Потомъ они подъ Адрианополемъ одержали такую побѣду, что даже отбили главное Римское знамя и подступили къ такъ называемымъ длиннымъ стѣнамъ, ограждавшимъ Константинополь.

На Славянъ поднялась было гроза. Авары или Обры, дикій народъ Татарскаго племени, перекочевавъ изъ-за Волги и Дона къ Диѣстру, перешли потомъ въ Паннонію (западную Венгрію между Дунаемъ и Савою) и подчинили себѣ вѣтви Славянскаго племени, обитавшія въ этой странѣ и далѣе на западъ; племена, которыя сидѣли на нижнемъ Дунаѣ и отъ которыхъ именно выходили переселенцы въ Греческія земли, были также ими задѣты. Творецъ Аварскаго могущества, хаканъ (ханъ) по имени Баянъ, отправилъ пословъ въ Славянскую землю (въ нын. Валахіи и восточной Венгріи) къ князю Доврату ¹¹⁾ и къ старшинамъ Славянскимъ, требовать дани и покорности (такимъ образомъ у Славянъ Дунайскихъ, во второй половинѣ VI вѣка, начинаютъ появляться князья, которыхъ въ первой половинѣ еще не было). Довратъ и старшины отвѣчали: «Кто человекъ тотъ, живущій на землѣ и согрѣваемый лучами солнца, который

¹¹⁾ Трудно догадаться, какое было собственно имя этого князя: Довратъ; или что нибудь похожее. Менандръ пишетъ въ одномъ мѣстѣ *Δαυρέντιος*, въ другомъ *Δαυρίτας*; ошибка Парижскаго изданія заставила прежде читать: *Даврентій* и *Давритасъ*.

пóкорятъ нашу силу? мы привыкли надъ чужими властвовать, а не поддаваться чужимъ, и это нашъ завѣтъ, доколѣ на свѣтѣ будетъ война и мечъ ¹²⁾» Слова эти Византіецъ вложилъ въ уста Славянскаго князя, а Византіицы Славянъ ненавидѣли, какъ сильныхъ враговъ, презирали, какъ варваровъ. — Въ слѣдствіе княжескаго отвѣта произошелъ споръ между Аварскими послами и Славянами, а тамъ схватка, и пословъ убили. Баянъ затаилъ гнѣвъ и рѣшился отомстить. Въ 581 г. Славяне (говорятъ, въ числѣ 100,000) сдѣлали ужасное вторженіе въ имперію: не довольствуясь разграбленіемъ Фракіи и Македоніи, они этотъ разъ ворвались уже въ собственную Грецію. Императоръ призвалъ на помощь Аварскаго хакана изъ-за Савы. Баянъ съ большимъ войскомъ прошелъ вдоль по южному берегу Дуная черезъ всю Мизію до Малой Скиѣи (нынѣшней Добручи): ясное доказательство, что Мизія была тогда землею Славянскою, ибо иначе такой походъ не имѣлъ бы цѣли, и Баянъ, дѣйствуя въ пользу Грековъ противъ Славянъ, не сталъ бы разорять этой области. За тѣмъ, перейдя Дунай въ Добручѣ, онъ внесъ опустошеніе въ сердце Славянскихъ жилищъ. Вскорѣ однако состоялось, видно, примиреніе; не прошло двухъ лѣтъ, Славяне уже въ союзѣ съ Аварами грабили Римскія области. Большая побѣда, одержанная надъ ними у Адрианополя (583), дала Византійцамъ на нѣсколько времени перевѣсъ

¹²⁾ Менаандръ (ed. Niebuhr) 406.

и позволила имъ посылать войска даже за Дунай, въ нын. Валахію, для усмиренія Славянъ (592, 596, 601). Но дѣло было сдѣлано: Славячамъ принадлежала земля между Дунаемъ и Балканами, и далѣе, на югъ до Солуны, на югозападъ за Охридъ.

Вотъ что повѣствуетъ одно древнее сказаніе, писанное на Греческомъ языкѣ, но по Славянскимъ преданіямъ ¹³⁾: «Европейскіе Мизы, обыкновенно называемые теперь Булгарами ¹⁴⁾, коихъ въ старину мощная рука Александра ¹⁵⁾ заставила отъ горы Олимпа у Прусы (Бруссы) удалиться къ Сѣверному океану и Мертвому морю ¹⁶⁾, потомъ, по истеченіи долгаго времени, перешли Дунай съ великою силою и пріобрѣли всѣ прилегающія къ нему страны, Паннонію и Дакію, Фракію и Иллирикъ, ббольшую часть Македоніи и Фессаліи.» Записанное въ житіи Св. Климента народное преданіе истинно: съ VII вѣка не только вся Мизія и почти вся Фракія, но и Македонія и ббольшая часть Фессаліи стали землями Славянскими.

¹³⁾ Легенда о Св. Климентѣ, у Шафарика, *Ramajku hláholského pizemnictví LVII.*

¹⁴⁾ Т. е. Болгарскіе Славяне.

¹⁵⁾ Македонскаго: въ этой личности народное сказаніе соединило всѣхъ враговъ, въ глубокой древности отгнанныхъ Славянъ отъ Дуная на сѣверъ.

¹⁶⁾ Сѣверный океанъ, въ древности—Балтійское море, Мертвое море — Нѣмецкое и сѣверная часть Атлантики.

П и с ь м о II.

Переходъ Сербовъ за Дунай. Покореніе Славянъ въ Мизіи Болгарами.

Въ первомъ письмѣ я говорилъ о переселеніи Славянъ изъ-за Дуная на Балканскій полуостровъ. Это переселеніе; или лучше сказать расселеніе, продолжалось по крайней мѣрѣ полтора вѣка. Огромными, нестройными толпами выходили изъ нынѣшнихъ Валахій, Молдавіи и Бессарабіи Славянскія поколѣнія, ближайшія по родству съ племенами Ильменскими и Днѣпровскими, и удалялись за Дунай. Переправа происходила обыкновенно, кажется, въ нынѣшней Добручѣ, либо у Силистріи, или же въ западномъ краю, по дорогѣ къ Нишу. Множество выходцевъ, безъ сомнѣнія, селилось тотчасъ, между Дунаемъ и Балканами; другіе шли впередъ, почти всегда на Адрианополь, и здѣсь только встрѣчали Славяне со стороны Грековъ настоящій отпоръ. Если дальнѣйшій путь былъ прегражденъ, они не рѣдко бросались на западъ, черезъ горы, къ Адриатическому морю; въ случаѣ же успѣха подъ Адрианополемъ, устремлялись къ Босфору, или къ берегамъ Эгейскаго моря. Они, кажется, не думали брать Константинополя, и довольствовались разграбленіемъ его окрестностей; но на Эгейскомъ морѣ имъ, видно, хотѣлось утвердиться, и поэтому они

съ такимъ усиленіемъ добивались Солуня. Впрочемъ, захватывая не разъ значительныя крѣпости, они не умѣли ихъ за собою удерживать: ибо дѣйствовали безо всякаго единства. Они жили въ простотѣ первоначальнаго быта: во время Прокопія, когда переселеніе было въ самомъ разгарѣ, Славянскія общины еще чуждались всякой власти; потомъ коегдѣ стали появляться князья; но такіе князья, будучи главою не цѣлаго народа, а лишь мелкихъ племенъ, на которыя въ старину дробились Славяне, не вносили единства въ древній ихъ бытъ, и не могли сосредоточить ихъ движеній за Дунаемъ.

Уже кончилось расселеніе Славянъ въ Мизіи, Фракіи и Македоніи, когда новые выходцы изъ-за Дуная вступили въ предѣлы Византійской имперіи. Я упомянулъ, что по нѣкоторымъ указаніямъ, Славяне во время Аттилы появились въ Далмаціи. Не разъ вторгались туда, въ царствованіе Юстиніана, толпы Славянъ изъ Мизіи и Фракіи. Но еще не утвердились они въ этой области: важнѣйшіе города были въ рукахъ Римлянъ, и во многихъ мѣстахъ держались остатки Готскихъ дружинъ, и безъ сомнѣнія, также туземцевъ. При такомъ неустройствѣ легко удалось Аварамъ, переправясь черезъ Саву, покорить Далмацію: «Въ царствованіе императора Ираклія (610—641),» говоритъ Константинъ Багрянородный, «они выгнали оттуда Римское населеніе, и земля эта пребывала въ запустѣніи»; дѣйствительно, Авары были народъ кочевой, а не земледѣльческій. Они про-

мышляли грабежемъ, и такое близкое ихъ соудство не могло не устрашать Византию. Ираклий рѣшился призвать на помощь Славянъ. Изъ-за Карпатскихъ горъ онъ пригласилъ въ Далмацію племя Хорватовъ, обитавшее въ западной части нынѣшней Галиции (которая долго называлась землею Бѣдохорватскою). «Отдѣлился одинъ родъ,» такъ рассказываетъ Константинъ, «именно пять братьевъ, Клюкъ (*Κλουκᾶς*), Ловель, Коснецъ (*Κοσνέτζης*), Мухоль (*Μουχλω*) и Хорватъ, и двѣ сестры, Туга и Вуга, съ своимъ народомъ, и пришли они въ Далмацію; между Хорватами и Аварами началась война; черезъ нѣсколько времени Хорваты одолѣли, частью перебили Аваровъ, частью принудили покориться, и стали съ тѣхъ поръ владѣть этою землею.»— Имена Хорватскихъ вождей такъ искажены, что трудно въ нихъ добраться до смысла; но имя младшаго брата, *Хорватъ*, одно уже ясно показываетъ, что эти лица не принадлежатъ исторіи, а занесены въ лѣтопись изъ народнаго преданія; имена сестеръ также аллегорическія: слово *туга* извѣстное ¹⁾, а *вуга* до сихъ поръ на Хорутанскомъ нарѣчьи ²⁾ значитъ *восторгъ, наслажденіе*: не хотѣли ли Хорваты выразить, что имъ въ новое ихъ оте-

¹⁾ Отъ него у насъ общепотребительный глаголъ тужить.

²⁾ Весьма близкомъ къ Хорватскому и отличающемся вѣрнымъ сохраненіемъ многихъ остатковъ глубокой древности.

чество предшествовали радость и печаль ³⁾ ?
 За то самое событие во всякомъ случаѣ достоверно: при императорѣ Иракліи (610—641) Славяне Хорваты пришли въ военной силѣ, по зову Грековъ, изъ-за Карпатскихъ горъ, предводимые княжескимъ родомъ, и завоевали Далмацію. Здѣсь они тотчасъ раздѣлились на двѣ самостоятельныя области, южную, или приморскую Хорватию, и сѣверную или Савскую (около рѣкъ Савы и Кулпы) ⁴⁾.

За Хорватами и, безъ сомнѣнія, по ихъ призыву поднялись и двинулись за Дунай ихъ сосѣди и близкіе соплеменники, Сербы, обитавшіе въ нынѣшней Галиціи, на востокъ отъ Бѣлохорватіи, между верхнею Вислою и истоками Днѣстра и Прута ⁵⁾. Въ старой (Закарпатской) Сербіи, что потомъ прозвалась Бѣлосербіей, княженіе досталось, рассказываетъ преданіе, послѣ отца двумъ его сыновьямъ; одинъ братъ остался дома, другой, взявъ съ собою половину народа, отправился за Дунай и потребовалъ земель отъ императора Ираклія.

³⁾ Замѣчательна еще другая пара именъ, Коснецъ и Мухоль: *Коснецъ* по видимому сродно съ глаголомъ *коснить*, а *мухлати* (также по Хорутански) значить опять таки *медлить*, *коснить*.

⁴⁾ Въ совокупности Хорваты занимали всю нынѣшнюю Австрійскую и Турецкую Кроацію, и сѣверную, сѣверную половину Далмаціи: сѣверную границу составляла Сава, восточную р. Вербасъ, южную р. Цетина (въ Далмаціи).

⁵⁾ Страна эта называлась, и теперь еще называется, землею *Бойковъ*.

Ираклій отвелъ Сербамъ жилища въ Солунской области ⁶⁾ (такъ далеко они зашли); но земля эта имъ не понравилась, и они рѣшились вернуться домой (такая склонность къ передвиженіямъ ясный признакъ, что Сербы шли однимъ военнымъ отрядомъ); Ираклій отпустилъ ихъ; уже переступили они за Дунай, но тутъ взяло ихъ раздумье: черезъ императорскаго намѣстника въ Бѣлградѣ ⁷⁾ они вторично снеслись съ Иракліемъ и стали просить другихъ жилищъ. Императоръ отдалъ имъ Иллирикъ, приведенный въ запустѣніе Аварамъ, и какъ Сербы находились въ своей древней родинѣ, такъ они поселились опять, на востокъ отъ Хорватовъ; владѣнія ихъ простирались отъ Вербаса до предѣловъ Дарданіи (приблизительно, до р. Ибра и Колубары); на югъ, обогнувъ землю Хорватскую, они раздвинулись, по берегу Адриатическаго моря, до г. Драча (Дураццо) ⁸⁾.

⁶⁾ Часть ея долго потомъ носила имя *Сербіи*; въ этой же странѣ, на р. Инджекарасу, находится городъ *Сервіл*.

⁷⁾ Бѣлградъ, видно, уже тогда заселенъ былъ Славянами, какъ показываетъ названіе; должно замѣтить, что онъ въ древнее время принадлежалъ къ Мизіи и Болгаріи, а не къ Иллирику (Сербіи).

⁸⁾ Сербія раздѣлилась на нѣсколько областей, болѣе или менѣе независимыхъ: собственную *Сербію* съ *Босніею* на востокъ отъ Хорватовъ, *Неретву* или *Поганскую* землю, между р. Цетиной и Неретвой (Нарентой), *Захлумье*

Очевидно, переходъ Хорватовъ и Сербовъ въ Иллирикъ имѣлъ совсѣмъ другой характеръ, нежели прежнія переселенія Славянъ въ Мизию и Фракію: не въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ отдѣльными толпами, увлеченными какимъ-то общимъ, безсознательнымъ порывомъ, а въ два приема, двумя, можно сказать, военными колоннами, предводимые князьями, вступили Хорваты и Сербы въ Задунайскую страну, Хорваты, призванные съ политическою цѣлю, Сербы, размѣщенные политическимъ распоряженіемъ. Однимъ словомъ, Славяне Мизійскіе и Фракійскіе переселились нестройными общинами, Сербы и Хорваты стройною дружиною.

Съ устройствомъ дружины сопряжена была, необходимо, правильная власть, и поэтому Сербы и Хорваты, какъ скоро пришли въ новыя свои жилища, тотчасъ же устроились государствами. «Когда тотъ князь, который привелъ Сербовъ въ земли императора, умеръ,» говоритъ Константинъ Багрянородный, «ему наследовалъ сынъ, за тѣмъ внукъ, и далѣе потомки его, изъ числа коихъ былъ въ послѣдствіи Вышеславъ, за нимъ Радославъ; потомъ Просигой, за нимъ Властиміръ» (первая династія Сербскихъ государей). Также точно у Хорватовъ государственное устрой-

---

отъ р. Неретвы до г. Дубровника (Рагузы), Травунію съ Коначіемъ (между Дубровникомъ и Черногорьемъ), Дуклю или Дюклемъ (нынѣ Черногорье), на югъ отъ Хорватовъ, по Адриатическому морю

ство въ обѣихъ областяхъ, Приморской и Савской, установилось съ самаго ихъ поселенія въ Далмацию.

Государства, возникшія у Сербовъ и Хорватовъ, состояли изъ отдѣльныхъ волостей или *жуупъ*,⁹⁾ *жуупы* эти были весьма дробныя; въ одной Приморской Хорватіи, стражъ и безъ того небольшой, находилось ихъ одиннадцать; въ маденькомъ уголкѣ Сербовъ—Неречанъ три; при всемъ томъ каждая *жуупа* сохраняла свою внутреннюю самостоятельность, имѣла своего природнаго правителя, *жуупана*. Эти волости представляли союзъ (федерацию), и государь былъ общимъ главою союза: онъ носилъ титулъ *великаго жуупана*.

Такая федерация явленіе необыкновенное въ Славянскомъ мирѣ, гдѣ почти всегда предъ верховною властью государя исчезали мелкіе князья отдѣльныхъ племенъ, и самыя племена теряли свою особность и сливались въ одно цѣлое. Но съ стихіями дружины Сербы и Хорваты принесли съ собою и возможность условнаго союза отдѣльныхъ частей народа, похожихъ въ этомъ случаѣ на военные отряды, и іерархіи въ властителяхъ, частныхъ и общемъ: словомъ сказать, въ смягченномъ и маломъ видѣ до самое, что представили въ огромныхъ размѣрахъ средневѣковыя госу-

⁹⁾ Слово *жуупа*, кажется, значить: *связь, союзъ*; на это указываетъ Словацкое выраженіе *жуупъ* (связка (соломы), и корень, сохранившійся въ Санскритскомъ языкѣ, *धि*, связывать, соединять.

дарства Западной Европы, основанныя дружинами. У Сербовъ въ послѣдствіи выступаетъ чрезвычайно резко другая принадлежность дружиннаго государства, дѣленіе на сословія (*властелей* т. е. знатныхъ, *свровъ*, свободныхъ, простолюдиновъ, и *неропсовъ* или *меропсовъ*, крѣпостныхъ: дѣленіе, весьма похожее на средневѣковое Германское), и вѣроятно, что оно велось съ самаго начала Сербскаго государства. Но мы должны теперь оставить этотъ вопросъ въ сторонѣ, потому что онъ отвлекъ бы насъ слишкомъ далеко отъ эпохи, которою занимаемся ¹⁰.

Какой долгій и трудный путь предстоитъ между тѣмъ, до водворенія государственнаго порядка, Славянскимъ общинамъ, разселившимся въ Мизіи и Фракіи и, по обыкновению, образовавшимъ множество отдѣльных племенъ (въ одной Мизіи ихъ считалось до

¹⁰) Нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что крѣпостное сословіе, *меропши*, было туземное населеніе, найденное Сербами въ Иллирикѣ. Царарикъ показавъ тождество этого слова съ именемъ древняго народа *исропсовъ*, обитавшаго въ сѣверо-западной Македоніи.— Изъ всехъ Славянскихъ народовъ Чехи въ древности наиболѣе приближались своимъ внутреннимъ устройствомъ къ Хорватамъ и Сербамъ (такое же раннее установленіе государственнаго порядка, дѣленіе на *жупы* и, кажется, федератія мелкихъ князей подъ общимъ главою; наконецъ резко, съ самыхъ древнихъ временъ установленное, дѣленіе народа на сословія); но основаніемъ Чешскаго государства была именно также дру-

восьми)! Нужно было, чтобы эти племена почувствовали себя единымъ народомъ и, отказываясь отъ своей самостоятельности, рѣшились поставить себѣ государя извнѣ: ибо какъ племена были независимы другъ отъ друга и равноправны между собою, такъ и князь, если принадлежалъ къ одному изъ нихъ, не могъ требовать подчиненія отъ другихъ племенъ, не могъ сдѣлаться главою всего народа. Но Славянамъ Задунайскимъ не достало простору и покоя; чтобы это развитіе совершилось правильнымъ, безнасиленнымъ образомъ, какъ у нихъ соплеменниковъ на Ильменѣ и Вислѣ Императоръ Константинъ II предпринялъ въ 657 г. походъ въ «Славинію», т. е. въ землю Славянъ, поселившихся за Дунаемъ, — (безъ сомнѣнія, въ Мизію ¹¹), — и покорилъ ихъ: при миролюбивомъ, земледѣльческомъ бытѣ и раздробленіи на племена, они кажется, безъ особеннаго сопротивленія признали отдаленную и, конечно, почти номинальную, власть Византійскаго императора. Вскорѣ за тѣмъ нагрянулъ дикій народъ и насильно наложилъ на нихъ государственнѣйшій строй.

жина: они, какъ известно, пришли въ Богемію военною ратью, подъ предводительствомъ князя.

¹¹) Подчиненіе Мизійскихъ Славянъ Императору во 2-й половинѣ VII вѣка видно изъ того, что при появленіи Болгаръ на северномъ берегу Дуная, Греческое войско тотчасъ явилось въ Мизію, чтобы возбранить имъ переходъ.

Болгаре принадлежали къ безчисленной семьѣ кочевыхъ племенъ Татарскаго и Чудскаго корня, бродившихъ по степямъ Поволжскимъ и Черноморскимъ. Ближайшіе родичи Аваровъ и Хазаръ, они уже въ концѣ V вѣка стали дѣлать набѣги въ Придунайскія земли, но сначала отражены были Готами, потомъ покорены Аварами, власть которыхъ въ концѣ VI вѣка простиралась отъ Волги до предѣловъ Чешскихъ и Баварскихъ. Авары держали Болгаръ въ Донскихъ степяхъ, и, безъ сомнѣнія, употребляли въ своихъ свирѣпыхъ походахъ. Въ царствованіе Ираклія, въ то время, когда Славяне поражали Аваровъ въ Иллирикѣ, Болгаре освободились отъ нихъ, подъ начальствомъ Куврата (или Кровата). По смерти сего вождя, они раздѣлились, какъ это всегда легко дѣлалось у степныхъ кочевниковъ, на нѣсколько ордъ: двѣ орды остались около Дона и, вѣроятно, потомъ, подвинувшись на сѣверъ, основали знаменитое въ Русской исторіи царство Камскихъ Болгаръ. Прочія три орды пустились къ западу: одна ушла въ нынѣшнюю Венгрію и смѣшалась съ Аварами; другая проникла еще далѣе, въ Италію, и утвердилась въ Равенской области; третья, Аспарухова ¹²⁾, перейдя Днѣпръ и Днѣстръ, заняла уголъ ¹³⁾ между Днѣстромъ и устьями Дуная (южную часть нынѣшней Бессарабіи). Здѣсь былъ открытый входъ въ Мизію: нынѣшняя Добруча есть какъ бы продолженіе Черноморскихъ степей, вдающихся

¹²⁾ Аспарухъ былъ третій сынъ Куврата.

¹³⁾ Такъ именно, т. е. *уголомъ* (*онгомъ* по дре-

въ Балканскій полуостровъ (не даромъ называли ее въ древности Малою Скиѳіею), и много народовъ прошло по этой дорогѣ, съ жезломъ и бичемъ, пока народъ, носитель истины, не ступилъ по ней съ крестомъ и благовѣстью спасенія. — Болгаре не замедлили пачать вторженія за Дунай. Императоръ Константинъ Погонать посѣвшигъ имъ на встрѣчу. Онъ сперва отгѣснигъ было ихъ, но заболѣлъ и покинулъ свое войско. Болгаре поразили растерявшихъ Грековъ и обратили въ бѣгство. По пятамъ ихъ они (въ 671 г.) перешли Дунай, явились подъ Варной и отсюда устремились внутрь Славянскихъ земель. Скоро они овладѣли всею страню между Дунаемъ и Балканами, до предѣловъ Аваріи, т. е. нынѣшнюю Булгарію), покорили здѣсь племена Славянскія, наложили на нихъ дань и (такъ рассказываетъ летописецъ) помѣстили племя Сѣверянъ подъ Балканами, отъ Бергавскаго ущелья на востокъ; прочія семь вѣтвей къ югу и западу, до предѣловъ Аварскихъ. Можетъ быть, они хотѣли очистить для себя сѣверо-западный край Мизіи, наиболѣе удобный для степной орды.

Все это обошлось, конечно, не безъ насилія; не безъ жестокихъ страданій: въ VIII вѣкѣ вдругъ возобновляется переселеніе Славянъ въ южныя области имперіи, даже въ Целопоннесъ, и едва ли то не были выход-

вшему Славянскому произношенію) и назывался этотъ край (Грѣки пишутъ *буулон*, *бухлон*): теперешнее имя *Буджакъ* значить тоже *уголь*.

цы; уходившіе изъ-подъ власти Болгаръ. Тѣмъ не менѣе однако завоеваніе Мизіи не встрѣтило, сколько видно изъ лѣтописей, большаго сопротивленія, не стоило продолжительной борьбы: однимъ, можно сказать, ударомъ Болгаре воздвигли государство между Славянами, и стали во главѣ его.

Много ордъ, въ теченіе вѣковъ, бросалось отъ Уральскихъ горъ или изъ Средней Азии на земледѣльцевъ Славянъ, и всѣ почти сохраняли, среди мирнаго, общительнаго племени Славянскаго, свою дикую, исключительную народность, какъ-то: Авары, Мадьяры, Печенѣги, Половцы, Татары, Турки и столько другихъ: отрадное между ними исключеніе представляютъ тѣ степные пришельцы, которые, когда и превосходили Славянъ силою оружія, склонялись предъ ихъ духовною силою и роднились съ ними, дѣлались ихъ защитниками и братьями. Таковы были Гунны, столь ненавистные Германцамъ; таковыми оказались и Болгаре. Въ царствѣ, ими въ послѣдствіи основанномъ на Волгѣ и Каиѣ, они слились съ туземными Славянами, царь ихъ импозантъ-ся царемъ Славянскимъ (Малекъ-ель-Саклабъ), они представлялись Арабамъ смѣсью Татарскихъ племенъ съ Славянами; въ Задунайскомъ своемъ царствѣ они еще легче и полнѣе допустили сближеніе ¹⁴⁾. Тотчасъ же завоеватели и завоеванные составили въ политическомъ

¹⁴⁾ Причиною была, безъ сомнѣнія, малочисленность орды ($\frac{1}{5}$ первоначальной орды Кулратовой), которая, вкоренившись въ Мизію, и отдаленность отъ соплеменныхъ народовъ, тогда какъ въ

отношенія одно цѣлое: Славяне стали въ Болгарскихъ войскахъ рядомъ съ своими покорителями, это было въ то время главнымъ знакомъ политическаго общенія, — Славяне сдѣлались участниками въ побѣдахъ и славѣ преемниковъ Аспаруховыхъ, и, едва прошло сто лѣтъ со времени завоеванія ихъ, они являются равноправными согражданами Болгаръ.

Но еще не скоро исчезло наружное различіе между обоими народами. Долго еще звучали въ Мизіи два языка, Болгарскій и Славянскій, долго ея государямъ и вельможамъ давались имена Татарскаго склада; древній титулъ Болгарскаго повелителя, *хаканъ*, исчезъ, но долго сынъ его носилъ титулъ *тархана*¹⁵⁾, долго еще Болгаре брали при клятвѣ во свѣдѣтельство собакъ и разсѣкали ихъ по поламъ, удерживали широкую одежду Азіятцевъ, носили бунчукъ вмѣсто знамени, — пока, наконецъ, христіанская вѣра не дала полнаго торжества кроткому, свѣтлому племени Славянскому надъ дикою стихіей завоевателей, и не сгладила до послѣднихъ слѣдовъ Азіятско-Болгарской народности.

царствъ Камскихъ Болгаръ Татарскій элементъ могъ непрерывно обновляться.

¹⁵⁾ *Tarxanos*, Constant. de Caerim. 681. Менадръ, рассказывая (подъ 568 г.) о сношеніяхъ Дизавула, государя Турковъ (въ Средней Азіи) съ Византіею, говоритъ, что онъ послалъ къ императору посла, по имени *Тагма*, по титулу *тарханъ* (*тарханъ*); известно у нашихъ Татаръ *тарханское* достоинство.

П и с ь м о Ш.

ПЕРВЫЕ ДВА ВѢКА СЕРБІИ И БОЛГАРИИ.—ПЕРВОЕ
КРЕЩЕНІЕ.—БОРЬБА СЪ ГРЕКАМИ И ФРАНКАМИ:
Крумъ и Людевитъ.

Мы ознакомились съ переселеніемъ Славянъ на Балканскій полуостровъ и съ образованіемъ государствъ у Сербовъ, Хорватовъ ¹⁾ и въ Болгаріи. Какъ способъ переселенія, такъ и самое начало государственной жизни, представляютъ намъ много существенно несходнаго между общинами, которыя изъ-ва нижняго Дуная перешли на восточную половину Балканскаго полуострова, и между дружинами Закарпатскими, занявшими западные края, у Адриатики. И тѣ и другіе, воинственные въ ту пору, когда нужно было оружіемъ добывать себѣ жилища, возвратились къ природному Славянамъ мирному быту лишь только

---

1) Хотя собственно насъ занимаютъ только Болгары и Сербы, однако первыя письма наши по необходимости будутъ касаться и Хорватовъ, потому что въ древнѣйшее время въ нихъ сосредоточивалась исторія всей западной половины Балканскаго полуострова; они почти во всемъ руководствовали Сербами: позднѣе, въ X вѣкѣ, ихъ разбѣдила вѣра, Хорваты прикнули къ Датинскому міру, Сербы остались въ единеніи съ Греческимъ; тогда они разошлись и въ исторіи.

нашли себѣ привольныя земли; Сербы и Хорваты, побѣдители страшныхъ Аваровъ, точно также какъ тѣ Славянскіе выходцы, которыхъ въ VI вѣкѣ описывалъ Прокопій свирѣпыми кровопійцами, грозою Грековъ, основавшись за Дунаемъ, притихли и замолкли совершенно ²⁾

Великую разницу въ ихъ древней исторіи составляетъ то, что Славяне Мизійскіе вскорѣ вышли изъ этого бездѣйствія и безмолвія, предводимые Болгарами завоевателями, а Сербы и Хорваты оставались въ немъ необыкновенно долго. Въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ сіи послѣдніе чуждались еще политической дѣятельности, и какъ бы не сознавали своихъ народныхъ силъ: ибо не общественнымъ переломомъ, — ни завоеваніемъ, какъ Болгарскіе Славяне, ни сознательнымъ приговоромъ народной воли, какъ Русь и Польша, — а неза-

²⁾ Главнымъ занятіемъ этихъ Славянъ сдѣлалось, безъ сомнѣнія, хлѣбопашество; тѣ, которымъ достались берега и острова Далмаціи, пустились въ мореходство и торговлю. Исключеніе составляетъ только маленькая Сербская вѣтвь Неретчанъ, въ южной Далмаціи, часть которыхъ предалась морскому разбою. Въ VIII вѣкѣ нѣкоторыя Славянскія вѣтви на Эгейскихъ берегахъ, кажется, также отваживались на море, для разбоя, потому что у нихъ нашлось значительное число плѣнныхъ, взятыхъ ими на островахъ Имврѣ, Тенедосѣ и Самоэракіи: но эти предпріятія едва ли были важны, потому что только одинъ разъ (подъ 768 г.) встрѣчается на нихъ у лѣтописцевъ указаніе, и то косвенное.

нѣтными почти и невольными переходомъ отъ дружиннаго устройства (мы это показали въ предыдущемъ письмѣ), вступили они въ государственную жизнь, и она не имѣла силы оторвать ихъ вполне отъ того разрозненнаго, бездѣйственнаго ³⁾ состоянія, въ которомъ пребывали Славяне въ древнѣйшую эпоху. Нуженъ былъ страшный гнетъ иноплеменниковъ, чтобы въ началѣ IX вѣка вывести Хорватовъ изъ страдательнаго положенія, и тогда они, возбужденные борьбою за независимость, влияніемъ Римскаго народонаселенія, удержавшагося въ нѣкоторыхъ приморскихъ городахъ Далмація, и сношеніями съ Италіею, въ особенности съ Венеціею, приняли болѣе дѣятельное участіе въ современныхъ событіяхъ; исторія же Сербовъ въ продолженіе безъ малого пяти столѣтій, съ VII го по XII-е, оставалась чисто-страдательною ⁴⁾.

Сербы и Хорваты охотно признали верховную власть императора Ираклія, который и

³⁾ Я говорю, разумеется, только о бездѣйствіи въ историческомъ отношеніи.

⁴⁾ Въ это время, правда, Неретчане сильно тревожили берега Адриатическаго моря отважными разбоями: но разбои ихъ были только частныя предпріятія людей, которые не находили себѣ пропитанія въ родномъ уголкѣ; — земля двухъ жуупъ Неретчавскихъ, занимавшихся разбоемъ, *Растюки* и *Мокрой* (гдѣ теперь городъ *Макарска*), была узенькая приморская полоса на сѣверѣ отъ Нарцты; политическаго, такъ сказать, значенія эти предпріятія вовсе не имѣли.

указалъ имъ, какъ намъ уже извѣстно, жилища въ Иллирикѣ. Ираклій захотѣлъ воспользоваться ихъ послушаніемъ и распространить между ними христіанскую вѣру: они не оказали ей сопротивленія. По уставамъ кесарей, Иллирикъ съ Далмаціей принадлежалъ къ западной половинѣ Римской имперіи, и хотя онъ перешелъ потомъ къ державѣ Византійской, однако въ церковныхъ дѣлахъ оставался по прежнему подъ властію Римской митрополіи. На этомъ основаніи Ираклій призвалъ для Сербовъ и Хорватовъ учителей изъ Рима: то было въ VII-мъ вѣкѣ, когда западный міръ находился въ церковномъ единствѣ и общеніи съ восточнымъ. Много народу, какъ у Хорватовъ, такъ и у Сербовъ, тотчасъ крестилось: поставили имъ епископовъ, священниковъ и діаконовъ, подчинивъ ихъ архіепископу города Сплета (или Сплита, Spalatro), гдѣ сосредоточились потомки Римлянъ, переселенныхъ въ Далмацію Діоклетіаномъ ⁵⁾. Крестившихся Хорваты, говоритъ Константинъ

---

⁵⁾ Извѣстна заботливость Діоклетіана о Далмаціи, своей родинѣ. Древнею столицею Далмаціи была Салона (теперь мѣстечко): при ея разрушеніи Аварами, Римское населеніе укрылось въ Сплеть (Aspalathum); кромѣ того Римскими городами и во время Хорватской державы были: *Rausium* (Рагуза, по Слав. Дубровникъ), *Tetrangurium* (Трогиръ, Трау), *Diodora* или *Jadera* (Зара, Задаръ), *Arba* (Арбе, Рабъ), *Vigium* или *Vecla* (Велья, на островѣ того же имени, называемомъ по Слав. Къркъ), *Opsara* (Осора).

Багрянородный, дали обязательство, утвержденное ихъ подписями, и принесли Св. Петру Апостолу крѣпкую присягу не нападать на чужія земли и жить мирно со всѣми сосѣдами, лишь бы ихъ самихъ не тревожили, а Римскій папа обѣщалъ имъ за то, что если другіе нападуть на нихъ, то ихъ поборникомъ будетъ Богъ, заступничествомъ Петра, ученика Христова.» Но не долго пребыли Сербы и Хорваты вѣрными этому первому своему крещенію; какъ и подданству Византійскимъ императорамъ: и то и другое они тогда скорѣе допустили по равнодушію, чѣмъ приняли по обдуманному рѣшенію. Часть вовсе не крестилась, другая часть осталась лишь по имени христіанскою, а верховная власть императоровъ уничтожилась сама собою, при слабыхъ преемникахъ Ираклія. До IX-го вѣка о Сербяхъ и Хорватахъ нѣтъ и слуху:

Далеко не похожи на эту тишину и безвѣстность Сербовъ и Хорватовъ первые вѣка Болгаріи. Тутъ видно замѣчательное сходство съ древнѣйшею порою въ исторіи Руси. Какъ на Руси призваніе Варяговъ, такъ за Дунаемъ приходъ Болгарь къ Славянскимъ племенамъ былъ для нихъ началомъ, можно сказать, героической эпохи: удаля боевой дружины соединилась съ обильными средствами, съ упорною силою многочисленнаго, крѣпкаго, трудолюбиваго народа земледѣльческаго. — Однако, насильственное рожденіе Болгарскаго государства, какая-то дикая свирѣлость, которую, можетъ быть, принесли Болгаре изъ Заволжья, и нравственная порча, плодъ ранняго и постояннаго общенія съ Византією;

все это отозвалось въ судьбѣ Болгаріи, и что основано было мечемъ, то отъ меча и поцѣбло: сначала весь родъ Аспаруха, цетомъ и государство, имъ созданное, и ничего не осталось отъ дѣла Болгарь-завоевателей; ибо, хотько Славянскій, завоеванный народъ сохранился среди развалинъ древней Болгаріи, и одно лишь имя, этимъ народомъ принятое, напоминаетъ о твореніи Аспаруха: Рюриково же государство стоитъ и растетъ.

О самомъ Аспарухѣ, основателѣ Болгаріи, мы знаемъ, также мало, какъ и о Рюрикѣ: вѣрно, оба были заняты внутреннимъ устройствомъ новыхъ своихъ владѣній. Вскорѣ однако, утвердившись въ Мизии и усилившись (кажется, введеніемъ Славянъ въ свои войска), Болгаре перешагнули Балканы и начали разорять Фракію до такой степени, что императору Константину Погонату пришлось просить мира: «по множеству грѣховъ нашихъ, говоритъ лѣтописецъ Феофанъ, онъ долженъ былъ обязаться, къ великому стыду Римскаго имени, платить Болгарамъ ежегодно определенную дань. И было дивомъ, какъ для далекихъ, такъ и для близкихъ странъ, что люди, которые подчинили себѣ всѣ племена вселенной отъ востока до запада и отъ сѣвера до юга, теперь одолѣны были этимъ мерзкимъ и новоявившимся народомъ.» Возобновляя войну, сызъ Констанція, Юстиніанъ II, сперва обратилъ свои силы на Фракію и Македонію, противъ тамошнихъ Славянъ. Видно, онъ боялся, чтобы они не присоединились къ Болгарскому государству, и перевелъ огромное ихъ число, частью покоренныхъ,

частью добровольно поддавшихся, черезъ Абидосскій проливъ, на противоположный Мало-азиатскій берегъ ⁶⁾. Между тѣмъ Болгаре, кажется, успѣли распространиться далеко за Балканы: когда Юстинианъ возвращался изъ Македонид, они напали на него въ тѣсницѣ горъ и разбили его на голову (687 г.).

Неизвѣстно, кто въ эту войну правилъ Болгарами, но теперь выступаетъ у нихъ могущественный государь Тервелъ; предводитель «позорящихагося» народа, какъ называется Идгаръ Греческій писатель, онъ держитъ въ своихъ рукахъ судьбу Византіи, но тотчасъ же прельщается ея соблазнительнымъ блескомъ; не минуло тридцати лѣтъ государству, Болгарскому, и торжествующій Тервелъ во главѣ своего народа подчиняется формамъ и церемоніямъ дряхлыхъ наслѣдниковъ Рима. Мятежъ въ Константинополѣ свергнулъ Юстиниана съ престола. Юстинианъ долженъ былъ отправиться въ Херсонесъ. Опасаясь здѣсь за свою жизнь, онъ на ладѣхъ мистился въ море, и прибылъ къ устьямъ Дуная. Тервелъ пригласилъ его къ себѣ, принялъ съ великою

⁶⁾ Какъ мало оставалось земли въ непосредственной вѣдѣніи Византіи, показываетъ извѣстіе летописца, что Юстинианъ *простеръ тогда свои набѣги до Фессалоникъ (Солуя)*. Изъ этихъ Славянъ, переведенныхъ въ Малую Азію, онъ составилъ себѣ 30,000 отборнаго войска (*λίος περιούβιος*, что-то въ родъ гвардіи) и назначилъ ихъ къ войнѣ съ Арабами, которые впрочемъ большею частію переманили ихъ къ себѣ.

почестью и обещалъ ему помощь (702). Онъ поднялъ все свои войска, Болгарскія и Славянскія, и на другой годъ пошелъ съ Юстиніаномъ къ Царьграду. Юстиніанъ безъ боя признанъ былъ вторично императоромъ. Тервелъ съ своею ратью стоялъ у Влахерской стѣны. Ему уступлена была область Загорье (южный склонъ Балканскихъ горъ отъ нын. Эски-Загры до Бургаса, съ важными приморскими городами Анхіаломъ и Месемвріей⁷⁾; императоръ призналъ себя его данникомъ; онъ самъ вышелъ къ нему изъ Царьграда, облекъ его въ императорскую одежду и назвалъ кесаремъ⁸⁾; Тервелъ возсѣдалъ на престолѣ рядомъ съ престоломъ императора, и народъ Константинопольскій склонялся передъ нимъ, какъ передъ собственнымъ государемъ; при разставаніи, Болгаринъ осыпанъ былъ несметными дарами. Любопытенъ расказъ Грека⁹⁾ о богатствѣ и щедрости Тервела: онъ клалъ на землю свой щитъ, выпускалъ его внизъ, на щитъ клалъ плеть, съ которою ѣздилъ верхомъ, и потомъ засыпалъ щитъ и плеть деньгами; воткнувъ въ землю конюе, накладывалъ съ обѣихъ сторонъ до верху шелковыя ткани; раздавалъ своимъ воинамъ деньги цѣлыми ящиками, правою рукою загребая золото, лѣвою серебро.

Черезъ нѣсколько лѣтъ Болгаре, разо-

7) Теперь Ахіолъ и Мисеври.

8) Титулъ кесаря былъ второй послѣ императора Августа.

9) Лексикографа Свида, у Стриттера II, 516.

рившись съ Греками, опять ходили подъ Цареградъ и снова заключили выгодный съ ними договоръ (715)¹⁰). Вскорѣ потомъ они же оказали помощь имперіи: Цареградъ былъ осажденъ Арабами, въ страшныхъ силахъ, морскихъ и сухопутныхъ; Болгаре вступили съ ними въ бой, убили ихъ, по достовернымъ свидѣніямъ, говоритъ летописецъ, до 22,000, и эта помощь, соединенная съ голодомъ и моромъ въ войскѣ мусульманъ, спасла Византію (716).

Какъ на Руси за Рюрикомъ и вѣтяземъ Олегомъ послѣдовало слабое княженіе Игоря, такъ и послѣ Аспаруха и Тервела на время затихаетъ предпримчивость Болгаръ. Тридцать семь дѣтъ о Болгарахъ не говорятъ Византійцы ни слова, а послѣ этого перерыва, исторія ихъ открывается жестокимъ пораженіемъ. Теперь, въ свою очередь, Болгаре принуждены просить мира у Грековъ, прежнихъ своихъ данниковъ. Ужъ не изнѣжились ли въ богатой странѣ Болгарскіе государи, подобно многимъ Азіатскимъ пришельцамъ, и не подѣйствовало ли на нихъ соблазнительное сосѣдство Византіи? И не стали ли они предпочитать новыхъ своихъ подданныхъ, миролюбивыхъ Славянъ, прежнимъ браннымъ товари-

¹⁰) Летописецъ Теофанъ приписываетъ этотъ договоръ преемнику Тервела, Кормесу, но, кажется, по ошибкѣ, ибо еще два года спустя является Тервель въ другихъ Византійскихъ сказаніяхъ. Теофанъ тѣмъ легче могъ сбѣяться, что онъ упоминаетъ о договорѣ по поводу гораздо позднѣйшихъ событій.

цямъ Болгарамъ. Ибо вдругъ вслѣдствіе
 самостоятельной стѣны Болгарская, возстаетъ въ
 кровавомъ противодействіи противъ рода Аспа-
 рухова, противъ Славянъ, противъ Византін.
 Вотъ поведеніе современниковъ: «Въ 769 г.
 Гунны-Болгаре¹²⁾, заключивъ между собою
 договоръ, набили весь родъ своихъ наслед-
 ственныхъ владѣтелей и поставили себя го-
 сударемъ Теленца, выгодопріобрѣтателемъ и полнаго
 конюшеской отваги, который, собравъ войска,
 сталъ разорять области имперіи. Въ это же
 время множество Славянъ, покинувъ свою ро-
 дину, прибѣгли добровольно къ императору
 и, переплывъ Эвксинъ, поселились, по его
 указанію, у р. Артаны (въ древней Визоніи,
 на сѣверномъ берегу Малой Азіи). Ихъ было,
 говорятъ, до 208,000.»

Въ древнихъ источникахъ описываются по-
 ходы и битвы Болгаръ, но не дается ника-
 кихъ указаній на ихъ внутреннюю жизнь.
 Объ этомъ возможны лишь догадки. По ви-
 димому, послѣ низверженія коренными Бол-
 гарами ослабшаго рода Аспарухова, нача-
 лось какое-то броженіе, въ которомъ только
 и сплотилось, кажется, настоящимъ образомъ,
 государство Болгарское изъ Славянъ и ихъ
 покорителей. То было время смутъ и бѣд-
 ствій. Болгаре требовали войны съ Греками,
 но не были въ силахъ вести ее. Телецъ вы-
 двинулъ къ Анхіалу большое войско, Болгар-

¹²⁾ Этимъ выраженіемъ летописецъ Нинифоръ,
 можетъ быть, хотѣлъ отличить собственныхъ,
 Заволжскихъ Болгаръ, отъ ихъ подданныхъ
 Славянъ

тосое и Славянское, бѣдѣ разбитъ и бѣжалъ. Въ Болгаріи возмущенъ мятежъ; возводи на престолѣ Савина, но Савинъ думалъ о мѣдѣ съ Греками; Болгаре составили собраніе, уже не хотѣли знать Савина, и кричали: «черезъ него Болгарія поддается Грекамъ.» Савинъ бѣжалъ (762—763). Такъ продолжались смуты въ теченіе многихъ лѣтъ. Безпрестанно мѣняя государей, Болгаре не разъ терпѣли кровавыя пораженія отъ сильнаго императора Константина Копронима, не разъ земля ихъ была разорена и остатки ихъ войскъ спасались бѣгствомъ къ устьямъ Дуная (763—774). Наконецъ, Болгарія мало по маду успокоивается: новый властитель, имя котораго пишется различно (Телеригъ, Телегуръ, Тзеригъ и т. п.), опять уже вторгается во Фракію, хочетъ перевести въ Болгарію Славянское племя Брежичей (близъ Адрианополя); притворившись соумышленникомъ Грековъ, вывѣдываетъ у Константина Копронима, о тѣхъ Болгарахъ, которые служили замысламъ Византіи, и всѣхъ ихъ приказываетъ разсѣчь пополамъ. Вскорѣ однако ему пришлось, неизвестно почему, бѣжать къ преемнику Константина, онъ былъ сдѣланъ Патрищемъ, породнился съ императорскимъ домомъ и, первый изъ Болгаръ, принялъ крещеніе (777).

На мѣсто его воцарился Кардамъ, и съ нимъ окончился этотъ переломъ въ Болгарской исторіи. Кардамъ вновь приучилъ Болгаръ къ побѣдамъ, сталъ требовать отъ Грековъ дани, но еще не отваживался на дальнія предпріятія. Слава великихъ подвиговъ была предоставлена его преемнику, Круму.

Между тѣмъ приближились къ Задунайскимъ Славянамъ западные завоеватели, Франки. Подчинивъ себя Баварцевъ и Славянъ Каринтійскихъ (Хорутанскихъ), давно уже исповѣдывавшихъ христіанство, Карлъ Великій вступилъ въ бой съ Аварами, владѣнія которыхъ начинались за р. Энсомъ ¹²⁾ и простирались по всей нын. Венгріи. Восемь лѣтъ (791 — 799) длилась упорная борьба. «Сколько сраженій въ ней было, сколько крови пролито, говоритъ Эйнгардъ, тому свидѣтельница Паннонія, опустѣлая и безлюдная, и мѣсто царскихъ палатъ хаkana ¹³⁾, гдѣ не осталось слѣда человѣческаго жилья.» Въ пустынныхъ кочевьяхъ Аваровъ, Франки заходили за Тису; среднее теченіе Дуная съ сѣвера на югъ, кажется, принято было за границу Западной имперіи.

Съ тѣмъ вмѣстѣ и южные сосѣди Аваровъ, Хорваты, поддались Франкамъ, какъ въ землѣ между Дравою и Савою, такъ и въ Далмаціи; Сирмій ¹⁴⁾ на Савѣ сдѣлался Франкскою крѣпостью; въ 799 г. Франкское войско явилось въ сѣверной части приморской Хорватіи ¹⁵⁾; въ 806 г. Римскіе города Далмаціи просили покровительства Карла, Далматскіе Славяне также подчинились его власти, и въ

¹²⁾ Въ нын. Австрійскомъ эрцъ-герцогствѣ.

¹³⁾ Мѣсто это Нѣмцы называли кругомъ (*kring*), Ломбардцы станомъ (*campus*): то было укрѣпленное становище кочевниковъ.

¹⁴⁾ По Слав. Сремъ: развалины въ Митровицѣ.

¹⁵⁾ Древней Либурніи.

договоръ съ Греческимъ императоромъ (811). Далмация была признана Франкскою областью.

Пораженіе Аваровъ Карломъ возбудило новую дѣятельность въ неработоченныхъ ими дѣлѣнахъ. Славянскія вѣтанъ въ Панноніи отгѣснили далеко на западъ остатки Аваровъ ¹⁶⁾. Съ другой стороны, за Тисой, поднялись Болгаре той орды, которая, двинувшись въ одно время съ ордою Аспаруха изъ Черноморскихъ степей на западъ, осталась на сѣверномъ берегу Дуная и, какъ было упомянуто, вошла тамъ въ составъ Аварскаго государства. Въ началѣ IX в. они покорили, въ свою очередь, обитавшихъ между ними Аваровъ и, неизвѣстно по какимъ обстоятельствамъ, присоединились къ Задунайскимъ Болгарамъ. Власть Кардамова наследника, Крума; прѣстерлась отъ Забалканья черезъ нынѣшнюю Валахію до юговосточныхъ отроговъ Карпатскихъ горъ; его предѣлы сошлись, на среднемъ Дунаѣ, съ предѣлами Франкской имперіи; его войска усилѣлись новыми ратниками; въ полкахъ его, подлѣ Болгаръ и Славянъ, стали храбрые Авары.

Такимъ образомъ въ началѣ IX вѣка значительно измѣнилось положеніе Дунайскихъ народовъ. На одномъ концѣ, удвоилось могу-

¹⁶⁾ Einhardi annales a. 805. «Аварскій хаканъ прибѣгнулъ къ Карлу и выпросилъ себѣ жилище между Сабаріей и Карнунтомъ (теперь Sarwar и Heimbург, въ самомъ западномъ краю Венгріи, на границѣ Австріи), потому что онъ отъ буйства Славянъ не могъ уже оставаться въ прѣжнихъ своихъ земляхъ.»

щество, расширилась деятельность Болгарскаго государства; на другомъ — Хорватамъ пришлось найдать на себя власть инемицевъ, и тяжесть гнета вызвала ихъ на борьбу, — а далѣе, въ Верхней Паннони, Славинскія племена основали прекрасное, но недолговѣчное, государство Великоморавское.

Крумъ дѣйствовалъ уже не такъ, какъ его предшественники, не довольствовался приобретениемъ отъ Грековъ добычи или какой-нибудь области. Онъ хотѣлъ, — это видно по всему, — основать цѣльное государство отъ Босора до Карпатскихъ горъ: ему тѣмъ была граница Балканская, а переступивъ Балканы, онъ понималъ, что негдѣ остановиться, кромѣ какъ въ Царевградѣ. Царевградъ была одна его цѣль; другая цѣль была — заселить обширныя области на сѣверномъ берегу Дуная, доставшіяся ему отъ Аваровъ и Болгарской орды, и гдѣ, послѣ выхода Славянъ за Дунай, не было осѣдлаго населенія: утвердить тамъ, оплотомъ для собственной Болгаріи, осѣдлый народъ, вотъ къ чему стремился Крумъ, какъ бы предвидя съ этой стороны опасность.

Есть о Крумѣ замѣчательное преданіе, сохраннымъ известнымъ Византійскимъ компиляторомъ Свидою: «Болгаре до конца погубили Аваровъ, Крумъ спросилъ плѣнныхъ Аваровъ: «Отъ чего, по вашему мнѣнію, погибли выцѣ государь и ваше племя?» — «Отъ того, что умножились у насъ тяжбы и распри; что лихоимцы и воры стали судьями, что народъ предался пьянству, и сталъ падохъ на подарки; что всѣ пустились въ торговлю, и другъ

друга обманывали.»—Крумъ, выслушавъ это, созвалъ всѣхъ Болгаръ и положилъ законы: неправыхъ истцевъ казнить; лихоимцамъ и ворахъ выламывать бедра; истребить всѣ виноградники; бѣдныхъ обезпечить, чтобъ они больше ничего не домогались, а потомъ недовольныхъ своимъ состояніемъ наказывать.» Преданіе это есть какъ бы отголосокъ дѣятельности Крума-законодателя; историческая основа несомнѣнна.

Открывая войну съ Греками, Крумъ началъ съ того, что отнялъ у нихъ послѣднюю точку опоры въ Балканахъ, Сардику (по-Слав. Средецъ, теп. Софія). Въ 809 г. она пала передъ Болгарами. Императоръ Никифоръ сосредоточилъ въ «Славиніи», т. е. во Фракіи и Македоніи, всѣхъ ратниковъ имперіи; кромѣ того набралъ толпы бѣдняковъ, вооруженныхъ одними палками и пращами; огромными налогами увеличилъ свою казну, — и послѣ двухлѣтнихъ приготовленій вступилъ въ Болгарію. Увлеченный впередъ отсутствіемъ сопротивленія, онъ овладѣлъ Крумовымъ ауломъ (такъ называли Болгаре, говоритъ лѣтописецъ, жилище своего государя)¹⁷⁾: аулъ находился, кажется, у нынѣшней Шумлы. Крумъ сталъ просить мира, очевидно, чтобы выиграть время; когда Никифоръ прервалъ переговоры, то нашелъ себя запертымъ деревянными завалами Крумъ загородилъ, какъ стѣнами, ущелья и спереди и позади его. Никифора поразило точно громомъ (я все это выписываю изъ Теофана); обходя мѣстность и нища выхода, онъ говорилъ: «птицами развѣ

¹⁷⁾ Зонара, Теофанъ и проч. — Ясно, что слово *αὐλή* здѣсь не Греческое.

мы отсюда вылетимъ.» Два дня прошли спокойно; въ ночь на субботу, 25-го іюля (811), услышали шумъ оружія и движеніе войска; все ждало съ трепетомъ; на зарѣ Болгаре ударили на Греческій станъ, и всѣхъ избили, самого императора Никифора, его сановниковъ, патриціевъ, стратиговъ, областныхъ начальниковъ, и безчисленное множество воиновъ: «погибъ въ этотъ день цвѣтъ христіанъ, пропали императорскія украшенія и все оружіе. Не дай Богъ христіанамъ видѣть когда-нибудь подобный день!—Отрубленную голову Никифора, наткнутую на древко, долго показывалъ Крумъ приходившимъ къ нему отъ разныхъ народовъ посѣтителемъ, потомъ выложилъ черепъ серебромъ и сдѣлалъ чашу, изъ которой пили на торжественныхъ пирахъ вожди Славянскіе.»

Крумъ пошелъ къ Черному морю, овладѣлъ крѣпостью Деветомъ (близъ нынѣшняго Бургаса) и переселилъ за Дунай жителей съ ихъ епископомъ. Новый императоръ Михаилъ собралъ противъ него что только могъ войска, вызвалъ даже сторожевые отряды изъ Сиріи. Крумъ шелъ все далѣе. Съ помощью Араба, научившаго Болгаръ устройству осадныхъ машинъ, онъ взялъ Месемврию. Сами лѣтописцы говорятъ, что для мѣстныхъ жителей сбродное войско Византійское было хуже «варваровъ», Болгаръ: можно себѣ представить, что Фракійскіе Славяне съ радостью встрѣчали Крума. 22-го іюня 813 г. онъ одержалъ великую побѣду подъ Адрианополемъ; оставивъ здѣсь отрядъ для осады, онъ двинулся къ столицѣ и обложилъ ее. Сначала, на луку у

Золотыхъ воротъ ¹⁸⁾, онъ совершилъ языческіе обряды, въ виду всѣхъ жителей Цареграда: закололъ въ жертву множество людей и животныхъ, потомъ, омочивъ ноги въ морѣ, исполнилъ обрядъ омовенія, окрошилъ войско водою и, при кликахъ Болгарь, прошелъ торжественнымъ шествіемъ черезъ толпу женщинъ, которыя предъ нимъ падали ницъ и его восхваляли. За тѣмъ онъ приступилъ къ осадѣ, обвелъ городъ окопавъ, но не надѣясь въ этотъ разъ на успѣхъ, началъ переговоры, требовалъ отъ императора дани, огромнаго количества дорогихъ одеждъ, известнаго числа отборныхъ дѣвицъ и права водрузить копье на Золотыхъ воротахъ Цареграда. Для заключенія условія Крумъ выѣхалъ, по уговору, къ загородной церкви Св. Безсребренниковъ, безоружный, съ четырьмя спутниками; сошелъ съ коня, сѣлъ на земь и вступилъ въ преніе съ полномочными; племянникъ его держалъ коня; вдругъ изъ засады выскочили воины; Крумъ успѣлъ броситься на коня и ускакалъ, прочіе погибли. Болгаре пришли въ ярость: все, что было внѣ городской стѣны: церкви, дворцы, дома, суда и строенія въ гавани, все было сожжено или разрушено; плѣнныхъ задушили, съ огромною добычею отправился Крумъ восвояси. Онъ повезъ съ собою въ Болгарію мѣднаго льва, украшавшаго циркъ, Гидрійскаго дракона и лучшія изъ мраморныхъ изваяній, которыми украшены были окрестности Цареграда. Онъ разорилъ всѣ города подѣ столицю, взялъ Адрианополь, и опять отсюда перевелъ всѣхъ

¹⁸⁾ Теперь семибашенныхъ (Едикулемерь-капусси), на южной оконечности городской стѣны.

жителей въ сѣверныя свои области, въ «Задунайскую Болгарію», по выраженію Грека. Число переселенцевъ было, говорятъ, огромное. Война утихла на нѣсколько времени за Балканами; она возгорѣлась въ землѣ Хорватской.

Здѣсь начались неуройства, споры между Славянами и старыми приморскими городами. Военный начальникъ Франковъ, маркграфъ Кадолахъ или Хадало, жестоко угнеталъ Хорватовъ: Людевитъ, великій жупанъ сѣверныхъ, Савскихъ Хорватовъ, жаловался императору Людовику благочестивому, но Людевита не слушали: онъ сталъ готовиться къ возстанію. Великій жупанъ Хорватовъ Далматскихъ, Борна ¹⁹⁾, враждовалъ съ нимъ и былъ усерднымъ слугою иноземцевъ; и въ это время, когда собиралась гроза, Славянскія вѣтви, жившія на западъ отъ собственной Болгаріи, по обѣимъ сторонамъ Дуная отъ Тимока до устья Дравы, Бодричи, Кучане или Гудушане и Тимочане ²⁰⁾, признававшіе себя подданными Болгаръ, отказались отъ союза съ ними, ради покровительства Франковъ. Крумъ пока не вступался; но борьба началась. Людевитъ, котораго благословилъ на подвигъ самъ патріархъ Аквилейскій, поднялъ оружіе.

¹⁹⁾ Такъ пишется это имя въ источникахъ, но вѣрнѣе была бы, кажется, форма *Боренъ*, подтверждаемая древними Сербскими и Хорватскими именами *Ворена* (винит. падежъ), *Нориво*; у Константина Багр.

²⁰⁾ Объ этихъ племенахъ, ихъ жилищахъ и названіяхъ см. Слав. Древности Шафарика. Вѣроятно, что власть Болгаръ распроетранилась надъ ними довольно поздно, при паденіи Аваровъ.

Выслано было противъ него Франкское войско; онъ его прогвалъ и послѣ побѣды предложилъ миръ. Его условія не были приняты; онъ склонилъ Тимочанъ покинуть Нѣмцевъ и присоединиться къ нему. На него пошли съ запада Франки, съ юга Борна съ Далматинцами и Кучанами: но Франки ничего не сдѣлали, а Борна, оставленный Кучанами, былъ разбитъ на голову при Кулпѣ (819). Людевитъ опустошилъ Далмацію и привлекъ къ себѣ Славянъ Каринтійскихъ (Хорутанскихъ) и Краинскихъ, которые дотолъ какъ бы чуждались общей жизни Славянъ и прозябали въ зависимости отъ Германіи; казалось, на Дравѣ, въ Норикѣ и Панноніи, готова была возникнуть новая держава Славянская и стать оплотомъ Славянскому міру со стороны южной Германіи. — Всѣ силы Западной Имперіи, три войска, выставленныя Саксами, восточными Франками, Швабами, Баварцами, Итальянцами, тотчасъ двинулись на Людевита (820). Онъ благополучно выдержалъ осаду въ своей твердынѣ (вѣроятно Сисекѣ) и остался по прежнему непокоренъ; но Краинцы и Хорутане не устояли: они покинули Людевита и возвратились къ послушанію Нѣмецкимъ герцогамъ и графамъ; опять потекла у нихъ безцвѣтная, страдательная жизнь, и съ тѣхъ поръ уже не принимали они участія въ движеніи и борьбѣ Славянскаго племени.

Между тѣмъ Крумъ, который шесть лѣтъ провелъ въ бездѣйствіи, видно слѣдя за войною, разыгрывавшеюся въ его сосѣдствѣ, и готовился къ чему-то великому, а теперь могъ быть покоенъ со стороны запада, — собрался опять на Грековъ, и такъ, чтобы на этотъ

разъ покончить: дѣло въ Цареградѣ. Онъ вооружилъ, говоритъ лѣтописецъ, страшную рать, призвалъ Аваровъ и войска *изо всѣхъ Славиній*, т. е. ото всѣхъ подвластныхъ Славянскихъ племенъ, устроилъ всевозможныя осадныя орудія, стѣнобитныя, огнеметательныя, камнеметательныя, всякаго рода подвижныя башни; чтобы поднять все это, тотовы были воны въ огромномъ числѣ и 5,000 телегъ, кованыхъ желѣзомъ; императоръ Левъ принималъ мѣры къ оборонѣ, выводилъ новую стѣну у Влахернъ ²¹⁾, производилъ земляныя работы; вдругъ приходитъ извѣстie: «Крумъ умеръ, въ пятницу на Св. недѣлѣ ²²⁾, скоропостижно задушилъ его приливъ крови». — Мортагъ ²³⁾, новый государь Болгарскій, заключилъ перемиріе съ Греками; онъ хранилъ его неизмѣнно, какъ и преемникъ его Пресеямъ. — Цѣль стремленій Крума былъ Босфоръ; дѣйствія Мортага и Пресеяма были направлены на западъ.

Тутъ вскорѣ рѣшилась судьба Людевита: въ 821 г. онъ еще устоялъ передъ натискомъ Франковъ, но въ 822 принужденъ былъ бѣжать къ Сербамъ. Лѣтописцы рассказываютъ, что онъ убилъ Сербскаго князя, который его принялъ, а потомъ ушелъ отъ Сербовъ въ Далмацію къ Людомыслу, дядѣ его соперника Борны, и былъ имъ умерщвленъ. Вся земля Хорватская находилась опять во власти Франковъ. Ихъ предѣлы снова коснулись Болгаріи, зашелъ споръ о границѣ, случились стычки. Славянское племя Бодричей съ Бра-

²¹⁾ Сѣверная оконечность Константинополя: Влахернскія ворота — теперь Балать-капусси.

²²⁾ 820 года.

²³⁾ Иначе Омортагъ.

ничевцами ²⁴⁾ еще разъ отъ Болгаръ перешли къ Франкамъ. Мортагъ требовалъ разграниченія, Франки уклонялись. Наконецъ, въ 827 г., Болгарское войско сѣло на суда, пустилось съ Дуная вверхъ по Дравѣ, и поставило надъ всѣми окрестными Славянами Болгарскихъ начальниковъ. Такимъ образомъ сѣверная Хорватія, земля Людевантова ²⁵⁾, на время досталась Болгарамъ. Чтобы упрочить за Болгарскимъ государствомъ эту длинную полосу земли, могло казаться нужнымъ обладаніе Сербією ²⁶⁾. «До того времени Сербы и Болгаре, говоритъ Константинъ Багрянородный, жили въ ладу, мирными сосѣдами, любя другъ друга; но въ княженіе Властимира пошелъ на Сербовъ войною Преславъ, государь Болгарскій, съ цѣлію покорить ихъ.» То было начало многочисленныхъ и продолжительныхъ войнъ между обоими народами; на первый разъ зачинщики не имѣли успѣха: Властимиръ, послѣ трехъ-лѣтней борьбы, со славою отразилъ Болгаръ.

Между тѣмъ тяжелая борьба за независимость велась и Хорватами, именно тою частью, которая и послѣ похода Болгаръ на Драву, осталась подъ властію Франковъ. Въ 818 г.,

²⁴⁾ Въ части нын. Бачки, Баната Темешварскаго и прилегающей части Сербскаго княжества, гдѣ городъ Враничевацъ.

²⁵⁾ Нын. Сирмія, Славонія и тамошняя военная граница.

²⁶⁾ Припомнимъ себѣ, что древняя Сербія заключала въ себѣ западную половину нын. Сербскаго княжества и всю Боснію.

когда еще живы были преданія умной помин-
 чини Карла Великаго, когда еще не могли быть
 забыты, что подчиненіе Хорватей западной
 имперіи было добровольное, жестокость Фран-
 ковъ принудила Людовика къ возстанію: мож-
 но себѣ представить, что происходило теперь,
 какъ возстаніе было подавлено и успѣхъ Бол-
 таря въ Савской Хорватіи требовалъ строгихъ
 мѣръ въ сосѣднихъ областяхъ. Черезъ это
 слишкомъ глѣтъ еще помнила равнодушная
 Византія о дѣйствіяхъ Франковъ у Адриати-
 ческихъ Славянъ. Вотъ извѣстіе Константина
 Багрянороднаго: «Хорваты, завлававши Далма-
 цію, повиновались Франкамъ; Франки же были
 до того къ нимъ жестоки, что даже груд-
 ныхъ младенцевъ убивали и бросали на съвѣ-
 деніе псамъ: такъ что Хорватамъ наконецъ не
 достало терпѣнія.» Произвела опять борьба,
 этотъ разъ уже къ Далмаціи. — Константинъ
 продолжаетъ: «Хорваты возстали и предали
 смерти своихъ властителей, назначенныхъ
 Франками; Франки выслали большое войско;
 послѣ семилѣтней борьбы и великихъ усилій,
 Хорваты наконецъ одолѣли, истребили Фран-
 ковъ, убили ихъ вождя Коцилина.»

Но съ христіанствомъ Хорваты не хотѣли
 разрыва. Въ эти смутныя времена едва ли
 осталось у нихъ что нибудь отъ дѣла преж-
 нихъ проповѣдниковъ, и они, избавившись
 отъ Франковъ, тотчасъ же послали, по преж-
 нему примѣру, въ Римъ, просить пастырей:
 пришли вторично епископы и крестили ихъ.
 Потомъ прибылъ къ нимъ изъ сосѣдней Хо-
 рутанской земли наставникъ Мартинъ, міря-
 нинъ, мужъ въ высокой степени благодести-

ый, котораго Хорваты почитали чудотворцемъ; большаго и безногаго, его носили четверо носильщиковъ; онъ утвердилъ Хорватовъ въ обѣдѣ, данномъ ими въ старину папѣ, «и оттого, говоритъ Константинъ, Хорваты не снаряжаютъ кораблей своихъ на войну, развѣ когда кто-нибудь нападеть на ихъ край, а ходять лишь на торговлю, во всѣхъ Далматскимъ гаванямъ и до Венеции.» — Хорватами правилъ въ это время Терпимиръ: отъ него мы имѣемъ грамоту, 837 г., первый, сохранившійся, родной памятникъ Славянской исторіи, родной, правда, не по языку (грамота писана по Латинци), но по происхожденію. Вотъ сокращенный переводъ этого любознательнаго свидѣтельства:

«При благочестивѣйшемъ Лотаріи, царствующемъ въ Италиі; королѣ Франковъ, индикціона XV, 4-го марта ²⁷⁾. Явно очамъ разума и ошутительно рукамъ вѣры, что, съ начала міра, все; совершавшееся во времени, шло и ходило и забывалось другимъ, и что мы лишь то видимъ и слышимъ плотию, что предъявляется нашимъ чувствамъ, или посредствомъ писанія открывается взору и уху: — Я грѣшнѣйшій Терпимиръ князь (dux) Хорватовъ, не вѣдая о последнемъ днѣ и о часѣ, его же никто не вѣсть, въ пощеченіи о своей душѣ, по общему совѣту со всеми моими жупанами (zupravia), построилъ, съ помощію Божіею, монастырь и призвалъ братію, дабы молитвами своими очищали насъ предъ Богомъ отъ грѣ-

²⁷⁾ По этимъ даннымъ вычислено, что грамота относится именно къ 837 году.

хотъ нашихъ. Тогда же вознамѣрились мы снабдить церковь того монастыря утварью; но какъ не достало серебра на сосуды, то Петръ, архіепископъ Солинской ²⁸⁾ церкви и возлюбленный нашъ кумъ, одолжилъ намъ одиннадцать фунтовъ. Мы же, въ отплату, рады были дать ему что бы ни было ему угодно: «ни въ чемъ мы не откажемъ вашей благодати (сказали мы) ²⁹⁾»; на что онъ отвѣчалъ: «Я желаю сперва, господинъ и кумъ, чтобы въ присутствіи вашей свѣтлости было письменно утверждено на вѣчныя времена за Св. Солинскою церковью все движимое и недвижимое имущество, купленное мною собственнымъ иждивеніемъ, или дарованное ей съ *Лашанахъ* и *Торгарахъ* ³⁰⁾ съ рабами и рабынями (cum servis et ancillis); а также, чтобы съ *помянутой Солинской митрополіи, простирающейся до берега Дуная и по всему почти государству (regnum) Хорватскому*, вы утвердили за церковью Св. Георгія въ Путадин, *имѣнія, рабовъ и рабынь, которыя далъ ей князь Момславъ (Mislavo duce).*» — Согласно съ симъ, мы въ настоящемъ нашемъ совѣщаніи утверждаемъ все это на вѣчныя времена за означен-

²⁸⁾ Салона, по Слав Солинъ, древняя столица Далмація: послѣ разрушенія ея, митрополія перенесена была въ Сплеть, но титулъ Солинской церкви (Salonitana ecclesia) остался.

²⁹⁾ Слово *сказали мы*, нѣтъ въ подлинникѣ (списанномъ, впрочемъ, совершеннымъ невѣждою въ Латинской грамматикѣ): рѣчь князя вводится прямо.

³⁰⁾ Lasani et Turgari (*Тросиръ*).

ною Солинскою церковью. При семъ же утвер-
дно даруемъ ей изъ государевыхъ владѣній (de
regali territorio) землю, простирающуюся съ во-
стока на западъ отъ Скалистой Горы (a Rure
montis) до моря, а съ другихъ краевъ обозна-
ченную, по межамъ, камнями и нарубамъ (ter-
minos cum lapideis et ferro signatos), къ коимъ не
прилежатъ ни чьи владѣнiя (nullius adjacet terri-
torium), и постановляемъ, чтобы отъ нашего
помѣстья (ex curte nostra) Ключане³¹⁾ со всего
рождающагося, вносились десятины къ дома-
ннутаю церковю, каковыя десятины началъ да-
вать нашъ предшественникъ Моиславъ. А кто
бы воспротивился чему нибудь изъ выше-
писаннаго, да будетъ анаеема маранаѳа, и въ
последнiй день да ввержется съ диаволомъ и
Иудею Искаріотскимъ, предателемъ Христа,
въ геенну, гдѣ огонь не угасаетъ и червь не
покидаетъ безбожниковъ.—Совершено въ мѣстѣ
называемомъ Біачи (Буасі, теперъ Бигачъ)³²⁾.

³¹⁾ Теперь Клисьъ.

³²⁾ Далѣе слѣдуютъ подписи Терпиміра и свидѣ-
телей: Comicini жупанъ, Pretilia жупанъ, Ne-
mustlo ж., Zarsata ж., Lodovico ж., Ozanulo cum
fratre, Negutia Camerario,.... Potecano Zatimustlo,
Damaу, и 3 священника... «А вотъ имена рабовъ
de Masaro (вѣрно имя деревни), принадлежа-
щихъ соборной церкви Св. Домніа: Sarento,
Postellio, Nassezai, Damaciai, Ylena, Trubasa, съ
женами, и другія семь, (исчислено только шесть)
коихъ имена суть: Liutamiro, Strehemilo, Neda-
muslo, Tesina, Luteciai, Ceuslizo.» Въ этой гра-
мотѣ много важныхъ историческихъ указанiй:
не имѣя времени останавливаться на нихъ, я
ограничился тѣмъ, что подчеркнулъ ихъ.

Мы видимъ, что Терциръ, хотя государь независимый, признавалъ однако надъ собою Лотаря, вѣнчаннаго еще при жизни отца (Людовика Благочестиваго) на царство въ Италию; мы видимъ огромное влияние и дѣйствіе между Хорватами старой Солинской или Сплетской церкви, пріюта Римскихъ колоній въ Далмаціи. Свергнувъ съ себя вещественную власть Западной Имперіи, Хорваты оставались подъ ея духовнымъ господствомъ; Италия съ древнѣйшихъ временъ влекла ихъ къ себѣ.

ПИСЬМО IV.

КРЕЩЕНИЕ БОЛГАРЪ. УТВЕРЖДЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА У СЕРБОВЪ.

Вторая половина IX вѣка. была для южныхъ Славянъ радостною порою раждающагося просвѣщенія. Свѣтъ вѣры и самосознанія озаряеть Болгаръ, уперныя въ язычества, Сербовъ, на половину язычникомъ, на половину христіанъ лишь по имени, Хорватовъ, принявшихъ христіанство, но въ чуждомъ для нихъ видѣ, и теперь впервые услышавшихъ Евангеліе на родномъ языкѣ; и не ихъ только, но и многихъ ихъ братьевъ Славянъ, просвѣщаютъ благотворными своимъ подвигомъ Кириллъ и Меѳодій.

Но мѣсто намъ здѣсь описывать жизнь и всѣ дѣянія святыхъ Славянскихъ учителей. — Мы повторимъ только слова монаха ¹⁾, который еще видѣлъ ихъ поколѣніе:

«Прежде Славяне не знали книгъ, но чертами и нарѣзами считали и гадали, будучи язычниками. Крестившись, они по нуждѣ изображали Римскими и Греческими црсьмаами Славянскую рѣчь, безъ устреснїи, и такъ они пребыли много лѣтъ. Потому же человеколюбецъ Богъ, устраивающій все и не оставляющій рода человеческого безъ разума, но всѣхъ къ разуму приводящій и къ спасе-

¹⁾ Черноризца Храбра.

ншо, помиловавъ народъ Славянскій, послалъ ему Св. Константина философа, именуемаго Кирилломъ, мужа праведнаго и любящаго истину, и онъ сотворилъ Славянамъ писмена..... Иные говорятъ: къ чему Славянскія книги? не сотворилъ ихъ Богъ, ни ангелы, и не исконны онѣ..... А другіе думаютъ,.... что лишь на трехъ языкахъ Богъ новелѣлъ быть книгамъ..... Мы же отвѣтимъ изъ святыхъ книгъ, какъ научились: что все по ряду бываетъ отъ Бога, а не отъ другаго.... Славянскія же писмена святѣе и честнѣе, ибо святой мужъ сотворилъ ихъ, а Греческія — Элліны язычники..... Если же спросишь, въ какое время (сотворены Славянскія писмена), то знаютъ и скажутъ:..... въ лѣто 855.»

Не такъ ли было не только съ писменами, но и вообще съ Славянскимъ просвѣщеніемъ? Славяне жили въ язычествѣ, и мысль ихъ была также темна, какъ черты, которыми они считали и гадали; потому ихъ крестили: Сербовъ, Хорватовъ, Хорутанъ, Паннонскія племена — священники Римскіе и Нѣмецкіе; разсѣянныя общины во Фракіи, Македоніи, Фессаліи, Эладѣ, Моревѣ, даже въ Мизіи до нашествія Болгаръ, — священники Греческіе; но какъ они стали тогда «безъ устроенія» изображать чужими писменами Славянскую рѣчь, такъ были въ духовномъ рабствѣ у чужихъ народовъ, не имѣли «своего разума.» Прошло двѣсти лѣтъ. Тогда «человѣколюбецъ Богъ, устраивающій все и всѣхъ къ разуму приводящій и къ спасенію, помиловавъ народъ Славянскій», послалъ ему Св. Кирилла, и онъ съ братомъ своимъ Меодіемъ даде Славянамъ

не только письма, но и самобытную хри-
стианскую мысль. Живеть эта мысль Кирилла
и Меодія уже тысячу лѣтъ, и тѣ Славяне,
которые признають ее, — сохранили черезъ
вѣка борябы и нещтаній всю свою духовную
силу, а тѣ, которые ее отвергли, — посмот-
рите, какъ они безсильны, и какъ, теперь
опнувшись, опять ея ищутъ. —

Тѣ многочисленныя Славянскія поколѣнія
къ Задунайскимъ краямъ, которые, какъ извѣ-
стно, уже съ VII вѣка начали принимать хри-
стианство, не пребывали безъ наставленія,
и ролтно подали первый поводъ къ трудамъ
Константина (Кирилла) и Меодія ²⁾. Все со-
единено было въ Константинъ и Меодіа,
чтобы сдѣлать ихъ просвѣтителями Славян-
скаго народа: ихъ происхождение и воспита-
ніе было средствомъ для нихъ обогатиться
всѣми знаніями тогдашняго человечества, со-
средоточенными въ Византіи; Славянскій языкъ
былъ имъ съ дѣтства какъ родной («Селуняне
все чисто Словенскы бесѣдуютъ, говорить одно
Житіе»); въ бытъ и потребности Славянскаго
народа долженъ былъ вникнуть Меодій еще
міряниномъ, ратникомъ, когда онъ правилъ
Струмскою областью, населенною Славянами;
и при всемъ этомъ, какой былъ у обоихъ
братьевъ свѣтлый, гениальный умъ! — взгля-
ните, чтобъ убѣдиться, на ихъ письма, на
ихъ переводъ Св. Писанія; — какая доброта
души, твердость воли, какая святость жизни! —
прочтите древнія сказанія. Когда они, въ 866 г.,

²⁾ Таково и мнѣніе Шафарика, высказанное въ
его «Славянскихъ Древностяхъ.»

оставили Славянскую азбуку и приступали къ переводу Священнаго Писанія и богослужбныхъ книгъ, нѣтъ предположу, кромя непосредственной цѣли наставленія уже вращенныхъ Славянъ въ Византійскихъ предѣлахъ, обширѣйшее поприще, и они не могли не имѣть его въ виду, не предугадывать обращенія всего Славянскаго племени. Призваніе ихъ было не случайное: Константинъ (Кириллъ) съ самаго начала предназначалъ себя на евангельскую проповѣдь, и успѣлъ уже посѣтить благовѣстникомъ землю Хазарскую; онъ зналъ, безъ сомнѣнія, какая была въ то время потребность въ вѣроучителяхъ для пространныхъ и уже могущественныхъ Славянскихъ областей въ Панноніи и Моравіи, для Сербовъ, для самой Болгаріи, гдѣ все готовилось къ принятію христіанства. — Подавленное въ Мизіи Болгарскимъ завоеваніемъ, оно возникло опять, когда Крумъ сталъ переводить на берега Дуная христіанъ, жителей Тракіи, оставляя при нихъ, въ своей вѣротерпимости, даже прежнихъ наставителей. Наслѣдникъ его (Мортагъ), былъ несравненно болѣе жестокъ, говорить лѣтописецъ; видя, что народъ Болгарскій мало по малу переходитъ къ христіанству, воссламененный гнѣвомъ, онъ предалъ мученической смерти приводезнаго Крумомъ изъ Адрианополя, архіепископа Мануила: его разрубилъ по члѣнамъ. Тогда же погибли мучениками Георгій епископъ Дебелтскій (также сопутествовавшій, при Крумѣ, христіанскимъ переселенцамъ) и Петръ епископъ, съ 377-мью, Левъ и Іоаннъ, вожди (стратиги) христіанъ, Левъ епископъ

Никейскій, Газрилъ, Сіоній и Царедъ пресвитеры.—Другихъ плѣнниковъ Мортагъ возвратилъ Грекамъ, при заключеніи договора; но сѣмена христіанства были брошены, и не пали на неплодную почву.—Сынъ Пресма, Мортагова преемника, Богорисъ или Борисъ, сталъ уже внимать монаху Теодору Кузаръ, находившемуся въ плѣну у Болгаръ, а потомъ, когда императрица Теодора, стараясь объ освобожденіи Кузары, для общаго возвратила въ Болгарію Борисову сестру, которая когда-то, ребенкомъ, попала въ руки Грековъ, воспитана была при дворѣ въ Царградѣ и тамъ просвѣтилась христіанствомъ,—это вліяніе еще болѣе усилилось.

Царствованіе Бориса — язычника было вообще несчастливо: онъ хотѣлъ отомстить Сербамъ (ими правилъ тогда сынъ Властамира, Мунтимиръ), за неудачу своего отца Пресма, но походъ кончился опять пораженіемъ; Борисъ долженъ былъ просить мира ³⁾; войны:

³⁾ Положеніе Бориса, растерявшаго въ Сербіи свое войско, было такъ затруднительно, что, заключивъ миръ, онъ просилъ двухъ сыновей Мунтимировыхъ, Борена и Стефана, провожать его до границы, до Расы (теп. Нови Базаръ, на р. Рашкѣ: вотъ какъ далеко на западъ простиралась Болгарія): тутъ они разстались друзьями, Борисъ далъ Сербскимъ князьямъ богатые дары, «а они поднесли ему, говоритъ Константинъ Багрянородный, какъ гостинецъ (*χαρίν ξεινῶν*), двухъ рабовъ, двухъ соколовъ, двухъ собакъ и 90 шкуръ: что, у Болгаръ служитъ знакомъ договора (*ἕτερον χεύουσιν εἰ Βούλγαροι εἶναι πάντων*).»

его съ Греками (843, 852), впрочемъ незначи-
 тельныя, были также безуспѣшны; попытка
 дѣйствовать въ союзъ съ Паннонскими Сла-
 вянами противъ Франковъ (853) не имѣла
 успѣха. Наконецъ, въ 860 г., Болгарію по-
 сѣтилъ страшный голодъ, и моръ; народъ
 погибалъ; Борисъ не зналъ, что дѣлать, а
 въ то же время Греки, видя его положеніе,
 стали грозить войною. — Безпрерывныя бѣд-
 ствія не могли не дѣйствовать сильно на Бо-
 риса, не казаться Божіею карою, непосла-
 нною мздоупнику, который видѣлъ истину и
 не имѣлъ рѣшимости признать ее; убѣжден-
 ный сестрою, — и здѣсь благочестивая же-
 нщина приготовляетъ пути христіанству: имя
 ея забыто, — убѣжденный сестрою, онъ помо-
 лился Богу христіанъ, и народное бѣдствіе
 облегчилось; Болгарія ожила; Борисъ увѣро-
 валь. — Наставникомъ его въ Христіанской
 вѣрѣ былъ монахъ Меодій: такъ показываютъ
 единогласно памятники Греческіе и Славян-
 скіе, и послѣдніе свидѣтельствуютъ, что Ме-
 одій сей былъ именно великій Солунскій
 святитель, братъ Кирилла. Отказавшись отъ
 воеводства, онъ, какъ извѣстно, постригся
 въ монахи на Олимпѣ, и затѣмъ приступилъ
 къ переводу Св. Писанія. Когда готовилась къ
 принятію слова Божія самая могущественная и
 ближайшая держава Славянская, возможно ли,
 чтобы тотъ человекъ, который на Славян-
 скомъ языкѣ возвѣщалъ и писалъ слово Бо-
 жіе, остался въ сторонѣ? По Греческимъ дѣто-
 писцамъ, Борисъ самъ, еще до своего кре-
 щенія, призвалъ къ себѣ Меодія; Борисъ,
 повѣствуютъ они, былъ страстный охотникъ, и

велѣлъ Меѳодію украсить домикъ, гдѣ онъ часто останавливался во время ловли; Меѳодій же, вмѣсто звѣрей и птицъ, написалъ ему картину Страшнаго Суда, которая такъ поразила Бориса, что онъ рѣшился спасти свою душу отъ огня вѣчнаго. Послѣтилъ ли Болгарію и братъ Меѳодія, Константинъ (Кириллъ), объ этомъ нѣтъ вѣрнаго извѣстія, но иначе быть не могло, ибо въ 863 г. Св. Кириллъ прибылъ въ Великую Моравію, куда ему была одна дорога черезъ Болгарію, а въ тѣ времена ѣздили не скоро, и люди, каковъ былъ Кириллъ, путешествуя, проповѣдывали. Во всякомъ случаѣ, основаніе христіанства въ Болгаріи было дѣломъ Славянскихъ просвѣтителей, первымъ торжествомъ Славянскаго просвѣщенія: какъ сказано въ древнихъ Житіяхъ, Меѳодій нарекъ Бориса Болгарскаго своимъ духовнымъ чадомъ, Меѳодій былъ наставникомъ Болгарскаго народа въ Богопочитаніи и православной вѣрѣ.

Но чтобы совершить надъ Болгарскимъ государемъ самый обрядъ крещенія, могло казаться нужнымъ высшее въ іерархіи лицо, нежели простой монахъ. Борисъ вошелъ въ сношеніе съ Греческимъ императоромъ Михаиломъ, объявилъ о своемъ желаніи принять христіанскую вѣру и заключилъ съ Греками вѣчный миръ и союзъ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ (онъ выговорилъ себѣ уступку пустынной въ то время, но чрезвычайно важной въ стратегическомъ отношеніи области Загорья ⁴⁾). Изъ Константинополя отправился въ

⁴⁾ Южный скатъ Балкановъ, отъ нынѣшней Эски-

Болгарію епископъ — по другому свидѣнію, архі-епископъ — Св. Юзефъ ⁵⁾, крестилъ Бориса и нарекъ Михаиломъ. — Снодобившись, Божию благодатью, принять христіанскую вѣру, такъ писалъ потомъ самъ Борисъ ⁶⁾, онъ велѣлъ всему своему народу креститься, Болгаре же (именно по другому свидѣтельству, вельможи, *боларе*), когда ихъ окрестили, всѣ единодушно на него возстали съ великимъ свирѣпствомъ, твердили, что онъ далъ имъ дурной законъ, хотѣли убить его самого и возвести другаго на престолъ; но онъ снарядился противъ нихъ войною, побѣдилъ ихъ отъ мала до велика и захвативъ въ свою власть, предалъ мечу всѣхъ вельможъ и знатныхъ съ ихъ дѣтьми, а мелкихъ людей помиловалъ. Такимъ образомъ побѣда христіанства въ Болгаріи была съ тѣмъ вмѣстѣ и торжествомъ государственной власти. Теперь-то христіанство окончательно утвердилось въ Болгаріи, народъ стремился къ крещенію, недоставало дѣлателей для обильной жатвы. Но

Загры до Бургаса. Эта уступка Греками цѣлой области доказываетъ, что Борисъ не изъ страха передъ ними принялъ христіанскую вѣру, какъ хвастаютъ Византійскіе лѣтописцы и какъ, заимствуя изъ нихъ, говорятъ Несторъ.

- ⁵⁾ См. выписку изъ древняго Пролога, приведенную г. Палаузовымъ (Възъ Болгарскаго царя Симеона, 23.)
- ⁶⁾ Въ вопросахъ папѣ Николаю I, см. *Responsa ad Consulta Bulgarorum*, ст. 17. — Вѣсть объ этой побѣдѣ, украшенная разными чудесами, разнеслась по всей Европѣ; см. *Hincmari Remensis annal.* а. 866.

Болгарин суждено было тотчас послѣ крещенія войти въ споры, разрывающіе тогда христіанскую церковь: новообращенный народъ Болгарскій, едва только услышавшій имя Христова, долженъ былъ видѣть святыню, колеблемую волненіемъ людскаго властолюбія. Воспользовавшись своимъ крещеніемъ, чтобы заключить вѣчный миръ съ Константинопольскимъ дворомъ и выговорить себѣ уступку значительной области, Борисъ обратился къ другой сторонѣ, къ Римскому папѣ Николаю I и Германскому королю Лудовику. Можетъ быть, онъ боялся, чтобы влияніемъ Греческаго духовенства Болгарія не пришла въ зависимость отъ Византіи. Онъ не могъ не знать о великомъ спорѣ, уже четыре года длившемся, между Греческою и Римскою церковью по поводу возведенія Фотія на патриаршество. Съ богатымъ посольствомъ отправилъ онъ въ Римъ, между другими дарами Св. Петру, броню, въ которой сражался противъ возмущившихся приверженцевъ язычества; онъ жаловался, что въ Болгаріи крестьяне и проповѣдуютъ разногласно Греки, Армяне и др., что такой-то священникъ-самозванецъ изъ Грековъ крестилъ много народу, что даже Жиды являлись проповѣдниками въ Болгаріи, и просилъ у папы вѣручитель, наставленій, книгъ. Лстя его притязаніямъ на верховную власть надъ всею церковью, Борисъ упрашивалъ его возвестъ Болгарію на степень отдѣльнаго патриархата: знакъ, что его цѣль была отложиться отъ духовнаго преобладанія Византіи. Папа несказанно обрадовался, что цѣль народъ, столь близкій къ Греческой столицѣ и

для нея столь опасный, такъ неожиданно къ нему переходилъ. Въ Болгарахъ онъ видѣлъ вѣрнѣйшее орудіе непосредственно дѣйствовать на Константинополь, и тотчасъ послалъ (866 г.) къ Борису двухъ епископовъ, съ книгами и подробнымъ наставленіемъ въ отвѣтъ на вопросы, предложенные ему Болгарами ⁷⁾.

Послы Николая, епископы Павелъ и Формозъ, были приняты въ Болгаріи съ великою честью, приобрѣли расположеніе Бориса и совершили крещеніе Болгаръ. Славянскихъ проповѣдниковъ тамъ уже не было: прошло слишкомъ три года, какъ Кириллъ и Меѳодій отправились въ Моравію; они, очевидно, не имѣли возможности, въ краткое свое пребываніе у Болгаръ, образовать для нихъ пастыря изъ числа своихъ учениковъ. Не было ли удаленіе родныхъ наставниковъ началомъ того духовнаго неурейства въ Болгаріи, на которое Борисъ такъ жаловался? Во всякомъ случаѣ, Римскіе епископы не нашли себѣ соперниковъ при его дворѣ. Они побудили его выгнать изъ Болгаріи всѣхъ проповѣдниковъ за исключеніемъ Римскихъ, стали повторять муромазаніе, совершенное не Римскими священниками, вводить обычай Римской церкви и символъ вѣры съ прибавленіемъ *filioque*. Отказываясь отъ надежды добиться Болгарскаго па-

---

⁷⁾ Вопросы Болгаръ и отвѣты папы такъ любопытны и важны во многихъ отношеніяхъ, что мы считаемъ полезнымъ представить читателю ихъ содержаніе въ приложеніи къ этому письму.

тріархата, Борисъ сталъ просить у папы по крайней мѣрѣ архіепископа: Николай не далъ архіепископа, но послалъ (867) новыхъ проповѣдниковъ съ епископомъ Гримоальдомъ; одинъ изъ нихъ долженствовалъ быть выбранъ Борисомъ въ архіепископы и пріѣхать въ Римъ для посвященія. Между тѣмъ все болѣе усиливался споръ между Николаемъ и Фотіемъ. Фотій, въ посланіи къ восточнымъ патриархамъ, обличалъ неправильное ученіе и злоупотребленія Римлянъ въ Болгаріи; императоры Михаилъ и Василій обратились къ самому Борису съ представленіями о томъ же предметѣ; Борисъ переслалъ ихъ письмо къ папѣ, который тотчасъ же окружнымъ посланіемъ торжественно вызвалъ къ опроверженію онаго все духовенство Западной церкви; что еще болѣе раздражило полемику. Вскорѣ (867, сент. 24-го) императоръ Михаилъ былъ убитъ, Василій сталъ царствовать одинъ и, свергнувъ Фотія, возвратилъ Игнатію патриаршество. Папа считалъ себя побѣдителемъ; но власть его, видно, тяжела показалась Болгарамъ. Борисъ желалъ имѣть у себя архіепископомъ Формоза, и даже клялся, что доставитъ ему это назначеніе; папа же нарочно удалилъ Формоза изъ Болгаріи (онъ былъ потомъ даже отставленъ и преданъ анаемѣ за стачку съ Борисомъ); кандидатами на архіепископство предложены были Болгарамъ Гримоальдъ и новое лицо, Доминикъ; должно быть, Болгаре не хотѣли ни того, ни другаго, и умоляли (*importunissime deprecantes*) о возвращеніи Формоза или по крайней мѣрѣ о назначеніи имъ пастыремъ Римскаго діакона

Марина ⁸⁾. Но папа (Адрианъ II) снова не согласился, долго продержалъ въ Римѣ Болгарскаго посла Петра, сродника Борисова, и наконецъ, противъ желанія Бориса, отправилъ къ нему на выборъ двухъ новыхъ кандидатовъ ⁹⁾. По приказанію Бориса, Петръ, веротившись изъ Рима, тотчасъ побѣжалъ въ Константинополь, на соборъ, созванный (869) для рѣшенія спорныхъ дѣлъ церкви и гдѣ, подлѣ императоровъ Василия и Константина, патріарховъ и ихъ представителей и Сѣната, сидѣли съ одной стороны послы Лудовика, императора Франковъ, съ другой, «знаменитые бояре ¹⁰⁾ Миканла, возвышеннѣйшаго и свѣтлѣйшаго повелителя Болгаріи». Соборъ былъ оконченъ, опредѣленія подписаны (870, февр. 28-го). Вдругъ императоръ Василій призываетъ Игнатія и представителей прочихъ патріарховъ, выслушать письмо Болгарскаго государя и его посла Петра. Петръ входитъ и, поклонившись, говоритъ: «Господице Михаилъ, князь Болгарскій, радуется, что вы

⁸⁾ Онъ былъ въ послѣдствіи папою.

⁹⁾ Сильвестра и Анконскаго епископа Леопарда.

¹⁰⁾ Въ Греческомъ текстѣ *ἀρχοντες*, въ Латинскомъ *judices*. Предлагаемъ знатокамъ восточныхъ языковъ разобрать имена и титулы этихъ бояръ, слѣдующимъ образомъ записанныя въ Латинскомъ актѣ Константинопольскаго собора: *Stasizerco borlas neesundicus vagantur il vestrapatabare praestit zisunas campsis, et Alexius Sampri Hunno*. Одно изъ папскихъ посланій написано: *Petro, Serbulae et Sundico*, совѣтникамъ Болгарскаго государя.

для пользы Св. Вождей: церкви собрались изъ разныхъ странъ, по желанію апостольскаго престола, и благодарить васъ, пословъ сего престола, удостовившихъ проѣздомъ его по-сѣтить.» «Мы не могли проѣхать, не навѣ- стивъ чаду Св. Римской церкви», отвѣчаютъ послы. «Доселѣ мы были язычниками, про- должаетъ Петръ, и недавно только приобщились къ благодати Христовой. Посему, чтобы не могло быть для насъ заблужденія, мы желаемъ знать отъ васъ, представителей великихъ патріарховъ, къ какой церкви мы принадлежимъ.» Можно вообразить изумленіе Римскихъ пословъ отъ такого вопроса. «Къ Св. Римской церкви, очевидно, говорятъ они, которой черезъ тебя же, Петръ, подчинился твой государь со всѣмъ своимъ народомъ, и отъ которой вы просили и получили духовныхъ наставниковъ.» Петръ: «Правду вы говорите, что мы отъ Св. Римской церкви просили, получили и дониндѣ имѣемъ священниковъ; но рѣшите съ сими представителями патріарховъ, къ какой церкви мы разумно должны принадлежать, къ Римской или Константинопольской?» Римляне протестуютъ противъ самаго вопроса. Представители восточныхъ патріарховъ спрашиваютъ: «Когда вы заняли страну, которую нынѣ владѣете, кому она была подчинена и какихъ священниковъ имѣла?» Петръ: «Мы добыли ее оружіемъ отъ Грековъ и нашли въ ней Греческихъ священниковъ.» «Стало быть, страна наша была и должна быть подчинена Константинопольской митрополіи.» Долгій споръ съ Римлянами, которые ссылаются на то,

что въ древнѣйшее время Эдиръ, Фессалія и Дарданія, «что нынѣ Болгарія», принадлежали Римской митрополи: «но апостольскій престолъ, говорятъ они, не избралъ васъ въ судьи своего дѣла, и не избираетъ теперь черезъ насъ, ибо онъ судить одинъ всей церкви.» Возраженіе восточныхъ патріарховъ не записано папскимъ бібліотекаремъ, сохранившимъ это преніе; но споръ кончается ихъ приговоромъ: «Присуждаемъ, чтобы земля Болгарская, которая въ старину находилась подъ властію Грековъ и имѣла Греческихъ священниковъ, отторгнутая отъ Св. Константинопольской церкви язычествомъ, нынѣ возвращена была ей черезъ христіанство.» Римляне протестуютъ.

Такимъ образомъ, 3-го марта 870 г., Болгарія воссоединилась съ Восточною церковью. Борисъ принялъ рѣшеніе патріарховъ и архіепископа Теофилакта, котораго послалъ ему Игнатій. Папскій легатъ, Гримоальдъ, склоненный деньгами, добровольно оставилъ Болгарію. Непрестанные протесты папъ, Адриана II и Іоанна VIII, угрозы Греческому духовенству въ Болгаріи и отлученіе, надъ нимъ произнесенное, безчисленные ихъ письма и жалобы императору Василю, Игнатію, Борису, Болгарскимъ вельможамъ, не имѣли никакого дѣйствія. Разорвавъ связь съ Римомъ, Борисъ сблизился съ Константинополемъ болѣе чѣмъ когда нибудь прежде, и болѣе чѣмъ его предшественники; слабый и нерѣшительный въ язычествѣ, онъ и въ христіанствѣ слѣдуетъ, той же колеблющейся политикѣ. склоняется то на ту, то на другую сторону.

Онъ послалъ своего сына Симеона въ Царьградъ для образованія: «Симеона этого, говоритъ Итальянскій лѣтописецъ, называли *hemiargon*, т. е. полу-Грекомъ, потому что онъ съ отрочества учился въ Византіи риторикѣ (т. е. краснорѣчію) Демосѣена и силлогизмамъ (т. е. логикѣ) Аристотеля. Греки съ своей стороны льстили Болгарамъ разными почестями: императоръ назвалъ Бориса своимъ духовнымъ сыномъ, архіепископъ Болгарскій получилъ въ придворныхъ торжествахъ первое мѣсто послѣ патріарха Царградскаго. Духовная жизнь въ Болгаріи росла: кромѣ Теофилакта, которому, кажется, вѣнрана была восточная часть Борисова государства, западная часть, около обѣихъ Моравъ, получила своего архіепископа, Агаѳона, который поставилъ епископа въ Бѣлградѣ (тогда Болгарскомъ городѣ), именно Сергія, Славянина. Съ удаленіемъ Римскаго духовенства, Славянское богослуженіе, безъ сомнѣнія, возникло опять въ Болгаріи: по крайней мѣрѣ когда, черезъ нѣсколько лѣтъ (885), воздвигнуто было въ великой Моравіи гоненіе на Славянскихъ проповѣдниковъ, на учениковъ Кирилла и Меѳодія, Болгарія радостно открыла имъ объятія, и приняла ихъ не изгнанниками, а наставниками, вручила имъ управленіе своей церкви.

Въ то самое время, какъ Болгаре возвратились къ Восточной церкви и вновь открылась ихъ земля живому слову Славянской проповѣди, вдругъ и сосѣди ихъ, Славяне Иллирскіе, Сербы и Хорваты, покидая Римъ, устремились къ той церкви, которая призы-

вала Славянское племя къ самобытному пресвѣщенію.

Въ продолженіе VIII и первой половины IX вѣка вліяніе Грековъ на берегахъ Адриатики совершенно почти исчезло: не только вѣтви Сербскія и Хорватскія перестали считаться зависимыми отъ Византіи, но и Римскіе города въ Далмаціи совсѣмъ, казалось, забыли о правахъ и власти кесарей. Между тѣмъ приближались къ нимъ грозные, невиданные въ этихъ краяхъ, враги. Арабы, властвовавшіе въ Африкѣ, необыкновенно усилились въ IX вѣкѣ. Они утвердились въ Сициліи, дѣлали неоднократныя высадки въ Италію, въ 867 году на 36 корабляхъ явились въ Далмацію, взяли нѣсколько приморскихъ городовъ и осадили Рагузу (Дубровникъ). 15 мѣсяцевъ длилась осада: Дубровчанамъ пришлось обратиться за помощію къ прежнимъ своимъ государямъ. Императоръ Василій прислалъ имъ на выручку Греческій флотъ. Арабы отплыли отъ Рагузы, но бросились на Италію и овладѣли городомъ Баромъ съ окрестностію. Тогда Василій, снесшись съ Западнымъ императоромъ Лудовикомъ, послалъ свои войска на соединеніе съ Франкскими. Освобожденіе Рагузы дало ему такое значеніе во всей Иллирской странѣ, что подъ его знамена стали отряды Хорватовъ, Сербовъ, Захлумцевъ, Травунцевъ Конавлянъ¹¹⁾: Дубровчане перевезли ихъ въ Италію на своихъ судахъ. Арабы были разбиты, Баръ освобожденъ (868).

¹¹⁾ Припомнимъ сказанное во II-мъ письмѣ о

Далматскіе города болѣе подчинились власти императора. Василій вмѣшался и въ дѣла Хорватовъ. Онъ помогъ Сдѣслачу, изъ рода Герпичірова, овладѣть Хорватскимъ престоломъ и изгнать дѣтей прежняго князя Домогоя. Ему удалось также подружить Хорватовъ съ Далматскими городами, которые они прежде притѣсняли. «Перешедши въ Иллирикъ, Славяне, говорятъ Константинъ Багрянородный, заняли всѣ земли Далмаціи, а жители Римскихъ городовъ стали воздѣлывать острова и этимъ добывали себѣ пропитаніе. Но какъ ихъ тамъ безпрестанно захватывали въ плѣнъ и били Неретчане (Погане)¹²⁾, то они начали покидать острова и старались найти себѣ земли на материкѣ: но Хорваты имъ не позволяли... Наконецъ, не видя никакого средства къ существованію, они обратились къ императору: Василій разрѣшилъ имъ платить Славянамъ тѣ деньги, которыя они прежде обязаны были вносить стратигу (императорскому военачальнику)¹³⁾, а ему доставлять

положеніи Захлумцевъ, Травунцевъ, Конавлянъ, равно какъ Дуклянъ и Неретчанъ, приморскихъ вѣтвей Сербскаго народа.

¹²⁾ Сербская вѣтвь, о которой мы часто уже говорили, жившая на Адриатическомъ поморьѣ около р. Неретвы (Нарента) и отличавшаяся морскими разбоями и преданностью язычеству.

¹³⁾ По словамъ Константина, изъ Далматскихъ городовъ Славянамъ платили: Сплеть 200 монеть (*воиѣрата*), Задрь 110, Трогирь, Осорь, Рабъ и Велья по 100. всего 710 *воиѣрата*, не считая винъ и разныхъ дру-

лишь небольшую подать, въ знакъ зависимости.» Условіе было выгодное для Иллирскихъ Славянъ. И они съ своей стороны захотѣли сблизиться съ Византіей. Хорватскій князь Сдѣславъ съ своимъ народомъ присоединился къ Восточной церкви. Сербскія племена также отправили посольство къ Василію, и уже изъ Константинополя, не изъ Рима, какъ прежде, пригласили къ себѣ священниковъ, дабы часть народа утвердить въ христіанствѣ, а другую часть, еще языческую, окрестить. Тогда же, по увѣренію Константина Багрянороднаго, какъ Хорваты, такъ и Сербы съ Захлумцами, Травунцами, Конавлианами, Дуклянами, опять признали надъ собою верховную власть императора. Василій послалъ къ нимъ царскаго мужа съ священниками (я слѣдую расказу историка-вѣнчаноца), и окрещены были всѣ тѣ, которые еще не принадлежали къ церкви; когда совершено было крещеніе, посланецъ императорскій поставилъ (т. е. утвердилъ) имъ князей по ихъ собственному желанію и выбору. «Погане же, коихъ Римляне ¹⁴⁾ зовутъ Арентанами (Неретчанае), скрытые въ своей недоступной, гористой странѣ, чуждались

гдѣ предметовъ, вносимыхъ сверхъ денегъ; Рагуза же (Дубровничъ) находится посреди двухъ областей, Захлумской и Травунской, и Рагузанцы имѣютъ въ обѣихъ свои виноградники, и платятъ Захлумскому князю 36 мѣнеть и Травунскому столько же.

¹⁴⁾ Т. е. Греки; у собственныхъ Римлянъ и Итальянцевъ они слыли Нарентанами.

крещенія: *Поане* (*Пауанот*) на Славянскомъ языкѣ значить именно *некрещенные*. Наконецъ и они обратились къ тому же знаменитому императору (Василію), прося крещенія, и онъ послалъ ихъ окрестить »

Конечно, возрожденіе Греческой власти на Адриатикѣ, возстановляя связь Сербовъ и Хорватовъ съ Константинополемъ, могло сблизить ихъ и съ Восточною церковью. Можетъ быть, самъ Василій, Славянинъ родомъ и воспитанный между Славянами, въ плѣну у Болгарь, при томъ же одинъ изъ дальновиднѣйшихъ и лучшихъ государей Византійскихъ, умѣлъ отчасти и личными качествами приобрести расположеніе Иллирскихъ Славянъ. Но развѣ бы они рѣшились для Восточной церкви покинуть освященное временемъ и преданіями общеніе съ Римомъ, если бы церковь эта сама не возбуждала въ нихъ сочувствія, если бы Славяннъ не считавалъ себя усыновленнымъ ею, если бы не было дѣла Кирилла и Меѳодія? И Неретчане, дотолѣ отъявленные враги христіанства, развѣ бы вдругъ вызвались сами съ такою охотою принять его, если бы оно не перестало казаться имъ религіею чужою, непонятною? Нѣтъ, присоединеніе Хорватовъ къ Восточной церкви, утвержденіе Христіанства у Сербовъ, крещеніе Неретчанъ, не было уловкою Греческой политики, а слѣдствіемъ трудовъ Кирилла и Меѳодія. Сами они не ходили проповѣдывать къ Сербамъ, Хорватамъ и Неретчанамъ; но духъ ихъ присутствовалъ и дѣйствовалъ: гдѣ возвыщается Евангеліе Славянскою рѣчью, тамъ и духъ

Кирилла и Меѳодія. — Позднѣйшія же поколѣнія Сербовъ и Хорватовъ, не понимая, что сила жила въ самой мысли, осуществленной святыми братьями, независимо отъ личнаго ихъ дѣйствія, не могли повѣрить, чтобы не братья сами наставили ихъ народъ слову Божію. Быть можетъ, Кириллъ и Меѳодій, проѣздомъ изъ Моравскаго царства въ Римъ, и побывали у Хорватовъ: путь этотъ Кириллъ, какъ извѣстно, совершилъ разъ (онъ умеръ въ Римѣ), а Меѳодій четыре раза (два раза въ Римъ, и два раза обратно). Народное же повѣріе этимъ не довольствовалось: признательное къ дѣлу Славянской проповѣди, оно приписало творцамъ ея все просвѣщеніе и благоустройство отечества, сосредоточило около Кирилла и Меѳодія, и обращеніе Сербовъ и Хорватовъ въ христіанство, и примиреніе ихъ съ Римскими городами (о чемъ мы только что привели свидѣтельство Константина Багрянороднаго), и все ихъ древнее законодательство. — Вотъ, въ сокращеніи, отрывокъ изъ такъ называемой лѣтописи Діоклейскаго (Дуклянскаго) пресвитера (XIII вѣка), составленной большею частию по Сербскимъ и Хорватскимъ преданіямъ.

Въ городѣ Фессалоникѣ, какъ роза, расцвѣлъ нѣкій философъ, по имени Константинъ. Подвигнутый Духомъ Святымъ, онъ отправился въ землю Хозарскую и окрестилъ Хазарь; потомъ обратилъ въ христіанство народъ Болгарскій. Услыхавъ объ его подвигахъ, папа возжелалъ его видѣть и призвалъ въ Римъ. А Константинъ этотъ, святѣйшій мужъ, со-

ставилъ для Славянской рѣчи письма и переложилъ Евангеліе и Псалтырь и прочія священныя книги съ Греческаго языка на Славянскій. На пути въ Римъ, онъ посѣтилъ владѣнія Далматскаго князя Святополка. И началъ Константинъ, которому потомъ, при постриженіи, дано было имя Кирилла, проповѣдывать Евангеліе, и Святополкъ увѣровалъ и былъ окрещенъ со всѣмъ своимъ народомъ, и сдѣлался православнымъ; Константинъ же, утвердивъ его въ вѣрѣ, поѣхалъ въ Римъ. Была тогда великая радость, и христіане, употреблявшіе Латинскій языкъ, сходя съ горъ, покидая свои убѣжища, восхваляли имя Божіе и получили отъ Святополка разрѣшеніе. возвратиться на прежнія жилища, возобновить свои города. Тогда, по просьбѣ Святополка, папа и Греческій императоръ прислали къ нему епископовъ и мурыхъ людей, и Святополкъ принялъ ихъ на погѣ Далменскомъ ¹⁵⁾ и созвалъ туда весь народъ свой; сошлись какъ тѣ, которые говорили по-Латыни, такъ и тѣ, которыхъ рѣчь была Славянская, и составился соборъ: 8 дней разсуждали о законѣ Божіемъ, о Св. Писаніи и о состояніи церкви, 4 дня о власти князя, о банахъ, жупанахъ и сотникахъ и о состояніи государства. Установили епархіи и границы ихъ ¹⁶⁾ . . . . . Раздѣлили землю Хорватскую и Сербскую каждую на

¹⁵⁾ Далменское поле, въ древности Dalminium, нынѣ Дувно или Дувно-поле, лежитъ въ Герцеговинѣ.

¹⁶⁾ Слѣдуетъ длинное ихъ изчисленіе.

2 области. Въ каждой области Святополкъ поставилъ бана (*id est ducem*) изъ своихъ братьевъ, а также жупановъ (*id est comites*) и сотниковъ (*sednicos, id est centuriones*) изъ знатнѣйшихъ людей области: банъ имѣлъ подъ своимъ началомъ семь сотниковъ, которые должны были судить народъ по правдѣ, собирали подати и вручали ихъ бану, банъ же половину платилъ государю, а половину оставлялъ себѣ; у жупана былъ одинъ сотникъ, который подобнымъ образомъ долженствовалъ, совокупно съ нимъ, судить народъ по правдѣ и собирать подати, изъ коихъ двѣ трети шли государю, одна треть жупану. Жупаны же не зависѣли отъ бановъ и отвѣтствовали предъ однимъ государемъ. Кроме того были тогда же установлены многіе законы и благія правила: кто хочетъ ихъ узнать, пусть прочтетъ книгу Славянъ, называемую *Methodius*.

Конечно, Дувненскій соборъ и Святополкъ, государь Хорватовъ и Сербовъ, принадлежать къ области баснословія, а взаимныя отношенія бановъ, жупановъ и сотниковъ, если въ сущности и вѣрны, то требуютъ еще критическаго изслѣдованія: но этотъ рассказъ служить свидѣтельствомъ, какъ, въ сознаніи Сербскаго и Хорватскаго народа, весь его порядокъ, церковный и гражданскій, пошелъ отъ Св. Кирилла.

Сербы и Хорваты приняты были въ общеніе Восточной церкви: къ ней приступила, не надолго, и вся Далматская церковь, употреблявшая Латинскій языкъ. Мы не знаемъ, при жизни ли еще Сплѣтскаго архіепископа

Георгія, иди тотчасъ послѣ его смерти, въ 878 г., ¹⁷⁾ и по какому побужденію, духовенство и народъ Римскихъ городовъ Далмаціи отрѣшились отъ подчиненія папѣ; они вошли въ связь съ Аквилейскимъ патриар-

¹⁷⁾ Вопреки общепринятому мнѣнію, мы полагаемъ, что присоединеніе Далматскихъ городовъ къ Восточной церкви совершилось не ранѣе конца 878 или начала 879 г., т. е. нѣсколько лѣтъ послѣ присоединенія Хорватовъ; невозможно, намъ кажется, чтобы оно имѣло мѣсто во время патриаршества Игнатія (ум. 878), столь ревностно старавшагося о сохраненіи согласія съ Римомъ: если онъ и рѣшился принять въ свое вѣдѣніе Болгарію, на которую явны были права Константинопольской митрополи, и Сербовъ съ Хорватами, которые еще нуждались въ пастыряхъ и просили ихъ изъ Константинополя, то конечно не захотѣлъ бы лишить Римскую церковь старинной ея епархіи, Латинской по происхожденію и языку; притомъ во множествѣ писемъ Папъ къ Игнатію, гдѣ безпрестанно повторяются жалобы на счетъ Болгаринъ, о Далмаціи не говорится ни слова. При Фотіи отношенія были другія: Фотій возсталъ рѣшительно противъ Рима и его властолюбивыхъ замысловъ. Но во всякомъ случаѣ, Далмація не долго находилась въ разрывѣ съ Римомъ; иначе осталось бы отъ этого разрыва болѣе слѣдовъ, нежели одно посланіе Папы Іоанна VIII, 879 года: вѣроятно разрывъ продолжался около двухъ лѣтъ, отъ смерти архіепископа Георгія (878) до кончины его преемника Марина (880).

хомъ Валпертомъ, ревностнымъ поборникомъ ученія Восточной церкви, и вѣроятно также съ Фотіемъ. Папа обратился къ Далматинцамъ съ строгимъ увѣщаніемъ, требуя, подѣ угрозой анаемы, чтобы они воссоединились съ Римомъ и обѣщая свое покровительство, если бы они колебались въ послушаніи ему «изъ опасенія Грековъ или Славянъ»: знакъ, что Иллирскіе Славяне были тогда приверженцами и защитниками Восточной церкви. Писаніе папы надписано: «Виталию, епископу Задрскому, Доминику епископу Осорскому и прочимъ епископамъ Далматскимъ, Іоанну архипресвитеру Солинской митрополіи¹⁸, и всѣмъ священникамъ и старшинамъ народа въ Сплѣтѣ, Задрѣ и прочимъ городахъ.» Сначала Далматинцы не повиновались: новый архіепископъ ихъ Маринъ принялъ посвященіе отъ Валперта; но вскорѣ потомъ они все-таки возвратились къ Риму: происхождение, языкъ и преданія слишкомъ тѣсно связывали ихъ съ Италіею, такъ что они не могли долго противиться ея вліянію. Они ли дѣйствовали на Хорватовъ, или сами послѣдовали за ними, но и Хорваты около этого времени (879) также опять отошли къ западной церкви: ихъ князь Сдѣславъ былъ убитъ Бранимиромъ, который, воцарившись отправилъ посольство къ папѣ съ изъявленіемъ покорности и просьбою принять его съ народомъ Хорватскимъ въ лоно Римской церкви: «Мы отверзаемъ тебѣ объятія, писалъ ему въ от-

¹⁸) Архіепископа Солинской (Сплѣтской) митрополіи тогда не было.

вѣтъ Іоаннъ VIII; мы въ день Вознесенія Господня, подъявша руки къ небу, надъ алтаремъ Св. Петра Апостола, благословили тебя и народъ твой и всю твою землю» (879).

Но еще усердно хранили Хорваты Славянское богослуженіе и писаніе: наслѣдіе Кирилла у нихъ укоренялось и множилось. Они были столь близки къ Восточной церкви, что и въ концѣ IX вѣка Хорватія, вмѣстѣ съ Сербією, стоявшею рѣшительно на сторонѣ православія, вносились въ списокъ епархій, зависящихъ отъ Константинопольскаго патріарха. Папа Іоаннъ VIII называлъ Бранимира преемника, Мунтиміра, приверженцемъ Грековъ и даже, чтъ бы отклонить его отъ Константинополя, уговаривалъ «возратиться къ пастырскимъ попеченіямъ Паннонскаго (Моравскаго) епископа Меодія ¹⁹⁾, который, ревностно проповѣдуя ученіе православія, признавалъ себя однако, въ качествѣ епископа

¹⁹⁾ Содержаніе письма Іоанна VIII къ Мунтиміру сообщаетъ Копитаръ (Glagl. Cl. LXXVI I); онъ относитъ его къ 874 г.; Шафарикъ, упоминающій также объ этомъ письмѣ, признаетъ Мунтиміра преемникомъ Бранимира, который жилъ въ 879 г.; отъ Мунтиміра же сохранилась грамота 892 г. (Farlati, III, 82). Годъ, означенный Копитаромъ, былъ бы по этому не вѣренъ; но какъ ни Копитаръ, ни Шафарикъ не приводятъ источника, откуда они почерпнули письмо папы къ Мунтиміру, и какъ мы его не находимъ въ Гардуиновомъ собраніи, то не имѣемъ возможности повѣрить Копитарова показанія.

Моравскаго, подчиненнымъ Римскому патриархату, и дѣятельность котораго Римскій дворъ въ началѣ иногда благословлялъ. Направленіе Славянское, Восточное, упорно бородось у Хорватовъ съ Латинскою исключительностью; мы увидимъ побѣду послѣдней, на Сплѣтскомъ соборѣ 925 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ПИСЬМУ IV.

Вопросы, предложенные Болгарами Римскому папѣ Николаю I и ответы папы (866 г.) ¹⁾.

Памятникъ этотъ представляетъ столько любопытныхъ указаній на бытъ, нравы и понятія древнихъ Болгаръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ такъ хорошо рисуеть политику въ отношеніи къ нимъ Римскаго двора, съ которымъ государи Болгарскіе безпрестанно искали союза, что мы считаемъ полезнымъ познакомить съ нимъ читателя. Мы по возможности сократили вопросы и отвѣты (въ подлинникѣ отвѣтное посланіе, которое одно дошло до насъ, занимаетъ 32 столбца мелкой печати in folio); при этомъ однако мы старались въ точности придерживаться не только смысла, но и словъ подлинника. Для краткости и ясности намъ показалось удобнымъ отдѣлить вопросы Болгаръ отъ папскихъ отвѣтовъ: это было очень легко, потому что папа всякій разъ почти приводитъ цѣлкомъ сдѣланный ему вопросъ (обыкновенно онъ начинается словами: «вы спрашиваете», или «вы желаете знать» то-то и то-то) и затѣмъ пишетъ отвѣтъ. Онъ сохранилъ порядокъ, или лучше сказать безпорядокъ, въ которомъ вопросы были ему предложены; но въ такомъ видѣ читатель нашель бы ихъ столь сбивчивыми, что мы почли за нужное собрать ихъ въ нѣсколько группъ, по средству содержания; выставленное при каждой статьѣ число означаетъ ея мѣсто въ подлинникѣ. Мы про-

¹⁾ Responsa ad Consulta Bulgarorum, ed. Hardouin, Acta Conciliorum, V, 353—386.

пустили только тѣ статьи, которыя не представляють никакой исторической важности ²⁾).

«На ваши вопросы (такъ начинается наша свое отвѣтное посланіе къ Болгарамъ) не много нужно будетъ отвѣчать: съ Божіею помощію, мы не только посылаемъ вамъ книги Закона Божія, но и назначили въ вашу страну, къ славному королю вашему, возлюбленному нашему сыну, достойныхъ пословъ, которые васъ наставятъ, и снабдили ихъ нужными имъ для того книгами.»

(*Вопросъ Болгаръ*). Государь нашъ желаетъ знать христіанскій законъ и проситъ изложить ему оный. (*Отвѣтъ папы*). Желаніе прекрасное: но чтобы изложить въ подробности христіанскій законъ, нужно бы было исписать безчисленныя книги; сущность же его состоитъ въ вѣрѣ и добрыхъ дѣлахъ (ст. 1).

Согрѣшили ли мы, предавъ главныхъ мятежниковъ, возставшихъ у насъ противъ христіанства, смерти вмѣстѣ съ ихъ дѣтьми? — Вы согрѣшили, особливо убіеніемъ невинныхъ дѣтей, и вообще поступили слишкомъ жестоко; но какъ это было сдѣлано изъ ревности и по невѣдѣнію, то, если покаетесь, получите прощеніе (17).

Что дѣлать съ тѣми, которые покидаютъ

²⁾ Именно: 2—5, 7, 8, 11, 50, 53, 56, 57, 61, 63—65, 68, 69, 71, 75, 76, 78, 87, 88, 90, 91, 98, 99, 104.

христіанскій законъ? — Обязанность христіанскихъ государей ихъ наказывать (18).

Что дѣлать съ тѣми, которые не престанутъ жертвовать и кланяться идоламъ? — Увѣщевать, но насильно не обращаться; не имѣть съ ними общенія (41).

Что дѣлать съ тѣми, которые въ своихъ проповѣдяхъ дерзали бы преступать ученіе Апостольское? — Да будутъ анагема, но не вѣмъ мірянамъ, судить такихъ людей (105).

Что дѣлать съ нечестивыми книгами, которыя мы получили отъ Сарацынъ ³⁾ и имѣемъ у себя? — Непремѣнно сжечь (103).

Какой-то Жидъ, мы не знаемъ какой вѣры, христіанской ли, или языческой (*utrum christiano an pagano*). крестилъ у насъ многихъ. Что дѣлать съ крещенными имъ? — Если крещеніе совершено во имя Св. Троицы или Христа, оно достаточно, но самого Жида слѣдуетъ подвергнуть распросу и узнать, дѣйствительно ли онъ христіанской вѣры (104).

Какой-то Грекъ, ложно выдававшій себя за пресвитера, окрестилъ у насъ многихъ, и узнавъ обманъ, мы опредѣлили отрѣзать ему уши и носъ, бить его и выгнать. Хорошо ли мы сдѣлали, или должны въ томъ принести покаяніе! — Вы имѣете ревность Божию, но не по разуму: ибо дѣло не въ томъ, кто креститъ, а во чье имя креститъ. Слѣдуетъ принести покаяніе (14, 16).

Крещенные имъ, христіане ли? — Да, если крещены во имя Св. и Нераздѣльной Троицы (15).

3) Т. е. магометанъ.

Женатыхъ пресвитеровъ слѣдуетъ ли держать у себя, или нужно выгнать? — Хотя они достойны всякаго порицанія ⁴⁾, но держать можно (70).

Можесть ли у насъ бытъ поставленъ патриархъ? — Объ этомъ нельзя отвѣчать положительно пока не возвратятся отъ васъ наши послы. На первый разъ имѣйте епископа, потомъ же, когда у васъ распространится христіанство и поставлены будутъ надъ отдѣльными церквами епископы, то можно будетъ одного изъ нихъ избрать, если не въ патриархи, то по крайней мѣрѣ въ архіепископы (72).

Кѣмъ долженъ быть поставленъ патриархъ? — Меньшее благословляется большимъ: онъ долженъ быть поставленъ первосвященникомъ (pontifice) престола Св. Петра (73).

Сколько настоящихъ патриарховъ? — Римскій, Александрійскій и Антиохійскій, установленные Апостолами; Константинопольскому и Иерусалимскому дается титулъ патриарха только для почета (92).

Который патриархъ второй послѣ Римскаго? — Александрійскій ⁵⁾ (93).

Слѣдуетъ ли въ великую четыредесятницу

⁴⁾ Видно уже въ папѣ стремленіе ввести безбрачіе духовенства, но онъ еще не смѣетъ произнести рѣшительнаго приговора.

⁵⁾ Очевидно стараніе папы унижить въ глазахъ Болгаръ значеніе Константинопольскаго патриарха; во многихъ другихъ отвѣтахъ его мы замѣтимъ стремленіе поколебать въ Болгарахъ довѣріе къ Грекамъ въ дѣлахъ религіи.

взаднемно причащаться Господня тѣла и крови? — Молимъ Бога, да будетъ такъ, но берегитесь причащаться недостойно (9).

Греки запрещаютъ намъ принимать Причастіе безъ пояса: такъ ли это?—Это не имѣетъ значенія (55).

Греки говорятъ намъ, что въ ихъ землѣ производится муро и разсылается по всей землѣ: правда ли? — Нѣтъ (94).

Греки говорятъ, что грѣхъ стоять въ церкви, не сложа рукъ на груди: правда ли?—Нѣтъ, это не имѣетъ значенія (54).

Греки запрещаютъ намъ входить въ церковь съ полотняною повязкою (ligatura lintei), которую мы носимъ на головѣ⁶⁾. Такъ ли это? — Они правы (66).

Когда во время Богослуженія придетъ вѣсть о непріятельскомъ нападении, что дѣлать? — Довершить доброе дѣло при первой возможности (74).

Когда мы стоимъ военнымъ станомъ, намъ нельзя творить положенныя молитвы: что дѣлать въ такомъ случаѣ? — Нѣтъ, напротивъ, чѣмъ больше враговъ и опасности, тѣмъ больше надобно молиться (38).

Можно ли посвящать церкви первые плоды земли (fruges novae et regum primitias)? — Можно (89).

Можно ли работать въ субботу или въ воскресенье? — Въ субботу христіане работаютъ (10).

— Когда придетъ вѣсть, что надобно идти въ

⁶⁾ Чалма.

бой съ неприятелемъ , должно ли выступать тотчасъ , или въ нѣкоторые дни нельзя ? — Можно во всѣ дни, кромѣ большихъ праздниковъ, если нѣтъ чрезвычайной нужды (34, 36).

Въ Великую четырехдесятницу можно ли идти на войну? — Только въ крайней нуждѣ (46).

Можно ли въ праздники и В. четырехдесятницу производить судъ и присуждать человека, если онъ того достоинъ, къ смерти? — Въ эти дни должно воздерживаться отъ всякихъ мірскихъ дѣлъ (12, 45).

Въ В. четырехдесятницу можно ли охотиться? предаваться играмъ и пирамъ? совершать бракъ? — Никакъ нельзя (44, 47, 48).

Греки говорятъ, что по середамъ и пятницамъ не слѣдуетъ мыться въ банѣ (balnâri): правда ли? — Нѣтъ, можно (6).

Павшаго въ бою можно ли, если пожелаютъ родные или близкіе, перенести для погребенія на родину? — Можно (100).

У Грековъ обычай гадать, вкладывая кушечекъ дерева въ закрытую книгу и развертывая ее: хорошо ли это? — Нѣтъ (77).

Больнымъ у насъ привѣшиваютъ на шею повязку (ligaturam quamdam), для выздоровленія: годится ли этотъ обычай? — Нѣтъ (79).

Нашелся у насъ, прежде принятія христіанства, камень, отъ котораго больные брали частицу, и иногда получали исцѣленіе, иногда же нѣтъ. Что съ нимъ дѣлать? — Забросить (62).

Когда нашъ государь, по обычаю, сидитъ, для вкушенія пищи, на креслѣ за столомъ

(in sedili ad mensam), никто не садится съ нимъ, даже жена его, мы же садимся поодаль *in sellis* (на сѣдлахъ?) и ѣдимъ на полу. Что дѣлать теперь? — Это не относится къ дѣламъ церкви, но обычай не хорошъ (42).

Носить ли исподнее платье (*Femoralia*)? — Этотъ вопросъ до насъ не касается; впрочемъ, если хотите и во всѣхъ наружныхъ подробностяхъ уподобиться христіанамъ, то мы скажемъ вамъ, что по нашему обычаю его носить не женщины, а мужчины. Вы же дѣлайте, какъ хотите (59).

Какихъ животныхъ и птицъ можно ѣсть? — Всякихъ (43).

Можно ли, внѣ постовъ, ѣсть рано утромъ? — По нашему обычаю, не ѣдятъ до 3-го часа (т. е. 9 часовъ) (60).

Мы желаемъ получить отъ васъ (папы) мірскіе законы. — Нужныя для этого книги мы охотно бы вамъ послали, если бы былъ у васъ такой человекъ, который могъ бы ихъ вамъ толковать. Врученныя же нами посланъ нашимъ книги о мірскомъ законѣ не должны быть вамъ оставлены, чтобы ктонибудь ихъ у васъ не толковалъ ложно или не искажилъ съ умысломъ (13).

Можно ли имѣть двухъ женъ, и если нельзя, то какъ поступать съ имѣющими? — Они должны оставаться съ первою женою и притомъ очистить себя покаяніемъ (51).

Какія степени родства соблюдать при бракѣ? — По уставамъ церкви (39).

Можно ли, по прежнему, давать нашимъ

женамъ (conjugibus) въ приданое (in dotem) золота, серебро, воловъ, лошадей и проч. ? — Можно 49).

Какъ поступать съ тѣми, которые возстаютъ противъ государя? — Какому они подлежатъ наказанію, вы увидите изъ посылаемыхъ вамъ законовъ; отъ Государя же зависитъ миловать (19.)

Какъ судить свободнаго челоуѣка, который уйдетъ изъ отечества и будетъ схваченъ? — По законамъ; но свободному, никакому обязанностью не сдерживаемому челоуѣку нѣтъ вины покинуть отечество, подобно Аврааму⁷⁾.

По нашему обычаю, у насъ всегда стоитъ стража на границахъ земли нашей, и если рабъ или свободный челоуѣкъ перебѣжитъ черезъ пограничную черту, то стражи тотчасъ предаются смерти. Какъ вы (папа) объ этомъ судите? — Справьтесь въ законахъ, что надлежитъ въ этомъ случаѣ дѣлать; но какъ вы до сихъ поръ всякаго легко предавали смерти, такъ теперь должны, кого возможно, миловать и сохранять для жизни (25).

Какъ судить отцеубійцу? — По законамъ; если онъ скроется въ церковь, то судъ принадлежитъ мѣстному епископу или священнику (24).

Какъ судить убившаго родственника или

4) Нельзя не замѣтить здѣсь ухищренія папской политики, стремящейся подорвать для своихъ выгодъ силу любви и преданности къ отечеству, столь естественную въ каждомъ не-испорченномъ народѣ.

родственницу? убившаго товарища? — По законамъ (26 и 27).

Какъ поступать съ невольнымъ убійцею? — По правиламъ церкви (30).

Какъ поступать съ тѣмъ, кто причинитъ увѣче или смерть въ пьяномъ видѣ? — Совѣтуемъ вамъ милосердіе (85).

Какъ судить оскотившаго когонибудь? похитившаго мужчину или женщину? укравшаго скотину? найденнаго съ чужою женою? производящаго кровосмѣшеніе съ родственницею? — По законамъ (52, 32, 31, 28, 29).

Какъ поступать съ рабомъ, бѣжавшимъ отъ господина, если онъ самъ къ нему вернется? — Слѣдуетъ простить (21).

Какъ поступать съ женою, которая чтонибудь злое противъ мужа помыслить, или сдѣлаетъ, или скажетъ? — Надобно прощать, а разводиться только въ случаѣ прелюбодѣнія (96).

Какъ поступать съ ложными обвинителями? — совѣтуемъ вамъ милосердіе (84).

Какъ поступать съ рабомъ, который оклеветаетъ своего господина предъ государемъ? — Господь предписываетъ прощеніе зла (97).

Можно ли судить когонибудь за смертныя грѣхи и преступленія? — Да, но судъ надъ духовными не вамъ принадлежитъ (83).

По нашему обычаю, если схватятъ вора или разбойника и онъ станетъ закираться, то судья бьетъ его по головѣ батожемъ и колеть въ бока желѣзными остріями, пока онъ не признается: какъ дѣлать теперь? —

Этого дѣлать никакъ нельзя, признаніе должно быть добровольное (86).

У насъ былъ обычай, при какой бы то ни было клятвѣ, ставить по срединѣ мечъ (*spatham in medium afferte*) и клясться имъ: чѣмъ теперь клясться? — Богомъ и Евангеліемъ (67).

Какъ поступать съ виновнымъ, если онъ скроется въ церковь? — Насильно выводить оттуда нельзя (95).

Съ народомъ, желающимъ мира съ нами, какъ заключать и хранить миръ? — Заключить миръ слѣдуетъ непременно, но какъ, — это зависитъ отъ разныхъ обстоятельствъ, которыя нужно знать; во всякомъ случаѣ, при заключеніи мира должно имѣть въ виду благо церкви (80).

Если христіанскій народъ, заключавъ съ нами договоръ, его нарушить, какъ поступать? — Слѣдуетъ хранить миръ до послѣдней возможности (81).

Можно ли заключать договоръ съ язычниками? — Христіане не должны заключать договоровъ и имѣть общенія съ язычниками; миръ и дружба съ ними позволительны только тогда, когда имѣютъ цѣлью обращеніе ихъ къ истинѣ. (82).

Какъ поступать съ тѣми, которые передъ битвою обратятся въ бѣгство, и съ тѣми, которые, когда приказано будетъ идти въ походъ, не послушаются? — Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ смячить строгость законовъ, если миловать нельзя, (22, 23).

У насъ обычай, чтобы прежде сраженія

нашъ государь посылалъ мужа испытанной вѣрности и благоразумія осматривать оружіе, коней и все нужное для боя, и если у кого что либо окажется въ дурномъ порядкѣ, то его казнять: что теперь дѣлать? — Нашъ советъ, обратиться отъ брани плотской къ духовной, и какъ прежде осматривалось оружіе противъ враговъ видимыхъ, такъ теперь осматривать духовное оружіе противъ невидимаго врага, т. е. добрыхъ дѣла.

Прежде мы для битвы наблюдали извѣстные дни и часы (*dies et horas observare*), были у насъ въ употребленіи заговоры (*incantationes*), игры, пѣсни и разныя предсказанія (*nonnulla auguria*): что теперь дѣлать? — Призывать имя Божіе, ходить въ церковь, исповѣдываться и причащаться, открывать темницы, разрѣшать узы, освобождать рабовъ, въ особенности истомленныхъ и слабыхъ, творить милостыню (35).

Доселѣ, идя на битву, мы носили знаменемъ конскій хвостъ: какое знамя носить теперь? — Что другое, какъ не крестъ? (33).

Въ заключеніе, умоляемъ васъ (папу) дать намъ, какъ другимъ народамъ, истинную и совершенную вѣру христіанскую, безъ пятна и морщины (*sine macula et ruga*): ибо въ землю нашу пришли изъ разныхъ мѣстъ многіе проповѣдники, какъ-то: изъ Греціи, Арменіи и другихъ странъ (*Graeci, Armeni et ex caeteris locis*) и учатъ насъ различно; должны ли мы слушаться ихъ разногласныхъ толковъ, и что намъ дѣлать? — Наша сила въ этомъ сама по себѣ безсильна; сила наша въ Богѣ: Св. Петръ,

живущій и предсѣдající на своемъ престолѣ⁸⁾; дасть ищущимъ истину вѣры, и Римская церковь, установленная тѣмъ, чье исповѣданіе узаконено было отъ Бога, пребывала всегда безъ пятна и морщины: и вотъ, дабы внушить вамъ, Божіею благодатію, такую вѣру, хотя вполне тайны ея не постижимы никому, мы шлемъ къ вамъ писаніе наше и послѣвъ и разныя книги. И доколѣ древо не пуститъ корней, мы не престанемъ орошать его, и будемъ поить васъ млекою, доколѣ не доростете до совершенства. Что же касается до тѣхъ, которые пришли къ вамъ изъ разныхъ странъ, то Богъ поможетъ посламъ нашимъ васъ наставить и научить что дѣлать; но и они, какъ въ настоящее время, такъ и послѣ, въ случаѣ недоумѣній и дѣлъ особенно важныхъ (*in rebus dubiis et negotiis majori-*

⁸⁾ Здѣсь, въ обращеніи къ Болгарамъ, папа уже во всей рѣзкости выставляетъ ученіе Римской церкви, что Св. Петръ какъ бы воплощается во всѣхъ своихъ преемникахъ, и что Римская церковь сама по себѣ независимо отъ духовнаго единства съ другими церквами, имѣетъ исключительный даръ непогрѣшимости: вѣдь новообращенные Болгаре не знали, что Св. Петръ установилъ и другія церкви одинаково съ Римскою, и что были папы, осужденные за лжеученіе Вселенскими Соборами. Въ сношеніяхъ съ восточными святителями, папа Николай, стремясь къ тѣмъ же выводамъ, никогда не выражалъ ихъ такъ рѣзко и былъ гораздо осторожнѣе.

bus) должны всегда, по обычаю, обращаться къ апостольскому престолу всей церкви (106).

«Вотъ, какъ ихъ намъ Богъ внушилъ (это заключеніе посланія папы къ Болгарамъ), отвѣты на вопросы ваши: мы написали не столько, сколько бы могли, а сколько почли достаточнымъ. Когда же милостію Божіею, вы будете имѣть отъ насъ епископа, онъ васъ наставитъ всему, что относится до его служенія, а если чего не будетъ знать, то получить отъ апостольскаго престола указаніе. Богъ же, явившій въ васъ дѣло спасенія, да совершитъ и утвердитъ оное до конца. Аминь.»

Письмо V.

Переходъ учениковъ Кирилла и Меѳодія въ Болгарію. — Вторженіе Венгровъ.

Двадцать пять лѣтъ протекло отъ утвержденія христіанской православной вѣры въ Болгарскомъ народѣ до той поры, когда онъ, подъ скипетромъ царя Симеона, достигъ высшаго своего могущества и духовнаго развитія. Въ это время, не ознаменованное никакою особенною дѣятельностью въ самой Болгаріи, ея положеніе въ Славянскомъ мірѣ совершенно измѣнилось силою внѣшнихъ обстоятельствъ. Дотолъ она имѣла непосредственную связь съ огромною цѣпью Славянскихъ поколѣній, протянувшейся отъ Балтійскаго моря до Адриатическаго и Чернаго, и опираясь на цвѣтущее царство Велико-Моравское, была лишь второстепенною участницею въ Славянскомъ просвѣщеніи, тамъ сосредоточенномъ: теперь, въ послѣдней четверти IX вѣка, наслѣдіе Кирилла и Меѳодія перешло къ Болгарамъ, и они сдѣлались главными хранителями и дѣятелями Славянскаго просвѣщенія; затѣмъ явилась дикая орда, отрѣзала Болгарію отъ родныхъ Славянскихъ земель на сѣверъ и западъ, и замкнула ее въ душливый кругъ Византійской политики.

Мы разсмотримъ съ нѣкоторою подробностью событія, которыя произвели такой

переворотъ въ положеніи Болгаріи. — Узелъ тогдашней Славянской исторіи былъ въ Великой Моравіи, имя которой не разъ уже намъ встрѣчалось. Припомнимъ въ немногихъ словахъ ея судьбы. Къ несчастію, руководимые западною наукою, мы, которые во всей подробности знаемъ про Роланда и Карла Великаго, едва ли имѣемъ понятіе о Славомірѣ и великомъ Святополкѣ, памятномъ до сихъ поръ Моравскому крестьянину.

Великая Моравія представляетъ рѣдкое въ исторіи зрѣлище. Стремленіе разрозненныхъ Славянскихъ вѣтвей слиться въ политическое цѣлое, стремленіе, которымъ умѣли воспользоваться мудрые правители, быстро образовало огромное государство, и весь вѣкъ этого государства, только по видимому завоевательнаго, проходитъ въ войнѣ оборонительной: на него падаютъ страшные удары сосѣдей, и, могущественное, воинственное, оно спокойно отражаетъ ихъ, само не думая распространяться насиліемъ, довольствуясь непринужденнымъ присоединеніемъ родныхъ Славянскихъ племенъ. Такое сочетаніе силы съ отсутствіемъ властолюбія, едва ли найдется въ исторіи у другаго народа, кромѣ Славянскаго.

— Велико-Моравское государство основано было Мойшіромъ. Сохраняя миръ съ сосѣдями, Франками, онъ связалъ единствомъ власти Славянскія племена въ Моравіи и нынѣшней западной Венгріи. Нѣмецкій король свергъ его съ престола въ 846 г. Его преемникъ Ростиславъ, начавъ дѣйствовать въ

то время, когда Германія была подъ вліяніемъ жестокихъ поражений, нанесенныхъ ей Чехами (846, 849 г.), утвердилъ державу Моймира, побѣдоносно отразилъ Германскихъ государей, неоднократно пытавшихся завоевать Моравію (особенно въ 855, 864, 866, 868, 869 г.), и призвалъ въ свое отечество Кирилла и Меодія. Славному царствованію его положилъ конецъ родной его племянникъ и сподвижникъ въ бояхъ, Святополкъ; онъ захватилъ его и выдалъ Нѣмцамъ. Король Лудовикъ пріѣхалъ въ Регенсбургъ, собралъ сеймъ (1-го ноября 870 г.): «привели (это слова лѣтописи) скованнаго тяжелою цѣпью (*gravi catena ligatum*) Ростислава, и стали судить его Франки, Баварцы, а также Славяне, прибывшіе изъ разныхъ мѣстъ къ королю съ дарами (безъ сомнѣнія и отъ Святополка), и присудили къ смерти. Король же велѣлъ выколоть ему глаза и заключилъ его въ монастырь.» — Лудовиковы военачальники утвердились въ Моравіи, какъ въ покоренной области. Святополка лишили княженія и взяли подъ стражу. Тогда возсталъ народъ Моравскій. «Считая Святополка погибшимъ, онъ поставилъ, говоритъ лѣтопись, княземъ себя нѣкоего священника Славоміра ¹⁾, родственника княжескому дому, грозя убить его, еслибъ онъ не принялъ власти. Согласился Славоміръ, принужденный

¹⁾ Одно уже Славянское имя его есть ручательство, что онъ былъ изъ числа учениковъ Кирилла и Меодія.

народомъ, и повелъ его биться противъ Нѣмецкихъ вождей Энгильскалка и Виллигельма, стараясь выгнать изъ городовъ. . . . Тогда (Нѣмцы) отпустили Святополка, одаривъ его богато, и онъ отправился къ себѣ на родину предводителемъ Нѣмецкаго войска: онъ обвѣщалъ Карлманну низложить Славоміра, и съ тѣмъ его освободили. Онъ привелъ войско къ древней Ростиславовой столицѣ ²⁾, оставилъ его тутъ укрѣпляться станомъ, а самъ ушелъ въ городъ (къ Славоміру); вдругъ ворвался Святополкъ въ расплохъ, съ большою ратью, въ Нѣмецкій станъ, многихъ захватилъ живьемъ; большую часть перерѣзалъ. И обратилась вся радость Нориковъ (т. е. Баварцевъ и южныхъ Нѣмцевъ) о многихъ прошлыхъ побѣдахъ, — въ плачь и горе» (871 г.). Со всѣхъ сторонъ призывалъ Карлманнъ на Святополка войска, проникъ въ Моравію (872), но вскорѣ бѣжалъ, разбитый и преслѣдуемый Святополкомъ: Германія просила и получила миръ. Власть Моравіи непрерывно росла: Чехи добровольно признали Святополка своимъ верховнымъ властелиномъ. Вѣра скрѣпила союзъ: они приняли крещеніе, и ихъ крестилъ Св. Меѳодій. Славянскія племена на сѣверъ отъ Чехіи, въ нынѣшней Саксоніи (Сѣверные Сербы), и тѣ даже присоединились къ державѣ Святополка.

Это самое блестящее время Моравіи. Нѣ-

²⁾ Велеграду на р. Моравѣ (March), теперь Градце.

сколько лѣтъ (873—882) никакой врагъ не тревожилъ ея. Какое чудное было тогда положеніе Славянскаго племени на западѣ! Отъ Гамбурга и предѣловъ Шлезвигскихъ по всему теченію Эльбы стоятъ непрерывнымъ рядомъ Славянскія поколѣнія, воинственные, независимыя, отразившія всѣ силы Карловинговъ. Тамъ, гдѣ западный притокъ Эльбы, Сада, образуетъ съ Эльбою и сѣверною окраиной Чехи (Богемія), Рудными горами ³⁾, треугольникъ, и тамъ живутъ Славяне, и отсюда начинается царство Велико-Моравское. Далѣе въ этомъ передовомъ строю Славянъ стоятъ, подъ державою Святополка, Чехи, за ними Моравскіе Славяне, простирающіеся отъ Чешскихъ предѣловъ и Карпатскихъ горъ до верхняго теченія Дуная (между нынѣшнимъ Пресбургомъ и Вайценомъ). И за Дунаемъ, который тутъ (подъ Вайценомъ) круто поворачиваетъ съ запада на югъ, продолжаютъ, въ древней Панноніи, поселенія тѣхъ же Моравскихъ Славянъ (княжество Блатенское), но это земля спорная между Святополкомъ и Нѣмцами; собственныя же владѣнія Велико-Моравскія тянутся по сѣверному берегу Дуная до его поворота, и далѣе на востокъ, до сѣверныхъ притоковъ Тисы и до Карпатскихъ горъ ⁴⁾; у поворота же Дуная, на восточной его сто-

³⁾ Erzgebirge.

⁴⁾ Власть Вел. Морави простиралась и на сѣверномъ склонѣ Карпатовъ: Краковъ, по видимому, принадлежалъ Святополку.

ронъ, мы прямо переходимъ изъ Великой Моравіи въ государство Болгарское. Въ началѣ IX вѣка, при Крумѣ, власть за-Дунайскихъ Болгарь, какъ намъ извѣстно, распространилась къ востоку отъ средняго Дуная и Тисы, на равнины и горы, занятыя разбросанными поколѣніями Аваровъ, Азіятскихъ Болгарь, Славянь и Волоховъ (Румуновъ): нынѣ страна эта — восточная Венгрія, Банатъ, Валахія и большая часть Трансильваніи. Венгерское преданіе сохранило намъ имена здѣшнихъ правителей конца IX вѣка: земля между Дунаемъ и Тисою, «отъ Тителя до предѣловъ Русскихъ и Польскихъ», «которую занялъ Кермъ⁵⁾ (т. е. Крумъ), великій князь Болгарскій» (такъ выражается древнѣйшій Венгерскій лето-

5) Такъ слѣдуетъ читать, вмѣсто вкравшейся въ текстъ Нотарія Бела формы *Keanus*: она, очевидно, произошла изъ *Kermis* черезъ соединеніе, въ сжатомъ готическомъ письмѣ, буквы *g* съ первою черточкою *m* въ начертаніи *a*. Форма *Krem* встрѣчается и у Византійцевъ, вмѣсто *Krum*, а слово *Krem* Венгерець не можетъ произнести иначе какъ *Kerm*. Замѣчательно титулъ великаго князя, который придается Венгерскимъ летописцемъ Круму (*magnus dux Bulgariae*), тогда какъ онъ самого героя Арпада и другихъ Венгерскихъ государей называетъ только князьями (*duces*). Это показываетъ, какъ велико было уваженіе къ памяти Крума въ земляхъ, которыя Мадыаре отняли у его потомковъ.

писецъ), была тогда въ рукахъ внука или правнука Крумова, *Салана*; между Тисою и Марошью владѣлъ *Менуморутъ* ⁶⁾, и здѣсь жили остатки Аваровъ (Венгерецъ называетъ ихъ Хазарами); въ нын. Седмиградіи Славянами и Волохами правилъ князь *Гелу* (*Gelou*), наконецъ между Марошью и нижнимъ Дунаемъ (въ Банатѣ и Валахіи) надъ племенами Славянскими, Волохами и Болгарами начальствовалъ *Гладъ*: всѣ они зависѣли отъ Болгарскаго престола. — За Дунаемъ Болгарская земля, занимая въ ширину полосу отъ Бѣлграда и Расы (теперь Нови-Пазаръ) до Чернаго моря, простиралась на югъ далеко за Балканы: ей принадлежало Загорье съ городами Месемвріей, Анхіаломъ и Девелтомъ (у Бургаса), а на юго-западъ граница Болгарская захватывала огромнымъ изгибомъ большую часть Македоніи и нын. верхнюю Албанію за Охридское озеро, такъ что города Охридъ, Битоль, Дѣволь и др. были Болгарскіе, и, можетъ быть, стоило бы государю Болгарскому протянуть руку, чтобы взять Адриатическое побережье. Неизвѣстно, кѣгда досталась Болгарамъ эта горная страна Охридская: вѣроятно, съ тѣхъ поръ какъ ее заняли Славяне, она отъ Константинополя уже не зависѣла и, не тронутая также первыми завоеваніями Болгаръ,

⁶⁾ Эту землю, говоритъ Венгерскій летописецъ, занялъ «dux Morout, cujus nepos dictus est ab Hungaris Menumorout, eo quod plures habebat amicas....»

идеюмъ сама собою подчинилась ихъ державѣ, когда держава эта сдѣлалась чисто Славянскою. Черезъ сто лѣтъ, мы увидимъ, эти именно Охридскіе Славяне явятся самыми сильными и стойкими поборниками Болгаріи. — На западъ, къ этому могущественному политическому тѣлу, простиравшемуся отъ Карпатовъ за Балканы и до горъ Албаніи, примыкали Хорваты и Сербь, — Хорваты, которые въ обоихъ своихъ государствахъ; между Дравомъ и Савою ^{?)} и въ Далмаціи, успѣли уже показать свои силы иноплеменникамъ, — Сербь, еще мало испытанные въ бояхъ, но уже гордо противопоставленіе войскамъ Болгаріи, готовившіеся къ дѣятельности въ позднѣйшую пору. На югъ отъ Болгаріи тянулись еще далеко Славянскія вѣтви, до Солуня и оконечностей Пелопонеса.

Такъ стояло Славянское племя во второй половинѣ IX вѣка; представляя западнымъ врагамъ непрерывный строй вооруженныхъ народовъ отъ Голитиніи до древняго Эпира. И по всему этому строю разливался свѣтъ христіанства: взошедши у Архипелага, онъ засіялъ уже на Эльбѣ. Позади же, подъ прикрытіемъ западныхъ племенъ, возникали въ одно время государства Польское и Русское: стягъ Варяговъ, добровольно призванныхъ, водружался въ Новѣгородъ и Кіевъ, —

^{?)} Здѣсь, послѣ долгаго перерыва со времени смерти Лудевита, является въ концѣ IX вѣка княземъ Хорватскимъ Брацлавъ или Брачиславъ.

въ Гнѣзвѣ вступалъ на княжескій престолъ сынъ знаменитаго хлѣбопашца ⁸⁾

Но эта блестящая пора длилась немного времени. Скоро сталъ разрушаться грозный строй Славянъ на западѣ: съ середины его, съ Великой Моравіи, началось распаденіе: сперва духовное, за тѣмъ политическое.

Первою христіанскою проповѣдью и крещеніемъ Славянскій народъ въ Моравіи и Панноніи обязанъ былъ Латинскому духовенству южной Германіи, епископамъ Зальцбургскому и Пассаускому, но этихъ Нѣмецкихъ проповѣдниковъ онъ не любилъ. Ихъ требованія были ведики, они хотѣли распоряжаться въ государствѣ Моймира и Ростислава какъ въ своей духовной области, а между тѣмъ были для Славянъ плохіе наставники. Хотя Зальцбургскіе архіепископы и давали Славянамъ архипресвитера съ діаконами и причтомъ, однако Моравскіе князья могли сказать Греческому царю: «Земля наша крещена, и нѣсть у насъ учителя, иже бы ны наказалъ и поучалъ насъ и протолковалъ Святыя книги.» ⁹⁾ — «Поставишь Зальцбургскій архіепископъ Адальвинъ Славянамъ архи-

⁸⁾ Земовитъ или Семовитъ, сынъ Пястовъ.

⁹⁾ Знаменитое посольство Ростислава князя Моравскаго, Святопола удѣльнаго князя Нитранскаго и Коцеля, князя Влатешмаго (Шатинскаго) къ импер. Михаилу, посольство, въ составѣ котораго отправился въ Моравію Св. Кирилъ и Мефодій, (762 — 763) у Слова Моравскихъ князей пригласены Несторомъ.

предпретамъ Рихвальду; привожу слова древняго писателя Немецко: ¹⁰⁾, и поручилъ его поначеннымъ весь народъ (Моравскій). У много времени пробылъ тамъ Рихвальдъ, но не исполняя свою должность, пока не пришелъ какой-то Грекъ, во имени Меодийсь, новоизобретенными Славянскими письменами доу посредствомъ своей «философїи»; лишиаъ законныхъ правъ Латинскій языкъ и Римское учене и подлинныя писаня Латинскія; похорвалъ на весь народъ (Славянскомъ) писаньсь: (Латинскія обряди); Евангелскія чтенїя и церквїиныя службы тѣхъ, которые совершали оныя на Латинскомъ языкѣ. (Usque dum quidam Græcus, Methodius nomine, noviter inventis Sclavonicis litteris, linguam Latinam doctrinamque Romanam atque litteras auctores Latinas philo-
phice superducens, vilesce fecit cuncto populo ex parte ¹¹⁾ missas et Evangelia ecclesiasticumque officium illorum, qui hoc Latine celebraverunt). Этого Рихвальдъ не могъ снести и возвратился въ Зальцбургъ.

Эти слова современника Немеца показываютъ все негодование Германскаго духовенства на Славянскихъ просвѣтителей. Нача-

¹⁰⁾ Anonymi Salisburgensis, Historia conversionis Carantanensium etc. (Монитаръ, Glag. Claz. LXV).

¹¹⁾ Впрочемъ слѣдуетъ подразумѣвать: «ex parte Sclavonica», ибо въ Павонїи между Славянами, Бодри и нѣкоторые Банарскїи, происенїя, которыя, безъ сомнѣнїя, оставались принадлежать самимъ Немецкимъ священникамъ: объясненїя Добросѣкаго и проч.

лись происки; стали обвинять Кирилла и Меодія передъ папою; они должны ѣхать въ Римъ, въ 868 г.; папа оправдываетъ ихъ, но доносы не прекращаются. Въ 879 г. Меодійъ прилучаетъ грозное посланіе отъ папы: «Мы слышали, будто ты не тому учинишь народъ; чему Римская церковь наставлена отъ главы Апостоловъ, и что она постоянно преподауетъ; мы слышали также, будто ты воешь обидно на варварскомъ, то есть, Славянскомъ языкѣ, тогда какъ мы уже въ прежнемъ письмѣ запрещали тебѣ совершать св. литургію на этомъ языкѣ.» Меодійъ опять ѣдетъ въ Римъ, оправдывается, папа пишетъ Святополку (880 г.), что онъ одобряетъ Славянскія письма, позволяетъ служить по-Славянски, лишь бы Евангеліе читалось сперва по-Латыни; а потомъ въ Славянскомъ переводѣ для народа; «а если бы тебѣ (Святополку) и твоимъ сановникамъ лучше нравилось слушать литургію на Латинскомъ языкѣ, то предписываемъ, чтобы для тебѣ Богослуженіе совершалось по-Латыни.» Эта отговорка, съ расчетомъ написанная для Святополка, ибо онъ, могущественнѣйшій государь Славянскій, былъ на сторонѣ западнаго духовенства: оно его уловило въ свои сети, предавшаго грубому еладокрастию и боящагося Меодія, какъ обличителя пороковъ. На это прямо указываетъ древнее житіе Св. Климентя Болгарскаго (писанное по Гречески). Кто знаетъ, не боялся ли Святополкъ Меодія, и какъ обличителя въ сравненномъ преступленіи противъ Ростислава? Въ да-

же извѣстіе, что Меѳодій однажды не допустилъ его къ причастію. И вотъ, когда Меѳодій ѣдетъ въ Римъ оправдываться, Святополкъ посылаетъ вмѣстѣ съ нимъ къ папѣ его злѣйшаго врага, Вихинга, Шваба, фанатическаго поборника новаго западнаго догмата объ исхожденіи Св. Духа, и холо- таѣствуетъ, чтобы папа его поставилъ епи- скопомъ Нитры, викаріемъ Меѳодію. Умирая (6-го апрѣля 885) Меѳодій указываетъ на ученика своего, Моравца Св. Горазда, какъ на своего преемника. «Нѣтъ, кричатъ про- тивники (такъ повѣствуетъ Житіе Климен- та), нѣтъ, прочь Горазда! въ немъ оживетъ второй Меѳодій!» требуютъ архіепископомъ Вихинга, обращаются къ Святополку, Свято- полкъ рѣшаетъ въ пользу Вихинга и «Фран- ковъ». Главныхъ учениковъ Меѳодія, Гораз- да, Климента, Лаврентія, Наума, Ангеларія, «Франки» (т. е. Латинская сторона) сажаютъ въ темницу и жестоко ихъ мучатъ, «безъ вѣдома Святополка, находившагося въ от- лучкѣ и который, хотя благопріятствовалъ «Франкамъ» и былъ свирѣпаго нрава, одна- ко не пустилъ бы этого.» Избитыхъ, из- можденныхъ голодомъ (я все слѣдую тому же Житію), отдали святыхъ страдальцевъ воинамъ, съ приказаніемъ отвести ихъ, каж- даго порознь, на тотъ берегъ Дуная, вонъ изъ Моравіи. «Воины же, варвары, *Nemitzoi* (Нѣмцы), жестокіе и по природѣ, и теперь по обязанности, взяли святыхъ, отвели да- леко за городъ и бросили. Исповѣдники же Христовы жаждали Болгаріи, стремились

къ Болгаріи, которая должна была дать имъ успокоеніе.» — Съ честію принялъ святыхъ Климента, Наума и Ангеларія правитель Българскій, зная, что для Болгарскаго государя такіе люди вождельнные гости; не менѣе почтилъ ихъ самъ Борисъ. Долго жили они при дворѣ его, въ домахъ осельможъ Болгарскихъ (Ехаца и Часлава). Борисъ любилъ бесѣдовать съ ними; престарѣлый Государь, онъ сталъ учиться подъ ихъ руководствомъ «древнимъ исторіямъ и житіямъ святыхъ» и слушалъ изъ устъ ихъ священное Писаніе: очевидно, его привлекалъ, его радовалъ Славянскій переводъ библейскихъ книгъ, которыхъ въ этомъ переводѣ ученики Меѳодіевы могли принести съ собою изъ Моравіи гораздо больше, нежели было прежде извѣстно въ Болгаріи.

Подобно Горазду, Клименту и ихъ товарищамъ, конечно и многіе другіе послѣдователи Св. Меѳодія мало по малу перешли въ Болгарію, вытѣсняемые изъ Моравіи сначала западнымъ духовенствомъ, потомъ нашествіемъ Венгровъ. При смерти Меѳодія въ Великоморавскомъ царствѣ было, по словамъ одного древняго памятника ¹⁾, до двухъ сотъ священниковъ, имъ образованныхъ, и все это въ теченіе немногихъ лѣтъ разсѣялось; въ землѣ Святополка не осталось ни церкви, ни села. Наконецъ нива Болгарская нашла своихъ дѣлателей. Въ четвертый разъ, въ теченіе едва тридцати лѣтъ, перемѣнила Бол-

1) Упомянутаго уже житія Св. Климента.

гарія свое духовное направленіе. Мы видѣли, какъ она приняла христіанство изъ Греціи, но съ содѣйствіемъ Славянской проповѣди, какъ она затѣмъ предалась Риму, какъ опять перешла къ Константинополю и вмѣстѣ западныхъ епископовъ получила пастырей изъ Греціи; теперь наконецъ, но уже не такъ, какъ при прежнихъ переходахъ отъ Восточной Церкви къ Западной и отъ Западной къ Восточной, безъ перелома и разрыва, а естественнымъ, спокойнымъ дѣйствіемъ началъ Православной Церкви, Болгарія замѣняетъ Греческихъ наставниковъ Славянскими, и этимъ, можно сказать, обозначается окончательное установленіе въ ней православія. Въ старцѣ Борисѣ, уже почти полстолютія занимающемъ престолъ Болгарскій и теперь учащемся у молодыхъ питомцевъ Меоодія, не выражается ли та духовная жажда, съ которою Болгарія усвоивала себѣ открывшееся передъ нею Славянское просвѣщеніе! Водворяется же это просвѣщеніе въ Болгаріи двумя главными дѣятелями, Гораздомъ и Климентомъ, Моравцемъ и природнымъ Болгариномъ, какъ бы въ свидѣтельство союза Болгарскаго народа съ его Славянскими братьями во имя христіанства.

Югозападная часть Болгаріи, отдаленная область Охридская (ее звали Болгаре Кутмичивицей), наиболѣе, еще повидимому, нуждалась въ христіанскомъ наставленіи; здѣсь-то, кажется, сталъ по преимуществу трудиться Св. Горадь, признанный, по словамъ одного древняго памятника, архіепископомъ Болга-

рскимъ. Потомъ (около 899 г.) Борисъ послалъ въ Кутмичивицу Св. Климента, и Климентъ работалъ тамъ неутомимо до смерти своей (916). «Объѣзжая помянутую страну (Кутмичивицу), говоритъ Житіе, онъ проповѣдывалъ народу Слово Божіе, и имѣлъ въ каждой области избранныхъ учениковъ, числомъ до 3,500. Онъ пребывалъ по большей части съ ними, и мы, которые всегда съ нимъ были, видя и слыша все, что онъ говорилъ и дѣлалъ, мы никогда не видали его празднымъ. Онъ обучалъ дѣтей, показывая одними значеніе буквъ, объясняя другимъ смыслъ писаннаго, инымъ образуя руку для письма; и даже ночью трудился онъ, предаваясь молитвѣ, чтенію, писанію книгъ; иногда онъ въ одно время и самъ писалъ и училъ юношество. Изъ учениковъ своихъ онъ образовалъ чтецовъ, иподіаконовъ, діаконовъ, священниковъ; до трехъ сотъ изъ нихъ разослалъ онъ въ разныя области Болгаріи. Въ образецъ поставилъ онъ себѣ великаго Меѳодія и имѣя передъ собою, какъ картину нѣкоего искуснаго живописца, жизнь и дѣла его, онъ уподоблялъ имъ свои собственные поступки, ибо онъ зналъ жизнь Меѳодія какъ никто другой, бывъ съ юныхъ лѣтъ его спутникомъ и очевидцемъ всѣхъ его подвиговъ. Видя, что народъ не постигалъ смысла Писаній и что даже многіе священники Болгарскіе не понимали Греческихъ книгъ, такъ какъ они обучались только чтенію ихъ, а проповѣданное слово на Болгарскомъ языкѣ не

существовало ²⁾; онъ своими трудами разрушилъ стѣну невѣжества; затмѣвавшаго Болгаръ, и одѣлся новымъ Павломъ для новыхъ Коринѳянгъ: на всѣ праздники сочинилъ онъ простыя и удобопонятныя слова, и въ нихъ ты научишься тайнашъ Евры, найдешь похвалы Пресвятой Богородицѣ при многократно совершаемыхъ церковью празднованіяхъ Ей, найдешь повѣствованія о чудесахъ Ея и похвалы Іоанну Крестителю, узнаешь объ обрѣтеніи его Главы, о житіи и дѣвнѣяхъ пророковъ и апостоловъ, о подвигахъ мучениковъ. Хочешь ли узнать правила св. отцевъ? Найдешь ихъ списанными по Болгарски премудрымъ Климентомъ. Словомъ, всѣ церковныя книги, коими прославляется Богъ и святые Его, и смиряются души, все это намъ Болгарамъ передалъ Климентъ. Когда Борисъ украсилъ Болгарію семью соборными церквами, то и Климентъ возжелалъ построить въ Охридѣ собственный монастырь, а потомъ соорудилъ тамъ еще другую церковь, гдѣ былъ въ послѣдствіи воздвигнутъ архіепископскій престолъ; и такимъ образомъ было въ Охридѣ три церкви, одна соборная, и двѣ, построенныя Климентомъ! Видя же Болгарію некрытую однимъ

²⁾ Ἰερεῖς δὲ πολλοὺς Βουλγάρους δυσξυνέτως ἔχοντας τῶν γραικικῶν ὧν περὶ τὴν ἀνάγνωσιν μόνην ἐνετίβησαν γραμμασί κἀντεῦθεν κτηνώδεις ὄντας, ὡς μὴ ὄντος Βουλγάρων γλώσση πανηγυρικοῦ λόγου. (Vita S. Clem. ed. Miklosich, 27).

дикими и переродились и лиственныя и ядовитыя плоды, и они перенесъ туда изъ Греческой земли: всякія плодородныя деревья и при-
 винными облагородилъ дикія.

Подобнымъ образомъ, конечно, и товарищи: созидатели Горазда и Климента съ-
 дѣлались просвѣтителями и благодѣтелями на-
 реда въ другихъ городахъ и областяхъ об-
 ширнаго царства Болгарскаго.

Въ самое короткое время, въ послѣдніе
 годы IX-го и въ началѣ X столѣтія, явилось въ Болгаріи, подъ перомъ Моравскихъ
 выходцевъ и людей иными образованныхъ, не въ
 рѣдкомъ множество книжныхъ трудовъ, а именно
 литература, въ которой стали уже соеди-
 няться съ переводными работами самостоя-
 тельныя сочиненія, и въ которой: богослов-
 ская наука и проповѣдное слово: сходились
 съ науками свѣтскими, съ философіей, сло-
 весностію, исторіею и описаньемъ природы.
 Число, сохранившихся отъ нея до нашего
 времени, памятниковъ даетъ возможность су-
 дить о числѣ утраченныхъ въ теченіе столь-
 кихъ вѣковъ, и свидѣтельствуетъ о той нем-
 обаятельной умственной дѣятельности, ко-
 торая возникла въ Болгаріи: влѣвъ за во-
 дореніемъ Славянской письменности и Сла-
 вянскаго перевода священныхъ книгъ. Здѣсь
 не мѣсто исчислять эти памятники и распро-
 страняться о главныхъ Славянскихъ писа-
 теляхъ этого времени, о Іоаннѣ экзархѣ Бол-
 гарскомъ, о Константинѣ епископѣ, Григо-
 рій пресвитеръ, монахъ Храбръ: достаточно
 сказать, что почти весь переводъ церковныхъ

книгъ" и огромнаго числа твореній св. отцевъ, которые въ теченіе столѣтій, непре- станно переписываясь, питали духовныя потребности Болгарскаго народа, Сербіи и древней Руси, совершены были въ Болгаріи въ концѣ княженія Борисова и въ царствованіе его сына Симеона.

Обратимся теперь къ политическимъ событіямъ этого времени.

Борисъ усталъ царствовать. По словамъ западнаго лѣтописца, давно уже любилъ онъ, являясь днемъ передъ народомъ въ царскомъ облаченіи, по ночамъ скрыватьсь въ церковь, и въ уединеніи, покрытый вретичемъ, распростирались на полу, на жесткой власяницѣ вмѣсто ковра. Наконецъ онъ удалился въ монастырь. Онъ оставилъ двухъ сыновей, Владиміра и Симеона, и вѣроятно поручилъ имъ совокупно править Болгаріею: Владимиру, кажется, даны были северныя области, Симеону южныя. Неизвѣстно, въ какомъ году Борисъ покинулъ міръ, и вообще эти обстоятельства въ Болгарской исторіи чрезвычайно темны. У Греческихъ лѣтописцевъ Симеонъ является на престолѣ уже въ 886 г.: тотчасъ послѣ Бориса, а въ Нѣмецкихъ подъ 892 г., Болгарскимъ государемъ названъ Владиміръ; Житіе Св. Климента говоритъ, что Борисъ оставался на престолѣ до смерти своей, что Владиміръ ему наследовалъ и черезъ четыре года умеръ, и что тогда власть перешла къ Симеону. Во всякомъ случаѣ, Владиміръ царствовалъ не долго и недостойно. Въ западныхъ лѣтописяхъ

мы читаемъ слѣдующій расказъ: «Борисъ въ монастырѣ услышалъ, что сынъ его предается хищеніямъ и великимъ злодѣяніямъ, что онъ совращаетъ народъ съ пути христіанства; возгорясь рвеніемъ, онъ сложилъ съ себя иноческія ризы и препоясавъ мечъ, надѣвъ царское облаченіе, съ немногими вѣрными людьми погнался за сыномъ, безъ труда схватилъ его, выкололъ ему глаза и заключилъ его въ темницу; потомъ, созвавъ соборъ отъ всего своего государства, поставилъ царемъ своего меньшаго сына.»

Трудно сказать, въ какой мѣрѣ это справедливо и согласить приведенія выше, противорѣчація извѣстія. Но мы укажемъ на 888 годъ, какъ на моментъ важнаго въ Болгарской исторіи перехода: тутъ сорокапятилѣтній миръ поколѣнія, жившаго при Борисѣ (843—888 г.), смѣняется почти столь же продолжительною воинственною дѣятельностью новаго поколѣнія, при Симеонѣ (888—927 г.). Рѣдкій въ тѣ времена случай, свирѣпая война, тогда начавшаяся, имѣла причиною торговые интересы. Греки стали притѣснять торговлю Болгарскую, весьма обширную и которая, кажется, связывала Константинополь съ Дунайскими странами, Моравіею и Германіею, т. е. производила размѣнъ произведеній запада и востока. Евнуху Мусику съ Греческими купцами Ставракіемъ и Космою удалось, посредствомъ придворныхъ интригъ, выманить у императора Льва Философа монополію торговли съ Болгаріею, и чтобъ очистить

себѣ столичный рынокъ, они принудили Болгарскихъ купцовъ перевзять изъ Константинополя въ Солунь, да и тамъ стали ихъ прижимать. Представленія Симеона не дѣйствовали на императора, и онъ наконецъ рѣшился объявить войну. Онъ проникъ въ Македонію, одержалъ большую побѣду надъ Греческими войсками и Хазарскими наемниками, и множество плѣнныхъ съ отрезанными носами отослалъ къ императору. — Испуганный успѣхами Болгарь, Левъ обратилъ взоры на дикую орду, недавно показавшуюся на Черномъ морѣ, близъ Дуная, и послалъ звать ее себѣ на помощь. Онъ задобрилъ Мадьяръ дарами, и заключилъ договоръ съ ихъ вождемъ Арпадомъ: Мадьяры обязались напасть на Болгарію.

Что за народъ были эти Мадьяры (иначе *Угры, Венгры*, а у древнихъ Византійскихъ летописцевъ *Турки*), эти Мадьяры, которые произвели такой страшный переворотъ во всей Дунайской странѣ? Не вдаваясь въ разысканія объ ихъ первоначальной судьбѣ, въ доказательство теперь вполне утвержденного наукою происхожденія ихъ отъ восточной, Уральской отрасли Финскаго племени, ограничимся свидѣтельствомъ почти современнаго ихъ появленію писателя, Константина Багрянороднаго: «Народъ Турокъ (онъ говоритъ о Мадьярахъ: Турками звали ихъ Греки какъ выходцевъ изъ Заволжскихъ степей и какъ прежнихъ данниковъ Турецкаго народа, Хазаровъ; съ нѣкоторыми вѣтвями котораго они и смѣшались) народъ Ту-

рѣки обитали въ старину въ странѣ, про-
званной Деведією по первому ихъ воеводѣ
(*Βραβόλου*), Деведимъ (*Δεβεδίμα*), гдѣ течетъ
и рѣка Хидмасъ, именуемая также Инпу-
ломъ (*Χιυυμλος*); они тогда не назывались
Турками, а почему-то носили имя *Савары*
(т. е. *βεζοναενικῶν*³⁾, и было ихъ семь ко-
лѣнь, подъ начальствомъ воеводъ (*βραβόλου*).
Потомъ Печенѣги, побужденныя Хазарами,
принужденны были перейти въ землю Ту-
рокъ, и въ войнѣ, которая между ними воз-
никла, Турки были побужденны и раздѣли-
лись на двое; часть пошла на востокъ, къ
Церои, другая на западъ, въ мѣста, назы-
ваемыя *Ателькусу*⁴⁾, гдѣ теперь живутъ
Печенѣги, — и гдѣ (прибавляетъ Констан-
тинъ въ другомъ мѣстѣ) протекають рѣки,
Варуахъ, *Куву*, *Трухъ* (Днѣстръ, по Турецки
Турлу); *Пруахъ* и *Саретъ*; — здѣсь они вы-
брали себѣ, вмѣсто прежнихъ воеводъ, об-

³⁾ У Константина мы читаемъ *Σαβαροκάβαλοι*:
имѣть сомнѣнія, и всеми признано, что подъ
этимъ чтеніемъ было *Σάβαρ Ἰκτι ἀβφαλοι*; оно
подтверждается показаніями другихъ памя-
тниковъ и значеніемъ слова *Саваръ* въ разныхъ
восточныхъ языкахъ.

⁴⁾ *Ατελῆος* значить по Мадьарски *мѣсто у Атели*
мѣ; Атель — названіе Волги у степныхъ пле-
менъ; по остроумной догадкѣ Венгерскаго
историка Фесслера, Мадьаре, подвинувъ къ
низовьямъ Дуная, перенесли на огромную,
незнакомую рѣку, перель нами открыванную
— съ родное имя недавно покинутой ими Волги.

цата государя, Арпада, и дѣсь же пришла да къ нимъ; изгнанныя изъ прежнихъ жилищъ, между собною войнотю; часть народа Каваровъ, происходямаго отъ Хазаръ.»

По опредѣленію Константина, *Аталькугу*, земля занятая Мадьярами, простирается отъ запада на востокъ отъ Серета за Днѣпръ и вѣроятно до Буга; такіе образы юни, въ низинѣ Молдавіи, водонякъ къ предѣламъ Болгарскаго государства. Печенги предожяла нападать на Венгровъ, и Арпадъ еще подвинулся на западъ; вскоре война Болгаръ съ Греками, Моравцевъ съ Нѣмцами втянула его орду въ сердце Славянокити земель, въ равнину средняго Дуная.

Симеонъ выступилъ уже вторгити походъ противъ Византійцевъ (889); какъ вдругъ подумалъ извѣстіе, что непріятель перевезъ Венгровъ черезъ Дунай; Греческій флотъ въхлалъ къ устью Дуная и тутъ же тотчасъ взялъ на суда призванныя полчища Арпада, стоявшія между Серетомъ и моремъ, и перевезъ ихъ въ Добруджу. Венгры стали жестоко опустошать Болгарскую землю. Симеонъ поспѣшилъ имъ на встрѣчу и устремился на Мадьярскую рать; Арпадъ удачнымъ отступленіемъ завлекъ его къ Дунаю и тогда вступилъ въ бой; битва возобновлялась трижды: то было первое сраженіе Мадьяръ въ новомъ для нихъ Европейскомъ мѣрѣ. Арпадъ выигралъ дѣло, Симеонъ бѣжалъ въ Доростоль (Силистрию), оттуда въ какую-то крѣпость Мундралу или Мундлпру, и тамъ заперся; Венгры дошли до самой

столицы его, Првславы (близ Шумлы) и потом удалились из Болгарии; продавъ императору Льву плѣнныхъ Болгаръ. Но тогда Симеонъ приготовился къ отмищенію; самъ пошелъ за Дунай въ землю Венгровъ, передумавъ вкѣ, по выраженію летописца, и ловкими переговорами съ императоромъ выручилъ Болгарскихъ плѣнниковъ (890).— Приводимъ расказъ западнаго летописца объ этихъ первыхъ столкновеніяхъ Болгаръ съ Мадьярами⁶⁾; ошибка его только въ томъ, что онъ соединилъ въ одну объ войны Симеона противъ Мадьяръ, первую, столь для него гибельную, вторую побѣдоносную; не совсѣмъ вѣрно представлены также обстоятельства, приведшія къ войнѣ; но тѣмъ не менѣе извѣстіе весьма замѣчательно: «Греки заключаютъ миръ съ Аварами, иначе Венграми; что принимается въ дурную сторону согражданами (sociis; т. е. сосѣдями) Гре-

6) Расказъ этотъ записанъ въ Фульденской летописи подъ 896 г., но ясно, что событія относятся къ 889 и 890; въ средневековыхъ летописяхъ, при извѣстіяхъ о странахъ отдаленныхъ, безпрестанно встрѣчаются такія невѣрности въ лѣтосчисленіи: иногда летописецъ отмѣчалъ событіе подъ тѣмъ годомъ, въ которомъ получалъ о немъ свѣдѣніе: такъ крещеніе Болгаринъ, случившееся въ 860 г., въ западныхъ сказаніяхъ отнесено къ 866 году, въ которомъ пришли въ Римъ и Германію послы Бориса съ уведомленіемъ объ его обращеніи.

ковъ, Болгарами: они возстаютъ на нихъ войною и преслѣдуютъ ихъ, разоряя всю ихъ землю до воротъ Константинополя. Въ отмщеніе, Греки, съ свойственныиъ имъ коварствомъ, отправляютъ свои корабли къ Аварамъ (Венграмъ) и перевозятъ ихъ черезъ Дунай въ царство Болгарское. Перевезенные въ великой силѣ, они губятъ народъ Болгарскій. Болгаре, находящіеся въ походѣ, спѣшатъ назадъ въ отечество, сражаются съ непріятелемъ, разбиты. И во второй битвѣ побѣда остается не за ними. Не зная, какъ помочь бѣдѣ, они всѣ прибѣгаютъ къ стопамъ старичка (vetuli), короля Михаила, виновника ихъ обращенія къ истинѣ, спрашиваютъ его совѣта. Михаилъ назначаетъ имъ трехдневный постъ, велитъ покаяться въ нанесенной христіанамъ обидѣ (т. е. въ войнѣ съ Греками), молить Бога о помощи. Совершивъ сіе, они вступаютъ въ жестокой бой съ врагами, обѣ стороны сражаются упорно, и наконецъ побѣда, хотя кровопролитная, достается христіанамъ. Кто возможетъ исчислить потери язычниковъ Аваровъ, когда на сторонѣ Болгаръ, одержавшихъ побѣду, оказалось павшими до 20,000 всадниковъ!»

До такихъ огромныхъ размѣровъ достигла, въ народной молвѣ, вѣсть о пораженіи Мадьяръ Симеономъ. Мадьяры ушли отъ нижняго Дуная. По свидѣтельству Нестора, то было степное, кочевое племя ⁶⁾, да и

⁶⁾ Идоша Угри мимо Кіевъ,..... и стапа вежами: бѣша бо ходяще аки се Половци.—Объ

собственные летописцы изображаютъ ихъ въ древнее время народомъ, перегоняющимъ стада съ мѣста на мѣсто, живущимъ въ паштрахъ, отправляющимся въ походъ верхомъ: такая орда, когда на нее нападетъ непріятель и разобьетъ ее, обыкновенно поднимается тотчасъ всѣмъ таборомъ и уходитъ въ даль. И вотъ, послѣ похода Симеонова за Дунай, Мадыре являютя уже не у Чернаго моря и устьевъ Дуная, а на восточномъ склонѣ Карпатскихъ горъ, въ нынѣшней Буковинѣ и части Галиціи. Здѣсь открылись передъ ними, за горами, владѣнія Моравскія и сѣверныя, слабо населенныя княжества, подвластныя Болгарскому государству, и начались ихъ страшныя успѣхи.

этомъ походѣ мимо Кіева (Куев) весьма подробно говоритъ древнѣйшій Венгерскій летописецъ (Anonymus regis Belae notarius), черная изъ народныхъ преданій и пѣсенъ Мадырь, какъ видно и изъ собственныхъ его указаній. Этимъ объясняется неопредѣленность и хвастливость его расказа; но большая часть историковъ были къ нему, конечно, несправедливы, отвергая его совершенно, какъ недобросовѣстнаго выдумщика.—Замѣчательно, что онъ съ именемъ Русской земли соединяетъ имя Суздаля, который, какъ извѣстно, и въ Скандинавскихъ сагахъ восходитъ до глубочайшей древности. Вотъ его слова; на нихъ, кажется, у насъ не было обращено вниманія: (Вышедши изъ Сквѣи, *quae Dentumoger dicitur*, Мадыры) «шли много дней черезъ пустынные мѣ-

Мы видели, какого могущества достигла Великая Моравія подъ скипетромъ Ростислава и Святополка, какъ она собрала около себя западныхъ Славянъ и какой отпоръ дала Германіи. Тутъ готовилась борьба на жизнь и смерть; послѣ нѣсколькихъ колебаній и мирныхъ попытокъ, она разразилась въ 890 г. Вождемъ Германскаго племени былъ Арнульфъ, уже носившій тогда королевскую корону, вскорѣ потомъ венчаннй императорскою, — безспорно сильнѣйшій и дѣятельнѣйшій изъ западныхъ государей IX вѣка послѣ Карла Великаго. Но два года не могъ онъ еще ничего сдѣлать противъ силы Моравской. Тогда (892)

ста, и переплыли рѣку Этиль (Etyl), *super tuboi sedentes more paganismo* (вм. paganico), и нигдѣ не находили пути къ городу или къ жилью, и не вкушали пищи отъ трудовъ человѣческихъ, какъ былъ у нихъ обычай, но питались мясомъ и рыбою, доколѣ не пришли въ Русь, что зовется *Суздаль* (in Rusciam, quae Susudal vocatur)..... И такъ, пришедши, князь Алму со всеми своими вступилъ въ землю Русскую, что зовется *Суздаль* (in terram intraverunt Rusciae, quae vocatur Susudal). (Гл. 7).—Тогда (послѣ побѣды надъ Русскими и Куманами, — вѣроятно Печенѣгами, — о которой рассказываетъ Венгерецъ) князя Русскіе, т. е. Кіевскій и *Суздальскій* (duces Ruthenorum, scilicet de Kuen et Susdal), дабы не лишиться своихъ престоловъ, дали князю Алму въ заложники своихъ сыновей, и проч. (гл. 10).

онъ сталъ заискивать союза съ другими Славянами, съ Брацлавомъ (Брячиславомъ), княземъ Хорватовъ, между Дравою и Савою, съ Болгарами, которыхъ уговаривалъ дѣйствовать съ нимъ за-одно и не возить къ Моравцамъ соли, — а въ то же время послалъ звать Мадьяровъ на Святополка: такимъ образомъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, съ двухъ разныхъ сторонъ, изъ Константинополя и изъ Германіи, приходили къ Мадьярамъ за помощью враги Славянскаго народа. Самъ Арнульфъ повелъ рать Баварцевъ, Франковъ и Швабовъ, и съ сѣвера, со стороны Чехіи, направилъ на Святополка храбраго полководца, епископа Арна съ сильнѣмъ войскомъ. Но Святополкъ устоялъ со славою. Болгаре на него не пошли, Брячиславъ ни въ чемъ не успѣлъ, Арнъ погибъ въ Чехіи, все войско его было истреблено; Мадьярамъ также не посчастливилось: они присоединились—было къ Арнульфу и стали съ нимъ заодно разорять Моравію, но вскорѣ Арнульфъ, какъ говоритъ Сангалльская лѣтопись, «отпустилъ Агарянь (т. е. Мадьяровъ), потому что они были заперты»: значитъ, Святополкъ застигъ ихъ гдѣ нибудь въ горахъ и отбросилъ за Карпаты; Арнульфъ съ Нѣмцами также безъ успѣха воротился назадъ. Въ слѣдующемъ походѣ (893) онъ опять потерпѣлъ неудачу; но въ 894 г. Святополкъ умеръ. Народъ Моравскій не вѣрилъ его смерти, и до сихъ поръ ищетъ Святополка. А вотъ что пишетъ Пражскій лѣтописецъ: «Въ этомъ году (894) Свято-

полкъ царь Моравскій, какъ рассказываютъ въ народѣ, исчезъ посреди своего войска, и никогда съ тѣхъ поръ его не видали. Въ самомъ же дѣлѣ онъ тогда, терзаемый совѣстью..... во тьмѣ ночной, никѣмъ не видимый, съѣлъ на коня и ускакалъ въ дремучій лѣсъ на горѣ Zober⁷⁾, гдѣ жило трое пустынниковъ; здѣсь, въ самомъ потаенномъ мѣстѣ лѣса, убилъ онъ коня своего и зарылъ въ землю свой мечъ, и на разсвѣтъ пришелъ къ пустынникамъ, постригся и пребылъ съ ними, неузнанный, до конца жизни; предчувствуя смерть, онъ открылся имъ, и тотчасъ испустилъ духъ⁸⁾. — Въ

⁷⁾ Въ Нитрской странѣ.

⁸⁾ Въ этомъ разсказѣ Космы Пражскаго, мы видимъ христіанское, монашеское толкованіе кончины Святополка, въ противоположность народному вѣрованію, не допускавшему его смерти. Что же мучило совѣсть могущественнаго царя? Конечно, Славянское преданіе выставило смерть Ростислава и изгнаніе учениковъ Меѳодія; но возникло еще и преданіе Нѣмецкое, католическое, по которому причиною его раскаянья было то, что онъ «въ своей неблагодарности» поднялъ оружіе на Арнульфа, «своего господина, императора и кума», «своего благодѣтеля, который далъ ему Богемію и часть Венгріи до рѣки Грана» (замѣтимъ, что эти земли Арнульфу не принадлежали). — и эту-то странную причину, слышанную имъ отъ своихъ собратьевъ, католическихъ монаховъ, занесъ Косма въ Чешскую летопись.

этой Великой Моравии, которую вмѣстѣ съ учениками Кирилла и Меѳодія покинула духовная сила, геній одного человѣка, одного полководца служилъ опорою цѣлому царству, — и смерть Святополка была провозвѣстницею быстрого, страшнаго паденія. Такъ скоро совершилось оно, что послѣднiя событiя борьбы Великой Моравiи съ Нѣмцами и Мадьярами едва замѣтны въ исторiи; виденъ только общiй исходъ дѣла: черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ кончины Святополка отъ Великаго Моравскаго царства не осталось слѣда.

Между тѣмъ Симеонъ еще въ 893 г. пошелъ опять на Грековъ. Онъ проникъ за Адрианополь и встрѣтился тамъ съ соединенными Греческими легiонами: произошло сраженiе, «общее бѣгство Грековъ было страшное, и всѣ были истреблены» (слова лѣтописи). Тогда Симеонъ заключилъ миръ съ императоромъ, какъ видно весьма выгодный, потому что онъ особенно дорожилъ имъ и хранилъ его ненарушимо (893—911). «Примирившись съ императоромъ (такъ повѣствуетъ Константинъ Багрянородный) и пользуясь безопаснымъ временемъ, Симеонъ снесся съ Печенѣгами и уговорился съ ними напасть на Турокъ (т. е. Мадьяровъ) и истребить ихъ. Турки (Мадьяры) были тогда въ походѣ» — это происходило въ 895 г., послѣ смерти Святополка, они пошли на слабыхъ и разъединенныхъ дѣтей его, съ согласiя и, можетъ быть, по зову Арнульфа, котораго свидѣтели почти современные,

Лутпрандъ и Видукиндъ, прямо обвиняютъ въ выдачѣ Мадьярамъ Моравскаго государства; — «тогда Симеонъ и Печенѣги бросились на Турокъ (Мадьяровъ), совершенно истребили семейства, оставленные ими дома, и жестоко преслѣдовали тѣхъ (мужчинъ), которымъ ввѣрено было Турками обереженіе ихъ страны. Возвратившись съ похода и видя землю свою опустѣлою, Турки (Мадьяры) перекочевали въ ту страну, гдѣ и доньнѣ обитаютъ».....

Расчетъ Симеона былъ дурной. Онъ думалъ искоренить Мадьярскую орду, а только вогналъ ее въ Закарпатскія равнины. Переступивъ Карпаты, Мадьяры заняли сперва полосу до Бодрога и Тисы, сѣверо-восточный уголь Венгрии, гдѣ Унгваръ и Мункачь. «Славяне же, жители той земли, говоритъ Венгерская лѣтопись, услыхавъ о приходѣ ихъ, испугались весьма и добровольно покорились князю Алму (отцу Арпада), и хотя были подданные князя Салана (подвластнаго Болгарскому государю), однако со страхомъ и почтеніемъ служили Алму. Страхъ и трепеть напали на жителей земли той, и они льстили князю и старшинамъ его, какъ рабы собственнымъ господамъ, и превозносили плодородіе той земли и рассказывали, какъ, по смерти царя Аттилы, великій Крумъ⁹⁾, прадѣдъ князя Салана, вышелъ изъ Болгарии..... занялъ

⁹⁾ О ложномъ чтеніи *Keanus* вмѣсто *Kermus* было уже сказано.

ту землю и какъ сами Славяне выведены были изъ Болгаріи и расселены до предѣловъ Руси.....» — Занявъ сѣверную окраину «Задунайской»¹⁰⁾ Болгаріи, Мадьяры стали распространяться все далѣе на югъ и западъ. Въ нихъ развилась необыкновенная удаля и сила. Къ нимъ приставали ихъ родичи, вѣтви Печенѣговъ, прозванныя Секлерами, остатки Аваровъ, и вѣроятно даже многіе Болгаре, оставшіеся на сѣверномъ берегу Дуная въ кочевомъ состояніи (съ осѣдыми Славянами Мадьяры не братались), — и все страшнѣе и страшнѣе дѣлались ихъ набѣги. Въ нѣсколько лѣтъ, устремляясь то въ ту, то въ другую сторону, разгромили они основанную Крумомъ Задунайскую Болгарію и царство Великоморавское.

Въ ихъ преданіяхъ, внесенныхъ въ лѣтопись, весьма подробно говорится о завоеваній четырехъ княжествъ, изъ коихъ состояла Задунайская Болгарія. Завоеванію, конечно, помогло хаотическое разнообразіе народонаселенія и недостатокъ единства въ дѣйствіяхъ князей; помощь Симеона изъ-за Дуная подошла, когда дѣло было почти кончено. Въ началѣ Мадьяры дѣйствовали осторожно, стараясь отклонить отъ себя удары

¹⁰⁾ Я говорю «Задунайская Болгарія» въ томъ смыслѣ, какъ Греческіе лѣтописцы, и безъ сомнѣнія, сами Болгаре употребляли это выраженіе, смотря съ средины Балканскаго полуострова.

Болгарскаго властителя между Дунаемъ и Тисою, Салана, задабривая его, кажется, и данью. Видны слѣды этого въ хвастливомъ разказѣ нотарія короля Бельи ¹¹⁾. Онъ говоритъ, что на грозныя слова, которыя Саламъ велѣлъ передать Арпаду, Мадьярскій вождь отвѣчалъ съ великимъ смиреніемъ: «Хотя правдѣ мой, могучій царь Атила ¹²⁾ владѣлъ землею между Дунаемъ и Тисою до предѣловъ Болгарскихъ, нынѣ принадлежащею Салану, но я,—не изъ страха, а изъ дружбы къ Салану, — требую отъ него не всей этой земли, а лишь частицы, для моихъ стадъ, до рѣки Саю, и еще прошу вашего князя, чтобы онъ изъ милости прислалъ мнѣ двѣ кружки Дунайской воды да охапку травы съ песковъ Олпарскихъ (Алпаръ на Тисѣ), чтобы я могъ знать, слаще ли трава Олпарская Скиесской или Дентумадьярской и лучше ли вода Дунайская Донской.» И съ тѣмъ вмѣстѣ, продолжаетъ тотъ же летописецъ, отправилъ Арпадъ къ Салану и свое посольство съ 12 бѣлыми конями, 12 верблюдами, 12 Куманскими (Печеньжскими?) юношами, 12 Русскими дѣвами наинудрейшими (*prudentissimas*) и 12 златотканными пла-

¹¹⁾ Объ этомъ летописцѣ мы говорили прежде.

¹²⁾ Упоминовенія объ Атилѣ могутъ почестся прибавками летописца къ подлинному преданію: уже съ древняго времени замѣтно въ ученыхъ Венгерцахъ желаніе выдать свой народъ за потомковъ Гунновъ и тѣмъ какъ бы узаконить его пребываніе въ Дунайской странѣ.

щани. Они прибыли къ Салану въ Олгарь на Тисъ, и онъ принялъ ихъ съ радостью, исполнилъ всѣ просьбы Арпада и далъ ему землю до Саю.—Тѣмъ не менѣе Арпадъ, въ повѣствованіи нотарія, долженъ былъ покорить силою жителей уступленнаго ему края. Послѣ того онъ отправилъ такое же посольство, такіе же дары къ другому Болгарскому князю, Менуморуту, владѣвшему на восточной сторонѣ Тисы, и требовалъ земель около Самоши; но тотъ отказалъ на отрывъ. Мадьяры вторглись въ его предѣлы, но не хотѣли идти на него самого, а на первый разъ ограничились занятіемъ страны, которой требовали. Когда это было сдѣлано, то одинъ изъ Арпадовыхъ военачальниковъ, «Tuhutum pater Ногса, человекъ хитрый, услыхавъ о плодородіи Зальсья (terrae Ultrasilvaniae, т. е. Седмиградіи), захотѣлъ добыть ее, какъ всѣ въ то время, по нашей поговоркѣ (выписываю изъ Венгерскаго лѣтописца) *добывали себѣ мѣста и приобрѣтали доброе имя*, — и послалъ туда развѣдчикомъ отца Опафоркоса, Огманда, который донесъ ему, что земля хорошая, обильная золотиносными рѣчками, и что жители той земли наихудшіе люди въ мірѣ, Волохи и Славяне, что они не имѣютъ другаго оружія, кромѣ лука и стрѣлъ, что ихъ князь Гелу слабѣе другихъ князей (т. е. Салана и Менуморута), ибо не имѣетъ у себя хорошаго войска и терпитъ обиды отъ Кумановъ и Печенъговъ.» Тухутумъ, съ позволенія Арпада, перешелъ съ войскомъ за лѣса, встрѣтился съ княземъ Гелу, разбилъ его въ упорной битвѣ и

въ преслѣдованіи убилъ. Тогда жители добровольно покорились и присягнули ему, и онъ сдѣлался владѣтелемъ Трансильваніи¹³⁾.

Между тѣмъ вожди Тосу и Соболсу покорили землю между Самошью и Кёрешью. Теперь Арпадъ становится смѣле передъ Саланомъ: онъ посылаетъ извѣстить его объ успѣхахъ Венгерскаго оружія, дабы Саланъ принялъ участіе въ его радости, и требуетъ у него земли отъ рѣки Саю до Задьвы (Zogea, Zaguva, течетъ въ Тису). Испуганный Саланъ отдаетъ ее, Арпадъ приходитъ и покоряетъ Славянъ между Саю и Задвою. Утвердившись на Тисъ, онъ посылаетъ войска на западъ, беретъ Гоморъ, Нитру и разоряетъ ббльшую часть Моравскаго государства. Тогда наконецъ, при вѣсти о такомъ страшномъ усиленіи Венгровъ, Саланъ призываетъ на помощь князя Болгарскаго¹⁴⁾; князь Болгарскій посылаетъ ему большое войско изъ-за Дуная. Война объявлена Мадьярамъ. Арпадъ ведетъ на Салана всѣ силы свои, объ рати идутъ вдоль по Тисъ, Арпадъ съ сѣвера, Саланъ отъ Тителя; они встрѣчаются на пескахъ Олпарскихъ, и ночуютъ такъ близко другъ отъ друга, что никто не смѣетъ сомкнуть глазъ во всю ночь. Сраженіе; Саланъ разбитъ, войско его разсѣвается, онъ самъ уходитъ въ Бялградъ (Alba Bulgariae). «И сталъ Арпадъ на пескахъ Олпарскихъ, и ве-

¹³⁾ Родъ его княжилъ тамъ до 1003 г.

¹⁴⁾ Также Греческаго императора, говоритъ Венгерскій лѣтописецъ, что весьма невѣроятно.

дѣлъ на противоположной сторонѣ Тисы выстроить крѣпкій городъ изъ земли, который Славяне назвали на языкѣ своемъ Чернымъ городомъ (Csongrad).» Онъ покорилъ народъ до Тителя. Потомъ,—такъ рассказываетъ далѣе Венгерскій летописецъ, — Арпадъ перешелъ Дунай при устьѣ Савы и устремился на Бѣлградъ; князь Болгарскій, родственникъ Салана загородилъ ему дорогу; но опять Болгары были разбиты, князь ихъ бѣжалъ и заперся въ Бѣлградѣ, онъ просилъ мира, отказался отъ покровительства Салану, заплатилъ дань. За тѣмъ Арпадъ приступилъ къ завоеванію Панноніи, началъ дѣлать набѣги въ Каринтію и сѣверную Италію, и въ то же время послалъ войско противъ князя Глада, владѣвшаго на югъ отъ Мароши. Перешедши Дунай и Тису, Мадьяры покорили жителей между Марошью и Темешью. На берегу Темеши выстроился противъ нихъ Гладъ съ великою силою, конною и пѣшею, съ отрядами Кумановъ, Болгаръ и Волоховъ. Мадьяры раздѣлились на два полка, съ двухъ сторонъ напали на Глада и одержали побѣду: «передъ ними падали враги, какъ снопы за жнецомъ, погибло два вождя Куманскихъ и трое князей (kenezu) Болгарскихъ;» Гладъ просилъ мира, поддался Арпаду. Черезъ нѣсколько времени новая рать Мадьярская выступила противъ послѣдняго поборника Задунайской Болгаріи, противъ Менуморута; на рѣкѣ Кѣрѣши присоединились къ Мадьярамъ Секлеры. Менуморуть, не принявъ боя,

бѣжалъ. Столица его, Бихарь (близь нынѣшняго Гроссъ-Вардейна) сдалась. Заключенъ былъ миръ; Мenumоруть выдалъ дочь свою за Арпадова сына Солтана, Бихарь былъ ему оставленъ, онъ призналъ себя подданнымъ Арпада.

Такъ изображается въ Венгерскомъ сказаніи покореніе Задунайской Болгаріи. Подробности могутъ быть не точны, имена князей искажены, но вѣрно сохраненъ, конечно, общій ходъ завоеванія. Сглажена только страшная жестокость Венгерскаго нашествія, жестокость, для которой западные лѣтописцы того времени не находятъ словъ и которую можно сравнить съ ужасами Батяя. Самъ нотарій Белы сознается о своихъ соотечественникахъ, что «душа ихъ въ ту пору ничего другаго не желала, какъ завоевывать земли, поработать народы, предаваться трудамъ воинскимъ, ибо Венгерцы радовались тогда пролитію человѣческой крови, какъ радуется пѣвица (*sicut sanguisuga*), да иначе какъ бы они и оставили своимъ потомкамъ столько хорошей земли?»

Въ Задунайской Болгаріи Мадьяры щадили еще кое-какія мѣста, довольствовались кое-когда подданствомъ, а не поработченіемъ туземцевъ, ибо находили тамъ, какъ сказано, много родныхъ стихій. Но въ одно время съ Задунайскою Болгаріею завоевывали они и Великую Моравію, и здѣсь въ землѣ чисто Славянской, они все разрушали, избивали, поработали весь народъ. «По смерти Святополка, говоритъ Константинъ

Багрянородный, начались (у Моравцевъ) распри и междоусобія, и пришли Турки и истребили ихъ совершенно.» Еще прежде той битвы у Пресбурга, гдѣ пали послѣдніе защитники Великой Моравіи, папъ, при попыткѣ его послать епископовъ къ Святополковымъ наследникамъ, писали (900) изъ Германіи: «Во всей Панноніи не видать ни единой церкви, и епископы ваши расскажутъ, сколько дней они ѣхали и видѣли всю землю опустѣлою (*desolatam*).»— Въ 907 г. была эта битва Пресбургская, паденіе Великой Моравіи; и подъ тѣмъ же годомъ записано, что «Венгры побѣждаютъ Болгаръ и налагаютъ на нихъ дань»: дѣло идетъ конечно, о побѣдахъ Арпада надъ Саланомъ у Олпара, надъ Симеономъ у Бѣлграда, побѣдахъ, ниспровергнувшихъ владычество Болгаръ на северномъ берегу Дуная. Такъ пали въ одно время Задунайская Болгарія и Великая Моравія, такъ воздвиглась на среднемъ Дунаѣ, на мѣстѣ двухъ Славянскихъ державъ, держава враждебная Славянамъ, такъ въ 907 году между Славянами восточными и сѣверо-западными Русью, Польшею, Чехами, Словаками съ одной стороны, и юго-западными, Болгарами, Сербамъ, Хорватами съ другой, — стало преградой племя Заволжскихъ наѣздниковъ. Съ тѣхъ поръ исторія западныхъ Славянъ раздвоилась; Болгаре, Сербы, Хорваты вошли окончательно въ политическую сферу Константинополя и Италіи, Чехи, Польша примкнули къ Германіи, — и одна только огромная Русь могла

пребыть въ своей самостоятельности; и она то, послѣ девяти сотъ лѣтъ, опять сомкнула, на устьяхъ Дуная, разорванную цѣпь Славянскихъ народовъ, въ предвѣстіе ихъ соединенія; ей выпало на долю разрушить дѣло Мадъяровъ.

П и с ь м о VI.

Симеонъ , Царь Болгарскій : золотой вѣкъ
Болгарии.

На рубежъ IX-го и X-го столѣтій совершился, мы видѣли , въ равнинахъ средняго Дуная великій переворотъ : Славянское богослуженіе , Славянскіе проповѣдники были изгнаны изъ той самой земли Великоморавской , которую Кириллъ и Меодій хотѣли положить краеугольнымъ камнемъ Славянскому просвѣщенію , а за тѣмъ эту землю и принадлежавшія Болгаріи княжества на сѣверной сторонѣ Дуная занялъ народъ Мадьярскій. Въ походахъ противъ Грековъ , въ битвахъ съ Мадьярами протекла первая половина царствованія Симеона, сына Борисова; мы оставили въ 907 г. Болгарію лишенною, въ отторгнутыхъ Мадьярами областяхъ , своего оплота отъ степныхъ Черноморскихъ ордъ, отрѣзанною, вмѣстѣ съ Сербамъ и Хорватами, отъ всѣхъ остальныхъ Славянъ , сдавленною между новымъ государствомъ Венгерскимъ и Византійскою имперіею , — врагами , всегда готовыми противъ нея на союзъ и одинаково опасными: Венгры—свирѣпою отвагою, Византійцы — коварствомъ и соблазномъ. А въ то же время Болгарія эта , для которой такъ невыгодно, въ политическомъ отношеніи, кон-

члѣся IX вѣкъ и начался X-й, пріютила у себя гонимое западомъ просвѣщеніе Славянское и, пріютивши, стала сама служить ему со всею ревностью новообращеннаго народа. Съ какою-то юношескою радостью и гордостью прилагаетъ она свои свѣжія силы къ священному дѣлу книжнаго ученія. Самъ государь участвуетъ въ этомъ свѣтломъ и чистомъ порывѣ народа Болгарскаго: воспитанный въ Цареградѣ, вполне усвоившій себя Греческое образованіе, Симеонъ могъ бы довольствоваться готовыми уже, несмѣтными богатствами Греческой письменности; нѣтъ, онъ не хочетъ отдѣляться образованіемъ отъ своего народа, Греческія книги не удовлетворяютъ его, такъ хорошо знакомаго съ Греческимъ языкомъ, что его называли *полу-Грекомъ*: ему нужно, чтобы книги были доступны народу, онъ поощряетъ переводчиковъ, велитъ составлять на Славянскомъ языкѣ сборники замѣчательныхъ духовныхъ сочиненій, поручаетъ Константину епископу, ученику Меодія, перевести и на Славянскій языкъ слова Аванасія великаго, требуетъ отъ Григорія пресвитера перевода Хроники Малалы, покровительствуетъ неутомимому подвижнику и писателю Св. Клименту Охридскому, еще болѣе отца своего, Бориса; ему, «Царю великому, христіянолюбцу Симеону», посвящаетъ Іоаннъ Экзархъ свой трудъ о сотвореніи міра, составленный «по Василю Великому, Іоанну Златоусту..... и Аристотелю философу», и самъ онъ, среди заботъ государственнаго управленія и

военныхъ тревогъ, «привыкшій прочитывать всѣ книги» (такъ выражается о Симеонѣ современникъ), дѣлаетъ изъ громадныхъ сочиненій Златоуста выборъ въ Славянскомъ переводѣ (Златоструй), выборъ, который особенно полюбился Болгарскому, а потомъ и Русскому народу. Такъ сознавалъ государь зготъ, величайшій изъ вѣценосцевъ Болгарии, свою обязанность быть и вождемъ и просвѣтителемъ народа, такъ онъ, который предписывалъ миръ кесарямъ и великоцземъ своего двора затмѣвалъ старшій дворъ Византійскій, чтилъ слово и просвѣщеніе: евангельская ревность образованныхъ Кирилломъ и Меодіемъ наставниковъ, стремленіе юнаго народа къ умственной дѣятельности и примѣръ «книголюбиваго» царя, все это соединилось тогда въ Болгаріи и поставило ее на высшую точку ея духовнаго развитія.

Симеонъ легко оправился отъ пораженія, нанесеннаго ему Мадьярами. Какъ въ духовной жизни, такъ и въ вещественной, Болгарія еще была свѣжа, еще кипѣла избыткомъ силъ. Куда направить Симеонъ эти силы? Вновь утвердиться на лѣвомъ берегу Дуная, разрушить владычество Арпада и Солтана уже нельзя, поздно; но необходимо дать какую нибудь прочную точку опоры Болгарскому государству, которое протянулось длинною полосою отъ Албаніи до Чернаго моря, имѣя границы со всѣхъ сторонъ открытыя, которое захватило три четверти Балканскаго полуострова, а нигдѣ не успѣло

определились ни когда также не нашло себя естественнаго средоточія. Теперь, когда уже переправа черезъ Дунай находилась въ рукахъ враговъ, только одна и могла быть точка опоры для этого государства, одна средина и защита—Босфоръ, Царградъ: и вотъ Симеонъ, который въ началъ своего царствования, мы видали, весьма неохотно воевалъ съ Греками и старался жить съ ними въ ладу, заботясь болѣе о Мадьярахъ, нежели о Константинополѣ, — вдругъ переноситъ свою дѣятельность отъ северныхъ предѣловъ къ южнымъ и, забывъ о Мадьярахъ, ведетъ все силы Болгаріи къ Босфору. Великою борьбою съ Греками за обладаніе Константинополемъ обозначается вторая половина Симеонова царствованія; въ ней является Болгарія въ мощь своего могущества, и въ то же время достигаетъ она полноты своего духовнаго развитія: вторая половина Симеонова царствованія есть золотой вѣкъ Болгаріи.

Греки сами опять какъ бы нарочно вызвали Симеона на бой. Когда онъ въ 912 г., по случаю кончины императора Льва, отправилъ къ его преемнику послы для утвержденія дружбы, то новый государь, безразсудный и развратный Александръ, отослалъ ихъ съ безчестіемъ и перугался надъ самимъ государемъ Болгарскимъ. Вскорѣ Александръ погибъ, престолъ перешелъ къ малолѣтнему Константину Багрянородному, власть къ правителямъ; конечно, никто въ Константинополѣ не желалъ войны,

и легко бы было возстановить прежнюю дружбу; но теперь Симеонъ уже ринулся на борьбу, да и время несовершеннolетія императора было для нея удобно. Безпрепятственно подошелъ онъ (въ авг. 913 г.) къ Константинополю, возвелъ оковы; но средствъ для настоящей осады у него не было, и онъ вступилъ въ переговоры. Греки съ радостью приняли предложеніе о мирѣ; патріархъ и первые сановники вышли къ Симеону за Влахернскія ворота съ воиномъ императоромъ; потомъ двое сыновей Симеоновыхъ посѣтили въ столицѣ державнаго отрока и приняли его угощеніе; все предвѣщало миръ, какъ вдругъ переговоры были прерваны, — не могли согласиться въ условіяхъ, и Симеонъ возвратился въ Болгарію готовить новый походъ. Въ 914 г. онъ опять вступилъ во Фракію; первымъ дѣломъ его было осадить Адрианополь, который онъ прежде, кажется, обошелъ; осада была долгая; наконецъ измѣна открыла городскія ворота (914 г. сентябрь). Но неизвѣстнo, по какой причинѣ Симеонъ, взявъ въ плѣнъ, возвратилъ Грекамъ Адрианополь: вероятно заключено было перемиріе, и оба стороны стали снаряжаться къ решительнымъ дѣйствіямъ. Велики были приготовленія и высокоуміе Симеона; съ своей стороны императрица — мать и правительница Зоя, на совѣтъ съ своими сановниками, положили собрать и противопоставить Болгарамъ всѣ силы имперіи. Послали въ Сардинію къ князю Бардаскому и въ Аорку

къ халифу Керванскому, полномочныхъ пословъ для переговоровъ, и заключили миръ, чтобы совершенно обезпечить себя со стороны Малой Азии и Средиземнаго моря; тогда перевезли Азійскіе легіоны въ Европу и раздачею денегъ усилили ихъ ревность; взяли и Армянскіе отряды; созвали изъ всѣхъ тѣхъ (областей) имперіи военачальниковъ съ ихъ полками; заблаговременно позаботились о приглашеніи Печенѣговъ къ набыгу на Болгарію, и Печенѣги дѣйствительно подошли уже къ устьямъ Дуная; въ довершеніе всего, обратились къ Сербскому государю Петру и старались составить между нимъ и Мадьярами союзъ противъ Болгаръ: здѣсь, какъ и съ Печенѣгами, были употреблены въ даръ богатые подарки. Мадьяры, правда, занятые другими войнами, остались въ сторонѣ; но Петръ дѣйствительно вошелъ въ связи съ Греками, какъ видно изъ того, что Симеонъ тогда же прервалъ многолѣтнюю съ нимъ дружбу, и рѣшился на войну съ Сербами. Два года слишкомъ прошло въ этихъ приготовленіяхъ. Наконецъ Греческія войска, Азіятскія и Европейскія, были въ сборѣ у столицы, на обширной равнинѣ. Духовенство вынесло впередъ полки древо Животворящаго креста, все, падая ницъ, помаялись умереть другъ за друга. Лѣтомъ 917 г. двинулись войска къ северу, по берегу Чернаго моря; флотъ, подъ начальствомъ Романа Ласанина, поддерживалъ сухопутныя силы и, безъ сомнѣнія, облегчалъ продовольствованіе; а часть во-

раблей отражена была впередъ, къ Дунаю; на встрѣчу Печенгами. Греки прошли, и конечно заняли Девельтъ (Бургасъ), Анхиль, Месемврию. На рѣкѣ Ахалосъ (Надрдеръ); близъ Месемврии, — гдѣ сходятъ къ морю крайніе отроги Балкановъ, — встрѣтили Грековъ Симеонъ, вѣроятно спустившихся съ своими войсками съ высотъ, окружающихъ нынѣшнюю Шумлу, гдѣ была ея столица Прѣслава. 20-го августа 917 дано было сраженіе. Симеонъ стоялъ на горѣ, распорядился битвою. Греки двинулись впередъ, Болгаре стали стройно отступать, видно съ цѣлю заманить непріятеля къ возвышенностямъ. Но вотъ Симеонъ замѣтилъ смѣтеніе въ непріятельскомъ войскѣ: у главнаго начальника Греческаго, Льва Фоми, вырвался конь, когда онъ слѣзъ у источника напиться; конь скачетъ, мчится по рядамъ безъ сѣдока, всѣ думаютъ, что вождь погибъ. Симеонъ останавливаетъ знакомъ отступающіе подки, Болгаре всѣмъ строемъ бросаются на Грековъ; непріятель потчасъ подается назадъ, разьѣвается, бежитъ, Болгаре преслѣдуютъ; Левъ Фома кое-какъ уходитъ въ Месемврию, прочіе полководцы потибаютъ, легіоны всѣ разнесены или побиты. Никогда еще, со времени Крума, не одерживали Болгаре такой побѣды. Она записана въ Византійскихъ летописяхъ какъ одно изъ величайшихъ событій, постигшихъ имперію: «Августа мѣсяца двадцатаго дня, индиктіона V-го, бывши бой между Болгарами и Римлянами на Ахалосѣ, и по немъ словъ дивныхъ судьбамъ. Вос-

вышняго, Римляне всѣмъ войскомъ (*пав-отрати*) обратили тылъ и побѣжали, и страшный поднялся вопль, — сами другъ друга давили, а непріятель нагонялъ и билъ, и произошло такое кровопролитіе, какаго не было отъ вѣка.»

На Дунаѣ также несчастливилось Болгарамъ: правда, Романъ Лакапинъ прибылъ съ своими кораблями на соединеніе съ Печенѣгами, но онъ съ ними не поладилъ, и Печенѣги, вѣроятно, зная о великой побѣдѣ Симеона, не заблагоразсудили тревожить Болгаръ: они возвратились въ свои степи, а флотъ отплылъ въ Константинополь.

Если Симеонъ прежде сомнѣвался еще въ достиженіи своей цѣли, то теперь, побѣдитель Ахелойскій, онъ могъ уже видѣть себя на престолѣ кесарей, видѣть имперію Болгарскую на мѣстѣ старой Византійской имперіи. Когда, какъ не послѣ Ахелойской битвы, былъ случай торжественно возвести о новой, высокой долѣ, которую принимала на себя Болгарія и ея государь? Не теперь ли должна была представиться государю Болгарскому мысль замѣнить свое простое Славянское наименованіе князя тѣмъ титуломъ, который въ понятіяхъ народа, Славянскаго и Греческаго, принадлежалъ преемникамъ Августа и Константина? Дѣйствительно, Симеонъ, какъ свидѣтельствуешь современникъ, *былъ провозглашенъ царемъ Болгаръ* (*basileus Boulgarov*): дотолѣ ни одинъ Болгарскій, ни одинъ Славянскій государь не носилъ этого титула, который, соотвѣтствуя Римскому *imperator*, придавался еще лишь императору Константинополь-

скому, да корованному въ Римѣ главѣ Западной имперіи ¹⁾. Такимъ образомъ, въ названіи царя, которое сталъ носить Симеонъ, заключалось уже притязаніе на преемство кесарей: къ титулу *царя* Болгарскаго необходимо присоединялся титулъ, принадлежавшій Восточнымъ Императорамъ, и Симеонъ не усомнился принять гордое наименованіе *самодержца Римлянъ* (*αὐτοκράτωρ Ῥωμαίων*).—Но чтобы узаконить и освятить императорскій титулъ, нужно было архипастьрское благословеніе и вѣнчаніе, а какъ въ то время императорское достоинство сопряжено было съ двумя столицами Римскаго міра, Римомъ, и Константинополемъ, то совершать этотъ обрядъ могли только папа и патріархъ Константинопольскій. И вотъ Симеонъ возобновляетъ давно прерванныя сношенія съ папою; было, конечно, странно и неправильно, что онъ, домогаясь престола Константинопольскаго, искалъ духовнаго утвержденія своему царскому достоинству не отъ Константинопольскаго патріарха, а отъ Римскаго первосвященника: но патріархъ былъ вѣрный подданный своего государя, а папа, напротивъ, долженъ былъ съ радостью внять желанію Симеона, которое согласовалось съ его собственными видами на вселенское господство, и Симеонъ вѣрно не преминулъ

¹⁾ Западныхъ королей, и вообще первостепенныхъ чужихъ государей называли Византіяцы Латинскимъ словомъ *βῆξ*, *βήγες*, Славянскихъ князей — *ἀρχων* и т. п. Титуломъ *βασιλεύς* они такъ дорожили для своего императора, что даже избгали давать его императору Западному.

дѣлать этимъ видамъ. Онъ достигъ своей цѣли: папа прислалъ новому царю Болгарскому императорскій вѣнецъ и свое «патріаршее» благословеніе, (*coronam imperii et patriarchalem benedictionem*). Дворъ свой Симеонъ устроилъ великолѣпно, и, — что въ особенности обличаетъ его мысль заступитъ мѣсто Греческихъ императоровъ, — онъ ввелъ у себя, при нѣкоторыхъ придворныхъ обрядахъ, Греческій языкъ: Византійскій лѣтописецъ именно говоритъ, что отборныя воины Симеоновы съ позолоченными и посеребренными доспѣхами (безъ сомнѣнія, его почетная стража) приветствовали его какъ императора, на Греческомъ языкѣ (*ὡς βασιλεὺς εὐφρόνως τῆς Ῥωμαίων φάβῃ*).

Такъ проявлялъ Симеонъ свое намереніе создать молодыми силами Болгаріи новую восточную имперію и воздвигнуть свой престолъ въ прекраснѣйшей столицѣ міра. — Сами лѣтописцы Византійскіе, которые всегда какъ бы нарочно избѣгаютъ говорить о политическихъ предначертаніяхъ и видахъ своихъ, а тѣмъ болѣе чужихъ, государей, — и тѣ не рѣшились скрыть, къ какой цѣли стремился Симеонъ: «возгордяся духомъ послучаю многихъ одержанныхъ надъ Римлянами (т. е. Греками) побѣдъ, говорить Кедричъ, Симеонъ мысленно держалъ уже въ своей власти Римскую имперію.»

Можетъ быть, великость этой цѣли имѣла вліяніе на его образъ дѣйствій, но нельзя не замѣтить въ послѣднихъ предпріятіяхъ Симеона противъ Византіи большую разницу

съ его прежними доходами. Видна теперь въ каждомъ его шагѣ необыкновенная осторожность и медлительность: рѣшившись воевать съ тѣмъ, чтобы овладѣть имперією, а не только попользоваться ея богатствами или добиться какой нибудь уступки, онъ какъ будто бы предложилъ себѣ дѣйствовать только съ расчетомъ на вѣрный успѣхъ и ждать, пока соберетъ всѣ свои силы, оградивъ себя со всѣхъ сторонъ. Въ томъ-то и была его ошибка.

Когда, можетъ быть, следовало со всѣми войсками идти прямо на Цареградъ по стопамъ разбитыхъ при Ахелюхъ легионовъ, онъ занялся новыми приготовленіями и замыслами, а къ Цареграду послалъ только небольшіе отряды. Этими отрядами онъ хотѣлъ, вѣроятно, держать въ тревогѣ Греческое правительство; и дѣйствительно, Болгарскіе отряды, не встрѣчая нигдѣ отпора, проникли въ окрестности столицы и принялись тамъ грабить. Греческій военачальникъ, Левъ Фока, собралъ было опять кое-какое войско и пошелъ на Болгаръ; но Болгаре напали на него ночью врасплохъ (у Катасуртъ), Левъ опять бѣжалъ, войско разсѣлось, и вся страна до стѣнъ Константинополя осталась въ рукахъ Болгаръ (917—920).

Почему, при такомъ безоружномъ положеніи Восточной имперіи, вмѣсто того чтобы сперва покончить съ Цареградомъ, Симеонъ вдругъ задумалъ распространить свою власть на Сербію. Предвидѣлъ ли онъ дѣйствительно какую нибудь опасность отъ воз-

важнаго союза Сербовъ съ Мадырами и Греками? Или онъ надаялся ловкимъ дипломатическимъ подчинить Сербію своему господству, и тогда съ большою еще силою нагрянуть на Византію? Последнее весьма вѣроятно, и слабость Сербскихъ правителей могла навести его на эту мысль.

Въ Сербіи давно уже начались смуты. Сынъ Властимира, Мунтимиръ, современникъ Бориса, отнялъ удѣлы у своихъ братьевъ: когда Мунтимиръ умеръ, то его сыновей, въ свою очередь, выгналъ его племянникъ Петръ (ок. 892 г.). Послѣ нѣсколькихъ враждебныхъ покушеній, онъ утвердился въ Сербіи и спокойно правилъ ею двадцать лѣтъ, въ мирѣ съ могущественнымъ соседомъ: Симеономъ. Но въ послѣдней войнѣ Грековъ съ Болгарами, онъ, какъ мы видѣли, былъ на сторонѣ Грековъ. Подъ этимъ предлогомъ Симеонъ и послалъ, послѣ битвы при Ахелосѣ, войско въ Сербію: Болгарскіе вожди должны были, вмѣсто Петра, поставить Сербскимъ государемъ Павла, Мунтимирова внука, содержавшагося въ Болгаріи; Павелъ этотъ былъ славянинъ, — есаулъ его Петръ, — и конечно Симеонъ думалъ править Сербіею подъ его именемъ. Воеводы Симеоновы поступили коварно; они сдѣлались съ Петромъ, начали переговоры, поклялись ему, что за не помышляютъ, покупились съ нимъ, и тутъ-то, когда онъ имъ доверился, схватили его, и отправили плѣннымъ конемъ въ Болгарію. Посадили Павла на Сербскій престолъ, и Павелъ сталъ служить Си-

меону съ такимъ усердіемъ, что Византійскій дворъ почелъ необходимымъ постараться объ его низверженіи и снарядилъ въ Сербію его двоюроднаго брата Захарію; но Захарія попался въ плѣнь своему совмѣстнику и былъ отосланъ въ Болгарію (917—921).

Наконецъ, въ 923 году, Симеонъ рѣшился идти на Цареградъ. Раннею весною послалъ онъ впередъ сильный отрядъ подъ начальствомъ средника своего Хагана (это вѣрно титулъ, а не имя) и Миника: на пятой недѣлѣ поста они были у Константинополя. Самъ Симеонъ съ тяжелою своею ратью долженъ былъ двинуться позднее. Но онъ предвидѣлъ, какъ трудно будетъ, съ одними сухопутными силами, взять Константинополь: необходима была помощь съ моря, и Симеонъ объ этомъ позаботился, прибѣгнувъ къ средству, правда, не совсѣмъ чистому. Онъ отправилъ посольства къ Фатлуму, Арабскому халифу сѣверной Африки, и предложилъ ему союзъ: Арабскій флотъ (въ то время халифатъ Керванскій былъ силенъ на морѣ и непрерывно воевалъ съ Греками за Сицилію и южную Италію) Арабскій флотъ долженъ былъ подплыть къ Константинополю, а Симеонъ обязывался къ тому же времени обложить его съ сухаго пути великими силами: дѣйствуя совокупно, они взяли бы городъ и раздѣлили бы добычу поровну между Арабами и Болгарами; Константинополь долженъ былъ остаться за Болгаріею; какія области предназначались халифу; не сказано у авторисца: можетъ быть, Морея; Болгарскіе

послы благополучно прибыли къ Фатлуму въ Африку; халифъ охотно согласился на предложенія Симеона, и отправилъ къ нему, съ возвращавшимися послами его, нѣкоторыхъ изъ своихъ вельможъ. Но это именно и послужило къ тому, что дѣло разстроилось: Калабрійцы, всегдашніе враги Африканскихъ Арабовъ, перехватили халифовыхъ пословъ вмѣстѣ съ Болгарскими и отослали ихъ въ Константинополь. Великъ былъ испугъ императора Романа при вѣсти объ этихъ переговорахъ: Болгаръ онъ засадилъ подъ стражу, а Сарацынскихъ вельможъ осыпавъ золотомъ, тотчасъ отправилъ назадъ въ Африку и богатствомъ даровъ перемѣнилъ расположение халифа.

Между тѣмъ передовое войско Болгарское уже стояло подъ Цареградомъ. Императоръ хотѣлъ защитить загородные дворцы у «Источниковъ» (*αι Πηγαί*) и верхнюю часть гавани (*το Στενόν*, теперь Золотой Рогъ): собрали полки, ввели въ гавань Греческій флотъ, высадили на берегъ морское войско; Греки стояли на равнинѣ «Источниковъ», Болгаре строились на окружающихъ холмахъ, и вдругъ устремились съ страшнымъ гикомъ на непріятеля, тотчасъ сломили Грековъ и погнали къ берегу; бѣгущіе избивались Болгарами или, бросаясь въ отчаяныя къ судамъ, тонули въ морѣ. Болгаре забрали имущество плавильныхъ, безпренятственно разорвали загородные дворцы и выжгли Золотой Рогъ, они утвердились и хозяйничали въ окрестностяхъ Константинополя. Въ июнѣ

вышелъ было противъ нихъ новый отрядъ, но также погибъ.

Наконецъ подошелъ и Симеонъ. Онъ сперва обложилъ Адрианополь, и сталъ морить его голодомъ, Адрианополь сдался и занятъ былъ Болгарскими войсками. Потомъ Симеонъ «фазоряетъ Фракию и Македонію, выжигаетъ жилища, вырубаетъ деревья» (слова дѣтописца). Въ сентябрь прибылъ онъ къ столицѣ, сталъ у Влахернскихъ воротъ²⁾ и началъ осаду. Но черезъ нѣсколько времени онъ опять рѣшается отложить приступъ: не получилъ ли онъ тогда извѣстія о неуспѣхѣ сношеній съ Арабами? или, можетъ быть, его отзывали Сербскія дѣла, вдругъ, принявшія дурной оборотъ? Какъ бы то ни было, онъ посылаетъ сказать, чтобы къ нему пришелъ патріархъ съ сановниками для переговоровъ. Они являются. Потомъ Симеонъ хочетъ имѣть свиданіе съ самимъ императоромъ, «Романъ»³⁾ возрадовался, желая мира отъ всего сердца; на берегу у Космидія (такъ называется это мѣсто дѣтописецъ, расказъ котораго мы теперь въписываемъ, вѣроятно у Влахернъ, въ гавани) велѣли

²⁾ Теперь Балагъ-капуоси, въ сѣверо-восточномъ углу города.

³⁾ Романъ Лакапинъ, прежній начальникъ морскихъ силъ имперіи, въ 919 г. воцарился въ Константинополѣ подлѣ Константина Багрянороднаго, который еще, по молодости, не принималъ участія въ дѣлахъ.

⁴⁾ До нашего 10 в. утра.

онъ выстроить въ морѣ крепкую площадку для этого свиданія; между тѣмъ Симеонъ послалъ съечь храмъ Пресв. Богородицы у «Источниковъ», какъ бы въ знакъ, что онъ не помышляетъ о мирѣ. Императоръ отправился съ патриархомъ Николаемъ къ святынь Влахернской и колѣнопреклоненный, орошая слезами священный полъ, молилъ Пречистую Богоматерь, да смягчитъ она неумолимое и непреклонное сердце высокоумнаго Симеона и направитъ его на миръ..... И оградившись върою, какъ твердою броней, вышелъ онъ изъ храма. За симъ онъ явился, окруженный оруженосцами, на мѣсто свиданія. На пятый день послѣ этого, 9-го ноября, въ четвертомъ часу дня ⁴⁾ прибылъ Симеонъ въ сопровожденіи огромнаго воинства. Иные имѣли щиты и копья золотые, серебряные, мѣдные, всѣ закованы были въ желѣзные брони. Когда Симеонъ вступилъ въ средину своихъ воиновъ, они привѣтствовали его на Римскомъ языкѣ какъ императора. Сенатъ и синклитъ смотрѣли съ городской стѣны на происходившее. И дивную показалъ императоръ Романъ твердость духа, не ужаснулся предъ множествомъ враговъ, не обратился вспять, но пошелъ къ нимъ безстрашно, какъ въ среду друзей. Ставши первый на площадку, онъ ожидалъ Симеона. Размѣнялись заложниками, Болгаре тщательно осмотрѣли площадку, чтобы не было засады или обмана, и тогда Симеонъ соскочилъ съ коня, взошелъ на площадку, приблизился къ императору. Послѣ взаим-

ныхъ привѣтствій заговорили о мирѣ, императоръ сказалъ Симеону: «Я слышалъ, что ты человекъ богобоязливый и истинный христіанинъ: покажи это на дѣлѣ, прекрати убійства и кровопролитіе, утверди миръ съ нами христіанами, не дай одагряться рукамъ христіанскимъ кровію единовѣрныхъ..... Ты человекъ, и тебя ждетъ смерть и воскресеніе и судъ. Днесъ живешь, завтра будешь прахъ. Чѣмъ оправдаешься передъ нелицепріятнымъ Судіею въ убійствѣ невинныхъ?... Желаешь ли богатствъ? Я обогащу тебя: только воздержи руку отъ меча, полюби миръ и согласіе, дабы и твоя жизнь успокоилась, и христіане отдохнули отъ бѣдствій.....» Такъ говорилъ императоръ. Пристыженный его смиреніемъ и тронутый его словами, Симеонъ согласился на заключеніе мира. Они разстались, и императоръ великокопѣно одарилъ Симеона. Случилось же при этомъ свиданіи нѣчто чудесное: когда государи говорили другъ съ другомъ, надъ ихъ головами слетѣлись два орла, и тотчасъ разлетѣлись, одинъ по направленію къ столицѣ, другой къ Фракіи....»

То былъ великій день для Симеона, можетъ быть величайшій день въ Болгарской исторіи. Государь Болгарскій держитъ у ногъ своихъ наследника кесарей, предписываетъ ему условія мира подъ стѣнами Цареграда. Какъ ни скрываютъ Византійскіе писатели подъ пышными фразами это униженіе, какъ ни скрываютъ они условій, которыми «Римляне» купили миръ, но все же въ витиева-

томъ и хитромъ расказъ ихъ проглядываютъ неопровержимые признаки истиннаго подожженія дѣлъ: Симеонъ едва вымолвилъ слово о мирѣ, тотчасъ являются къ нему патріархъ и высшіе сановники Византійскіе; Симеонъ пожелалъ свиданія съ императоромъ, императоръ не скрываетъ своей радости, спѣшитъ воспользоваться предложеніемъ; когда готовятся уже къ свиданію, Симеонъ выжигаетъ подъ Константинополемъ церкви, посылаетъ своихъ Болгаръ на грабежъ, — императоръ не смотритъ на это. А какое впечатлѣніе долженъ былъ произвести на современниковъ этотъ молебень Римскаго императора, «да смягчитъ Пресв. Богородица неумолимое сердце государя Болгарскаго!» Какимъ должно было показаться самое свиданіе, гдѣ Симеонъ заставляетъ ждать императора (мы знаемъ уваженіе Византійцевъ къ этикету), гдѣ императоръ стоитъ на мѣстѣ свиданія, а Симеонъ велитъ еще осмотрѣть, все ли честнымъ образомъ устроено, гдѣ предъ лицомъ сената и синклита Царградскаго и самого императора раздуются въ честь князя Болгарскаго привѣтствія, принадлежащія кесарю, — гдѣ огромная, блестящая рать Симеонова затмѣваетъ тѣлохранителей императора, и кажется, какъ будто императоръ, идя на свиданіе, отдается въ руки враговъ, гдѣ онъ въ рѣчи, чуть не умоляющей, трогаетъ и «присыпываетъ» Симеона своимъ «смиреніемъ»!

Но какъ все это ни было лестно для самолюбія Симеона и Болгаръ, дѣло осталось

· неисполненнымъ: Цареградъ не былъ взятъ, Болгарія стояла по прежнему, безъ естественной опоры и средоточія, между варварами сѣверныхъ степей и Византіею. Конечно, Симеонъ могъ надѣяться, окончивши такъ не кстати затѣянное имъ подчиненіе Сербіи, явиться съ новыми силами подъ Цареградъ; но не было суждено Болгарамъ владѣть берегами Босфора.

Мы рассказали уже, какъ Симеонъ доставилъ Сербское княженіе слѣпому Павлу (917) и какъ Павелъ въ началѣ служилъ Болгарамъ и выдалъ имъ своего родственника Захарію (ок. 920). Черезъ нѣсколько времени однако Симеонъ сталъ замѣчать, что Павелъ не хочетъ быть только Болгарскимъ намѣстникомъ въ Сербіи; разгнѣвавшись, онъ выпустилъ того самаго Захарію, который прежде служилъ орудіемъ его врагамъ, взявъ съ него, конечно, обѣщаніе покорности. Захарія свергнулъ Павла съ престола, но лишь только увидѣлъ себя во главѣ Сербскаго народа, забылъ о повиновеніи Болгарамъ; и отдался подъ покровительство Грековъ. Симеонъ поручилъ своимъ воеводамъ наказать Захарію, и увѣренный, видно, въ успѣхъ, пошелъ между тѣмъ осаждать Константинополь (923). Болгарскій отрядъ, вступившій въ Сербію, былъ однако разбитъ и уничтоженъ: Захарія послалъ въ Константинополь головы и оружіе Болгарскихъ вождей.

Симеонъ возвратился въ Болгарію. Тотчасъ послалъ онъ войско въ Сербію съ но-

вымъ искателемъ престола; Чеславомъ, однимъ изъ внуковъ Властимира, ⁵⁾ рожденнымъ и воспитаннымъ въ Болгаріи. Но Симеонъ не назначалъ Сербамъ Чеслава, а готовилъ имъ жестокую месть. При извѣстіи о приближеніи Болгаръ (войско, видно, было сильное), Захарія бѣжалъ къ Хорватамъ. Болгаре, на границѣ Сербіи, объявили жупанамъ ⁶⁾ Сербской земли, чтобы они пришли принять изъ рукъ ихъ новаго своего государя Чеслава; дали клятву, что не сдѣлаютъ имъ зла. Жупаны собрались, Болгаре схватили ихъ и сковали, «и вступили они въ Сербію, говоритъ Константинъ Багрянородный, и стали забирать народъ Сербскій, отъ мала до велика, и отводить въ Болгарію; иные спасались отъ нихъ бѣгствомъ и уходили къ Хорватамъ: и осталась Сербская земля опустылою.» Эти дѣла вовлекли Симеона въ войну съ Хорватами. Овладевъ Сербіею, онъ вѣроятно хотѣлъ положить конецъ сопротивленію Сербскаго народа завоеваніемъ Хорватовъ и такимъ образомъ под-

⁵⁾ Этотъ Чеславъ Клониміровичъ приходился такимъ образомъ двоюроднымъ дядею Павлу и Захаріи.

⁶⁾ Мы уже говорили о древней власти *жупановъ* у Сербовъ и Хорватовъ: *жупаны* были начальники волостей или *жупъ*, на которыя дѣлились эти народы съ первыхъ временъ своей исторіи; государь у нихъ былъ только главою союза такихъ *жупъ* и носилъ титулъ *великаго жупана* (см. Письмо II).

чинить себѣ весь югозападный край Славянскій до Адриатики. Болгарскій воевода Алого-ботуръ ⁷⁾ вступилъ въ Хорватскую землю. Но Хорваты разбили его на голову въ своихъ горахъ и совершенно истребили его многочисленный отрядъ.

Какая разница между этими бездушными коварными предпріятіями, противъ Сербовъ и Хорватовъ, которыя внушило Симеону слѣпое властолюбіе, и между борьбою за обладаніе Цареградомъ, борьбою, также не свободною отъ обычной въ тѣ времена жестокости, но имѣвшею цѣлью истинное возвеличеніе Болгаріи! Черезъ девять столѣтій мы можемъ сочувствовать Симеону, стремящемуся къ Босфору, и между тѣмъ готовы радоваться, что Хорваты такъ удачно отразили Болгарское нашествіе.

Счастіе измѣнило Болгарамъ. — 27-го мая 927 года, Симеонъ умеръ.

Онъ правилъ Болгарією тридцать девять

---

7) *Алоуоботур* Большая часть именъ Симеоновыхъ вождей, *Хаганъ* (иначе *Кавканъ*, *Мармай*, *Калутерканъ* (т. е. калу-тарханъ), *Сигриць* или *Сигричь*, *Книль*, *Имникъ* или *Миникъ*. *Нтзвкля*, *Сурсубуль* (*Сурсувуль*) носятъ еще характеръ чуждый Славянскимъ звукамъ: въ трехъ первыхъ явно восточное происхожденіе; 10 въ особенности отличается Татарскимъ складомъ это имя *Алогоботуръ*, гдѣ послѣдняя половина, *ботуръ*, есть очевидно почетная приставка *батыръ*, столь обыкновенная въ именахъ Татарскихъ:

лвть. Съ его именемъ соединилась самая блестящая пора въ Болгарской исторіи. Онъ великъ своимъ благороднымъ стремленіемъ къ просвѣщенію Славянскаго народа: мысль Кирилла и Меодія не находила ревностнѣйшаго исполнителя. Плодами его заботъ пользовался въ теченіе вѣковъ, молдауется отчасти и донинѣ, ^{а)} весь православный міръ Славянской. Симеонъ проявилъ всѣ силы, все могущество Болгарскаго государства; но въ борьбѣ съ Мадырами онъ потерялъ пріобрѣтенія Крума на сѣверной сторонѣ Дуная; въ борьбѣ съ Греками онъ бросилъ далеко недоконченныя, не доставилъ Болгарской имперіи на мѣсто Византійской; въ борьбѣ съ Сербами и Хорватами онъ пролилъ безъ нужды много крови, и воздвигъ между Сербами и Болгарами преграду народной ненависти.

---

^{а)} Конечно, во многихъ изъ книгъ, которыми пользуется теперь православная церковь въ Россіи, Болгаріи и Сербіи, при всѣхъ перемѣнахъ въ правописаніи и языкѣ, и при всѣхъ исправленіяхъ по подлиннымъ текстамъ, остался въ основаніи переводъ сдѣланный при Симеонѣ.

П и с ь м о VII.

Упадокъ Болгаріи. Царствованіе Петра Симеоновича (927 — 968.)

«Когда умеръ неукротимый Симеонъ, виновникъ многого у христіанъ кровопролитія, то власть надъ Болгарами принялъ Петръ, его сынъ, но не наследникъ его славы и свойствъ; его кровожадности и свирпства; а напротивъ чуждый всего этого.» — Такъ говорятъ одно Византійское сказаніе, и верно опредѣляетъ характеръ сорокалѣтняго царствованія Симеонова преемника. Какъ самъ государь, Петръ, «чуждъ былъ славы и свойствъ своего отца», такъ и Болгарія при немъ сдѣлалась не похожа на прежнюю Болгарію. Какъ скоро Симеона не стало, Болгарія останавливается на пути, по которому шла неуклонно столько лѣтъ: время возвышенія и развитія для нея кончилось, наступило время упадка; покинуты всѣ старья, завѣтныя ея стремленія, мысль о завоеваніи Византіи, мысль о самобытномъ, христіанскомъ и Славянскомъ просвѣщеніи: Болгарія стала безсильна передъ врагомъ, мертвенна внутри. — Могло ли это быть единственно дѣломъ личностей и вѣдшихъ причинъ? происходило ли величіе Болгаріи отъ могучей воли Симеона, а паденіе отъ слабости его преемника, и отъ вѣдшихъ обето-

жестельствъ ихъ царствованій? зависимо ли и то и другое, напротивъ, отъ внутренняго хода Болгарской жизни? Это тотъ неизбежный вопросъ, который вездѣ останавливаетъ насъ въ исторіи. Было, безспорно, и дѣйствіе личностей, — дѣйствіе вѣсть и свободное, и вынуждаемое обстоятельствами, — но конечно, такаясь подъ дѣйствіемъ личностей, совершалъ роковое свое дѣйствіе начала народной жизни: совокупности этой исторіи не въ силахъ выразить, потому что всякое живое совоплощеніе внутренняго съ внѣшнимъ есть тайна для науки. — Очевидно, въ этомъ огромномъ государствѣ Болгарскомъ, который Симеонъ такъ славно правилъ, мало было жизненной силы и крѣпости, когда трудовое, просвѣщенное царствованіе его не могло приготовить въ немъ основаній для долговременнаго могущества и процвѣтанія, а напротивъ, оставило его истощеннымъ и разслабленнымъ: ибо великія предпріятія, великіе духовные труды возбуждаютъ и укрѣпляютъ народъ свѣжей и живой, а истощаютъ они лишь то государство, тотъ народъ, для котораго пора развитія кончилась и въ которомъ они являются уже какъ бы послѣднее вспышкою жизненной дѣятельности. — Но оставимъ пока эти вопросы: они увлекутъ насъ слишкомъ далеко, а намъ предстоитъ еще ознакомиться съ судьбою Болгаріи въ правленіе Петра Симеоновича.

Мы говорили, что Венгры, водворившись на Дунаѣ, отрезали Болгарію отъ роднаго

Славянского міра и своимъ давленіемъ, такъ сказать, приперли ее къ Византіи, — и вотъ уже при Петръ оказываются для Болгаріи горькія послѣдствія ея положенія. Симеонъ, мы видѣли, напрягалъ всѣ силы свои, чтобы завоеваніемъ Византіи дать Болгаріи и точку опоры и просторъ; онъ не достигъ своей цѣли, и сдѣлалъ притомъ страшную, пагубную ошибку въ отношеніи къ Хорватамъ и Сербамъ. Не имѣя въ то время большого политическаго значенія, они были для Болгаріи безконечно важны, какъ единственныя оставшіяся при ней, не оторванныя отъ нея Венграми, Славянскіе братья; она должна бы была дорожить ими, они своимъ участіемъ стали бы поддерживать, оживлять въ народъ Болгарскомъ его прекрасный порывъ къ Славянскому просвѣщенію: а вмѣсто того, чтобы искать ихъ довѣрія и дружбы, Симеонъ смертельно оскорбилъ ихъ и надолго отвратилъ отъ Болгаръ. Даже если бы Болгарія и сохранила всю полноту своихъ жизненныхъ силъ, могла ли она при смерти своего великаго влстителя, отчужденная отъ Сербовъ и Хорватовъ; угрожаемая Венграми, не успѣвшая въ завоеваніи Византіи, и усталая отъ непрерывныхъ войнъ, — не захотѣтъ сблизиться съ прежнею своею соперницей, съ этою Византіею, отъ которой, казалось, нечего было опасаться могущественнымъ Болгарамъ и которая влекла ихъ къ себѣ и единствомъ въры и прелестями утонченной жизни? И могли ль Болгаре найти въ себѣ столько твердости,

чтобы среди Византийскихъ вліяній сохра-
нить свою духовную самобытность, чтобы
передъ приманкою предлагавшейся имъ бо-
гатой и уже готовой образованности, усто-
ять въ мысли, еще такъ новой и незрѣлой,
о своемъ Славянскомъ просвѣщеніи? Не мог-
ло ли показаться имъ легче пользоваться чу-
жимъ добромъ, нежели выработать свое?

Несчастное обстоятельство было то, что
Симеонъ завѣщалъ передъ смертію (и ис-
ключно, подѣ чьимъ-нибудь вліяніемъ) пре-
столь свой младшему сыну Петру, рожден-
ному во второмъ бракѣ, съ сестрою боярина
Георгія Сурсубула (или Сусурбула), завѣ-
щалъ мимо старшаго сына, отъ перваго брака,
Михаила¹⁾. Михаила этого Симеонъ велѣлъ
постричь въ монахи, и назначилъ своего шу-
рина Сурсубула опекуномъ молодому Петру
и правителемъ Болгарскаго царства. Невоз-
можно, чтобы заточенный Михаилъ не на-
шелъ приверженцевъ, чтобы завистники
счастливаго боярина-правителя не были так-
же озлоблены противъ его питомца и не
старались подрывать власти юнаго царя.
Петръ имѣлъ слабость соединить свои инте-
ресы съ видами Сурсубула, и такимъ обра-

¹⁾ Симеонъ имѣлъ еще двоихъ сыновей, моложе
Петра, именно Іоанна и Баяна, иначе Веніа-
мина. О послѣднемъ мы читаемъ любопытное
извѣстіе у Итальянца Лигипранда: «Баянъ, го-
воритъ онъ, такъ изучилъ искусство волшеб-
ства, что могъ въ одно мгновеніе изъ человѣка
обращаться въ волка и въ любого звѣря.»

зомъ, вмѣсто того, чтобы быть безпристрастнымъ главою и вождемъ Болгарскаго народа, сдѣлался какъ бы представителемъ одной партіи.

При вѣсти о кончинѣ Симеона, говорятъ летописецъ, все окрестныя народы готовы были возстать на Болгарь: съ сѣвера угрожали Мадьяры, съ юга Греки, съ запада Хорваты; разогнанные, придавленные Симеономъ, Сербы волновались и были, конечно, не менѣе опасны. Кроме того Болгарію постигло тогда великое бѣдствіе, саранча и страшный голодъ. Враждебныя поступки Грековъ заставили Болгарь сдѣлать нападеніе на Македонію (927); но для шаткаго правительства Сурсубула нужна была вѣрная опора; и вотъ, водстрекаемый своими расчетами къ принятію мѣры, и такъ уже неизбежной при тогдашнемъ положеніи Болгаріи, онъ вдругъ преобразуетъ Болгарскую политику, и замѣняетъ въковое соперничество съ Византіею самою тѣсною дружбою. Пока императоръ Романъ готовится къ походу противъ Болгарь, Сурсубуль съ Петромъ посылаютъ тайно въ Константинополь монаха Калокира, родомъ изъ Армянъ, съ грамотою и порученіемъ сказать, что государь Болгарскій желалъ бы съ Греческимъ миромъ и дружбы, и не только мира и дружбы, но и тѣснѣйшей связи, узъ родства. Тотчасъ отправившись на корабль-скороходъ два довѣренныхъ лица отъ Романа въ Месемврию, Болгарскую гавань; скоро исполнили они свои порученія, и возвратились въ Констан-

Константинополь сухим путем, а за ними въ слѣдъ ѣхало уже торжественное посольство: посломъ былъ самъ правитель Болгаріи Сурсубуль, сопровождаемый Симеономъ, родственникомъ Болгарскаго царя и шестью изъ знатнѣйшихъ бояръ. Они увидали внуку императора Романа (дочь его сына и соправителя Христофора) Марію, и были восхищены ея красотою. Постановили условія мира и тотчасъ написали въ Болгарію къ Петру, чтобы онъ ѣхалъ въ Константинополь. — За Влахернскими воротами встрѣтилъ его императоръ Романъ, привѣтствовалъ и обнялъ. Оба государя подписали мирный договоръ и брачное условіе. 8-го октября (927 г.) невѣста, въ сопровожденіи патріарха Стефана, брачнаго устроителя Теофана протовестіарія ²⁾ и всего синклита, выѣхала въ загородную церковь Пресвятой Богородицы у «Источниковъ»; тутъ патріархъ благословилъ Петра и Марію, и возложилъ на главы ихъ брачныя вѣнцы: вѣнцы держали надъ женихомъ и невѣстою Сурсубуль и Теофанъ. Брачный обрядъ и пиршества были великолѣпныя. Черезъ нѣсколько дней Марія съ супругомъ поѣхала въ Болгарію, «горюя, говорить летописецъ, что отрывалась отъ родителей и отчества, и вмѣстѣ радуясь быть владицицею Болгарь, увезла же она съ собою въ Болгарію великія богатства и безчисленное множество вещей всякаго рода».

Въ первый разъ Греческая политика из-

²⁾ Протовестіарій — въ родѣ министра двора.

мѣняла коренному, вѣковому своему правилу: не выдавать дочерей царскаго рода за «варварскихъ», «Скиѣскихъ» государей, и бракъ Маріи съ Петромъ произвелъ въ Византіи, какъ видно изъ современныхъ памятниковъ, огромное впечатлѣніе; для Болгаріи же это было роковое событіе, залогъ господства Византіи при дворѣ царя Петра.

Правда, Петръ, подобно своему отцу, принялъ отъ Римскаго папы царскій (т. е. императорскій) вѣнецъ и благословеніе на царство; но это было еще до брака съ Марією. Папскій посоль епископъ Магальбертъ, посланный къ Хорватамъ на Сплѣтскій соборъ, до окончанія этого собора (925 или 926), еще при жизни Симеона, посѣтилъ Болгарію, кажется, съ цѣлію устранить несогласія между Симеономъ и Хорватами: онъ и былъ, какъ видно, въ Болгаріи при воцареніи Петра, и естественно, что Петръ, вступивъ на престолъ мимо старшаго брата и находясь еще въ разрывѣ съ Константинополемъ, искалъ у него освященія своему сану. Но нѣтъ нисколько указанія, чтобы онъ потомъ сносился съ Римомъ.

Пользуясь необыкновенно ловко шаткостью Болгарскаго правительства, чтобы овладѣть имъ и сковать его волю, Византійскій дворъ при этомъ дѣлалъ ему, — частью по необходимости, ибо при смерти Симеона Болгарія была еще для Византіи страшилищемъ, частью, кажется, по особенному расчету, — равныя уступки, которыя, льстя народному

самолюбію Болгарь, должны были скрывать отъ нихъ истинное ихъ положеніе и позволяли имъ думать, что они господа надъ Греками, тогда какъ они были ихъ слугами. Впервыхъ, договоръ, заключенный Сурсубуломъ и подписанный Петромъ, былъ весьма выгоденъ для Болгаріи въ отношеніи къ границамъ. Симеонъ, какъ мы видѣли, завоевалъ было Адрианополь и всю Фракію до стѣнъ Константинополя; при мирѣ или скорѣе перемиріи съ императоромъ Романомъ, онъ, кажется, возвратилъ Грекамъ Адрианополь и южные края Фракіи, но едва ли отдалъ северную часть ея, земли отъ прежней Болгарской границы до Родопскихъ горъ (Деспото-дагъ) и по верхнему теченію Марицы, — и эти-то края остались за Болгаріею въ Сурсубуловомъ договорѣ: Византійскіе летописцы, разумѣется, не говорятъ о томъ, но изъ разныхъ достовѣрныхъ извѣстій видно, что при Петрѣ Симеоновичѣ южная граница Болгаріи шла по р. Струмѣ (древнему Стриму) и по горамъ Родопскимъ, и что Филиппополь былъ Болгарскимъ городомъ.

Кромѣ того императоръ обязался платить Болгарамъ дань; правда, такое обязательство было, можно сказать, въ привычкахъ Византійскаго двора, и уже неоднократно государи Болгарскіе брали съ него дань, такъ что это условіе не имѣло особенной важности: темъ не менѣе могло ли не быть лестно для Болгарь, когда, въ положенный срокъ, посолье ихъ ѣхало къ императору въ Констан-

тинополь и возвращался изъ гордой столицы въ Болгарію съ золотомъ?

Но самый важный смыслъ имѣли другія уступки Грековъ, по видимому ничтожныя, касавшіяся только этикета; въ нихъ-то именно скрывалась полная побѣда увертливой политики Византійской надъ всеми старыми стремленіями и преданіями Болгаріи. Византія признала за Болгарскимъ государемъ титулъ царя, т. е. императора, *βασιλεύς*. Для Петра такое признаніе могло быть чрезвычайно лестно: ни одинъ иностранный вѣнцесосецъ, даже самъ западный императоръ, не удостоивался царскаго титула отъ гордыхъ наследниковъ Константина. Но что это признаніе значило? то, что Болгарія отказывалась отъ тѣхъ видовъ и надеждъ, съ которыми Симеонъ принялъ царскій титулъ. Провозглашая себя царемъ, Симеонъ считалъ себя уже не просто Болгарскимъ государемъ, а преемникомъ Римскихъ кесарей: онъ не нарушалъ, онъ обращалъ въ свою пользу заветное преданіе Византійскаго двора, что одинъ только на землѣ законный царь, императоръ — преемникъ престола Царградскаго; Симеонъ самъ хотѣлъ быть этимъ единственнымъ царемъ: онъ называлъ себя не царемъ Болгарь только, а царемъ-самодержцемъ Римлянъ (*αὐτοκράτορ Ῥωμαίων*, говорить Левъ діаконь). Вотъ почему Петръ, какъ скоро сталъ искать признанія своему царскому титулу со стороны Византіи, — тѣмъ самымъ отнималъ у него все его дѣйствительное значеніе, дѣлалъ изъ него про-

стое почетное наименование. Симеонъ хотѣлъ быть восточнымъ императоромъ, первымъ между христіанскими вѣнценосцами; Петръ соглашался быть вторымъ государемъ послѣ Византійскаго, его «сыномъ»; понятно, что при такихъ обстоятельствахъ Византія охотно дала ему царскій титулъ, между тѣмъ какъ она въ то же время упорно отказывала въ немъ Оттону Великому. — Мы не произвольно толкуемъ отношенія, въ которыхъ Петръ Симеоновичъ поставилъ себя и Болгарію къ Византіи: они видны на дѣлѣ. Константинъ Багрянородный сообщаетъ формулы, которыми надписывались грамоты Византійскихъ императоровъ къ другимъ государямъ: «Въ Болгарію, говоритъ онъ, прежде писалось такъ (формула временъ князя Бориса): «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, единого и нераздѣльнаго Бога. Константинъ и Романъ, благовѣрные въ самомъ Богѣ (*ἐν αὐτῷ τῷ Θεῷ*) цари (*βασιλεῖς*) Римлянъ, возлюбленному, духовному нашему чаду и отъ Бога князю (собственно «начальнику», *ἐκ Θεοῦ ἄρχοντα*) христіаннѣйшаго народа Болгарскаго»; теперь же (именно при Петрѣ), продолжаетъ онъ, пишется: «Константинъ и Романъ, во Христѣ Богѣ благочестивые самодержцы — цари (*αὐτοκράτορες βασιλεῖς*) Римлянъ, возлюбленному духовному нашему чаду, господину имя рекъ царю (*βασιλέα*) Болгаріи.» Мы видимъ разницу: въ первой формулѣ императоръ, выдвигая христіанство новокрещеннаго народа Болгарскаго, оставляетъ между его княземъ или «началь-

никомъ» и собою безконечное разстояніе, даже не называетъ «начальника» по имени; во второй — преимущество Византійскаго государя передъ Болгарскимъ выражается единственно только отношеніемъ отца къ сыну, по титулу же оба равны, и, одинъ между всѣми вѣщеносцами, государь Болгарскій получаетъ отъ кесаря наименованіе *господина и царя* ³⁾.

- ³⁾ Приводимъ для сравненія формулу, употреблявшуюся въ сношеніяхъ съ Западнымъ императоромъ: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа, единого и нераздѣльнаго истиннаго Бога нашего. Константинъ и Романъ, боговѣрные въ самомъ Богѣ, высокіе августѣйшіе (*αὐγουστοί*) самодержцы, великіе цари Римлянъ, возлюбленному и вожделѣнному духовному нашему брату имярекъ, благороднѣйшему, почтенному королю Франкіи (*βῆνι Φραγγίας*).» Приведемъ еще изъ книги Константина Багрянороднаго «Объ обрядахъ Византійскаго двора», формулы, употреблявшіяся при торжественномъ приѣмѣ и отпускѣ Болгарскихъ пословъ; заметимъ однако, что формулы эти относятся не къ царствованію Петра, а къ первымъ временамъ христіанства въ Болгаріи. Императоръ въ нихъ не только не называетъ Болгарскаго государя царемъ, но даже и не сыномъ своимъ, а внукомъ; должно замѣтить, что вообще Константинъ Багрянородный старается выставить тѣ обряды и формулы, которыя наиболее лестны для его двора; такъ даже утвержденная договорная формула, гдѣ Болгарскій государь

Когда знаменитый король Германский, Оттонъ Великій, завоевавъ Италию, былъ провозглашенъ императоромъ и въѣхавъ въ Римъ, онъ послалъ въ Константинополь извѣстить о томъ и просить признанія: посольство его, умный и образованный Италіанскій епископъ Лиутпрандъ, описалъ свою повѣдку. «Въ день Св. Апостола (29-го іюн. 968), рассказываетъ онъ, императоръ (Константинопольскій) велѣлъ мнѣ, а также по-

---

именуется царемъ, у него съ явнымъ намѣреніемъ поставлена на второмъ планѣ и какъ бы скрыта за старою, уже не имѣвшею законнаго значенія, а тѣ выраженія при аудіенціяхъ, которыя должны были соответствовать новымъ отношеніямъ Византійскаго царя къ царю Болгарскому, вовсе опущены, конечно не по случайному забвенію. Итакъ вотъ сообщаемыя Константиномъ выраженія. Посольство Болгарскій, обращаясь къ императору, говоритъ: «Какъ здравствуетъ боговнчанный царь, духовный дѣдъ отъ Бога поставленнаго князя («начальника») Болгаріи? Какъ здравствуетъ императрица и госпожа? какъ здравствуютъ цари, сыновья великаго и высокаго царя, и прочія его чада? какъ здравствуетъ святѣйшій вселенскій патріархъ? какъ здравствуютъ оба магистра? какъ здравствуетъ весь синклитъ? какъ здравствуютъ четыре логоета?» (Магистры — главные военачальники имперіи, логоеты, въ родъ министровъ). Логоеть на это отвѣчаетъ: «Какъ здравствуетъ духовный внукъ нашего священнаго царя, Богомъ поставленный

сласть Болгарскимъ, прибывшимъ наканунѣ, встрѣтить его у церкви Св. Апостоля..... Когда насъ потомъ пригласили къ столу, то онъ (императоръ), сажаетъ на верхнемъ концѣ длиннаго стола, за которымъ сидѣли только съ одной стороны, посла Болгарскаго, остриженного на Венгерскій ладъ, опоясаннаго мѣдною цѣпью и, какъ мнѣ думается, оглашеннаго (катикумена), выше меня, къ явному вашему безчестию, мои августѣйше государи (Лиутпрандъ пишетъ къ Отгону и его супругъ Адельгейдъ)..... Принимая къ сердцу не свою, а вашу обиду, я всталъ изъ-за стола. Какъ я намѣревался выйти, Левъ куропалатъ, братъ императора, и первый секретарь (proto a secretis), Симеонъ, дотоняютъ меня, крича вотъ что (haec latrantes): «Когда Петръ, Болгарскій царь (vasileus, такъ нарочно выставляеть Лиутпрандъ Греческій титулъ, котораго онъ не могъ добиться для Отгона), женился на дочери Христофора, то было утверждено присягою письменное условіе, чтобы у насъ посламы всѣхъ другихъ

князь Болгаринъ какъ здравствуетъ Богомъ поставленнаи княгиня (η ἐκ Θεοῦ ἀρχιδυκίσσα)? какъ здравствуетъ Канарти-кинъ и Булестарканъ (ὁ κανάρτι κινος καὶ ὁ Βουλίας τάρχανος) и сыновья Богомъ поставленнаго князя Болгаринъ и прочія его чадя какъ здравствуютъ шестеро великихъ бояръ (οἱ ἕξ ἐν Βουλίας οἱ μεγάλοι)? какъ здравствуютъ и прочіе бояре внутри и вне (οἱ ἕσθαι καὶ ἔξω Βουλίας)? какъ здравствуетъ простой народъ.

наредбѣ предпоставлялись, предочинялись
 послы Болгарскіе. Бодварскій посолъ фотіѣ
 ты говоришь правду; «острижемъ», нѣмѣтъ
 и пописанъ цѣпью, да на пошрву выходятъ;
 что онъ истрій, и предпоставить ему епис-
 екпа; особинвои Франкскаго, мы починимъ
 и признаемъ совершенно несправедливому»).
 Формула императорскихъ грѣиотъ и слова
 Лиутпранда не высказываютъ ни мовыка от-
 ношеній, въ которыхъ Болгарія стала къ

*) Забавенъ конецъ этой сцены. Лиутпранда не
 пустили домой, а заставляли, почти насильно,
 «сѣсть за другой столъ, съ императорскими
 служителями: «Ничего не отвѣчая имъ (Льву
 и Симеону) отъ великой сердечной скорби и
 страшнаго огорченія, пишетъ Лиутпрандъ сво-
 имъ государямъ, я сдѣлалъ то, чего они хо-
 тѣли, лишь бы только не сѣдѣть за столѣмъ,
 за которымъ не Лиутпранду епископу, а вы-
 шнему послу предпоставлялся посолъ Болгар-
 скій. Но скорбь мою утѣлилъ священный им-
 ператоръ великимъ подаркомъ, послалъ мнѣ
 отъ нѣжнѣйшихъ своихъ яствъ, козла (hœdum),
 жирнаго, отъ котораго кушала самъ, чудесно
 приготовленнаго (subarsinatum), съ чеснокомъ,
 лукомъ, пореемъ (porro), обилитаго рыбнымъ
 соусомъ (gato delibitum). Желалъ я тогда, что-
 бы онъ былъ на столѣ вавель. (Олтона и
 Адельгейды)! вы, которые не вѣрите, чтобы
 священный императоръ (Константинопольскій)
 есказдалъ съ средоу роскошныи. (deliciae annae
 Imperatoris factas esse), вы тогда бы убеди-
 лись на дѣлѣ»

Византин? не ясно ли изъ нихъ, что Болгарія признавалась теперь, какъ мы сказали, равною Византин по царскимъ правамъ, и только младшею? Замѣтимъ еще, что по случаю этого новаго равенства, Болгарскіе «друзья», т. е. послы, должны были являться во многихъ особенно торжественныхъ церемоніяхъ Византійскаго двора, и этимъ, конечно, еще болѣе увеличивалось между Византійскимъ дворомъ и Болгарскимъ общеніе, и такъ уже поддерживавшееся, слишкомъ для Болгаріи, супругою Петра, царицею Марією, которая въ продолженіе тринадцати пяти лѣтъ ѣздила безпрестанно въ Константинополь «для скрѣпленія дружбы», и стала потомъ возить туда и дѣтей своихъ.

Такъ царь Петръ и руководитель его Сурсубуль основали свою политику на связяхъ съ Византією. За то, безъ сомнѣнія страшно негодовали на нихъ истые Болгаре, сподвижники великаго Симеона. Во все царствованіе Петра можно прослѣдить даже по скуднымъ извѣстіямъ иностранныхъ летописцевъ, сопротивленіе правительству одной могущественной партіи. Сначала «возстали нѣкоторые вельможи Симеоновы» (въ этомъ выраженіи летописца видно, что то были люди стараго, Симеонова времени), вѣсть съ младшимъ братомъ Петра, Іоанномъ, который, кажется, съ ихъ помощью надѣялся достигнуть престола: но ихъ схватили, Іоанна подвергли побоямъ, прочихъ заговорниковъ предали «необычайнымъ казнямъ.» Петръ извѣстилъ письмомъ Греческаго им-

ператора объ этомъ дѣлѣ, а потомъ и выдалъ ему своего мятежнаго брата, очевидно какъ противника согласію между Болгарами и Греками. Императоръ хотѣлъ-было постричь Іоанна въ монахи, но раздумалъ, пожаловалъ его домою, имѣніями, женилъ его на знатной Армянкѣ: онъ хорошо считалъ выгоду имѣть его въ своемъ распоряженіи, какъ страшилище для Болгарскаго правительства, чтобы тѣмъ крѣпче держать въ рукахъ это правительство.

Въ Болгаріи между тѣмъ мятежъ распространялся. Старшій сынъ Симеона, Михаилъ, сбросивъ съ себя монашескій санъ, захватилъ какую-то крѣпость (около 933 г.) и «къ нему пристали, говорить летописецъ, Болгаре, отпавшіе отъ власти Петра.» Мы видимъ изъ этихъ словъ, что часть Болгарскаго народа и прежде уже была готова поднять оружіе противъ Петра, что не Михаилъ призвалъ ихъ къ возстанію, а скорее они Михаила. Но Михаилъ вскорѣ кончилъ жизнь; Болгаре, участники мятежа, отчаявшись въ побѣдѣ, рѣшились покинуть отечество, вторглись черезъ Струму ⁵⁾ въ Греческіе предѣлы, и бросились въ западные края Элады; живши нѣсколько времени грабежемъ, они наконецъ поселились, разумѣется, уже какъ подданные Греческаго императора, въ Никополь, древнемъ знаменитомъ Акці-

⁵⁾ Древній Стримонъ: рѣка эта служила, кажется, границею между Болгарскими и Греческими владѣніями.

умъ (теперь развалины близъ Превезы, у Артскаго залива).

Оба возстанія кончились успѣшно для Петра; но раздоръ въ Болгаріи не прекращался. Представителемъ старыхъ, покинутыхъ Петромъ, Болгарскихъ стремленій, явился могущественный бояринъ (Греки называютъ его *комитомъ*, то же что графъ) Шишманъ Мокръ (или Мокрошь, *Μικρός*) съ своими четырьмя сыновьями, бояричами (*κοινησπουλοι*), Давидомъ, Моисеемъ, Аарсномъ и Самуиломъ-Стефаномъ. Ихъ родиной былъ, кажется, городъ Терновъ (въ серединѣ нынѣшней Болгаріи); ихъ цель была низвергнуть правительство Петра и вліяніе Грековъ въ Болгаріи; они собирали единомышленниковъ, выжидая удобнаго времени, чтобы дѣйствовать.

Какая же была между тѣмъ духовная дѣятельность Болгарскаго народа? Сколь быстро и прекрасно она расцвѣла при Симеонѣ, столь же скоро заглохла при Петрѣ. Дворъ его не думалъ о самобытномъ просвѣщеніи; частныя лица, въ такое время гоненій, тревогъ и казней, не могла заботиться о мирныхъ словесныхъ трудахъ; притомъ же умственная жизнь Славянская была въ то время такъ младенчески слаба, что покровительство двора было для нея необходимо. Прежнихъ дѣятелей, сотрудниковъ Симеона въ дѣлѣ просвѣщенія, не стало; новыхъ не явилось. Время Петра не оставило намъ ни одного имени писателя; ни одного памятника. Жилъ при Петрѣ въ Болгаріи великій

подвижникъ христіанства, Св. Іоаннѣ Рылъскій: но по характеру своей дѣятельности онъ былъ далекъ отъ труженниковъ временъ Бориса и Симеона.

Мы описали въ одномъ изъ предъидущихъ писемъ нашихъ многостороннюю дѣятельность, трудовую жизнь Св. Климента Охридскаго; и подобно Св. Клименту дѣйствовали, безъ сомнѣнія, прочіе сподвижники Симеона: подробностей ихъ жизни мы не знаемъ, но отъ одного дошли до насъ обширныя сочиненія, отъ другаго переводы полезныхъ книгъ, про третьяго извѣстно, что онъ епископствовалъ, — всѣ трудились, такъ или иначе, въ общественной средѣ, въ которой жили, всѣ ей сочувствовали и объ ней заботились. Напротивъ, въ Іоаннѣ Рылъскомъ мы видимъ полное отчужденіе отъ всего окружающаго, полное отреченіе отъ тогдашняго общества Болгарскаго. Вотъ главныя черты его молчаливческой жизни, какъ ихъ описываетъ древнее Житіе⁶; мы передаемъ слова подлинника: «Блаженнаго убо сего родителя, благочестиви по всему бяху, Болгаре же родомъ, рожденіе и воспитаніе веси глаголемья Скрино, въ предѣлѣхъ сущія Средческихъ⁷. . . Воспитанъ убо бывъ отъ своихъ

⁶ Житіе и жизнь Преподобнаго и Богоноснаго отца нашего Іоанна Рылъскаго, . . . списано Евѳиміемъ Патріархомъ Терновскимъ. (Изд. 1836, въ Българдѣ, трудами Неофита, иждивеніемъ Іоасафа, Іеромонаховъ Рылъской обители.

⁷ Средецъ — теперь Софія.

родителей добрѣ. . . . времени же не малу прешедшу и родителемъ его ко Господеву отшедшимъ, той бѣ. . . . отъ церкви никакоже отступая, но со вниманіемъ послушая Божественныхъ словесъ и священныхъ ученій. . . . Умышляетъ совѣтъ благъ: расточаетъ. . . (имущество свое). . . въ руки убогихъ; . . . шедъ во единъ отъ ту сущихъ монастырей, и мало нѣкое время тамо пребывъ обучения ради, . . . исходитъ міра, . . . ничесо же ино вземъ кромѣ единыя ею же одѣянъ бѣ одежды кожаныя, приде въ показанную ему (въ видѣніи) гору, и сотворивъ малу отъ хвастія колыбу, (т. е. хату), бѣ ту пребывая . . . (потомъ) . . . переходитъ отъ туду во ино мѣсто, идѣ же пещеру обрѣтъ темну зѣло и мрачну, ту вселяется, прилагая труды къ трудомъ и къ желанію желаніе . . . Пребысть же ту въ той пещерѣ дванадесять лѣтъ. . . . Днемъ убо доволнымъ прешедшимъ, . . . полкъ . . . разбойниковъ, суровѣ на святаго нападше, биша его немилостивно, и рѣюще и влекуще, отгнаша его отъ мѣста онаго. . . . Онъ же . . . отходитъ во иное мѣсто, разстояніе не мало имущее, и приде въ пустыню Рыльскую и тамо дубъ великій обрѣтъ, вселяется въ немъ . . . (Земля произращаетъ) сланутокъ⁶ въ препитаніе святаго, и бѣ питаяся тѣмъ.» Тутъ находятъ его, погнавшисъ однажды за стадомъ, пастьери,

⁶ «Сланутокъ есть видъ сочива подобнаго граху.» (Примѣч. издателя Житія).

приводятъ къ нему бѣснующагося, онъ его очищаетъ; слава его распрстраняется повсей странѣ. «Доблѣй же и смиренномудрѣй Іоаннъ, . . . возставъ отиде отъ туду, человѣческія славы бояся, . . . и обрѣтъ камень зѣло высокъ, абіе восходитъ на него, . . . единъ единому бесѣдуя Богу, нощный претерпѣвая мразъ и дневный варъ. . . . Слухъ о немъ проходаше якоже и самому царю услышати.» Прибывъ однажды въ Средецъ, Петръ съ немногими спутниками ѣдетъ посѣтить Іоанна: «и дошедше рѣчки, глаголемыя Рыла⁹, обрѣтоша камень великъ зѣло и жестокъ и весма неудобопешественъ, и невозможше напредъ поити, возвратишася. Абіе же на другую восходятъ гору високу, юже Книшаву обыкоша окрестнии ту звати, и отъ туду показоваху ему (Петру) гору и камень, идѣ же преподобный живяше; и невозможше тамо царь поити стремнины ради и жестости мѣстныхъ, но абіе посылаетъ два отрока, . . . призывая (Іоанна) . . . зѣло бо желаше его видѣти. . . . Онъ же невозможну себѣ быти глагола. . . . Печаленъ убо бысть царь велми . . . и абіе въ царская вшедь, пакы посла къ нему злата не мало, . . . посылаетъ же и писаніе. . . .» Іоаннъ отвѣтствуетъ на царскую грамоту, но отказывается покинуть свою пустыню хотя бы на одинъ день. Пробылъ же онъ на томъ мѣстѣ еще семь лѣтъ и четыре мѣсяца; и «мнози добродѣтел-

⁹ Теперь Рылена, впадаетъ въ Струму.

ному его житію поревновавше, жити съ нимъ изволиша, и въ прилежащемъ вертепѣ церковь создавше обитель составиша, начальника именуше и пастыря преподобнаго. Онъ же добръ пасый свое стадо и многи къ Богу приведъ, и велия и преславная чудеса сотворъ, въ глубокую dospѣ старость. . .» 18 Августа 946 г. блаженно почилъ Св. Іоаннъ Рылъскій.

Велики были для Православной Болгаріи плоды иноческихъ подвиговъ Іоанна: обитель, имъ созданная, сдѣлалась неколебимою опорою Православія и Славянской мысли въ Болгаріи, и нынѣ еще, вѣрная завѣту девяти вѣковъ, стоитъ она во главѣ возрождающагося просвѣщенія Болгарскаго. Но какъ объяснить въ самомъ Іоаннѣ это необоримое отчужденіе отъ всего, что его окружало? Едва ли могло оно быть слѣдствіемъ единственно личныхъ его склонностей; съ такою же пламенною любовью къ пустынножителству не совмѣщалось ли сочувствіе къ современному обществу, на примѣръ; въ св. Савѣ Сербскомъ, въ св. Сергіи Радонежскомъ, въ Кириллѣ Бѣлозерскомъ и въ столь многихъ другихъ великихъ отшельникахъ? Нѣтъ, тяжелое ужъ, видно, было тогда время въ Болгаріи, при всемъ наружномъ могуществѣ и блескѣ, наследованномъ отъ прежнихъ лѣтъ, если единственный въ ней свѣтильникъ Христіанства, если бессмертный основатель Рылъской обители отвергалъ всякое общеніе съ своимъ народомъ. Безмолвіе, отшельничество Іоанна Рылъскаго,

вотъ самое краснорѣчивое, самое горькое обличеніе тогдашней Болгаріи!

Другое для нея обличеніе есть успѣхъ, какой нашла въ ней въ это время пагубная ересь, почти чуждая Христіанскихъ началъ, ересь Манихейская, которую, по свидѣтельству одного древняго памятника¹⁰, «при Петрѣ царѣ Болгарскомъ воспринялъ погѣ Богомилъ и разсѣялъ въ землѣ Болгарской.» Ересь эту,

---

¹⁰ Синодикъ или сборникъ «прѣписанъ... ѿ грѣхъ-сильго на вѣдгарскихъ... азъмъ» повелѣніемъ царя Борила, въ 1210 г. Драгоценная рукопись эта принадлежитъ Спиридону Николаевичу Палаузову, которому намъ пріятно здѣсь выразить всю признательность нашу за ея сообщеніе. Въ ней много важныхъ свидѣтельствъ о древней церкви Болгарской, о ересьяхъ, съ которыми она должна была бороться, о Православныхъ Святителяхъ, память которыхъ она благословляла. Осужденіе Манихеевъ или Богомиловъ въ ней весьма пространно; вотъ начало этого мѣста: «Покоже вѣселжакъми нашъ крагъ. по вѣсен вѣдгарстѣи земли. манихенскѣи ересь разсѣи смѣ-снѣ сѣхъ съ мисалѣиснож. иже таковети ереси на-удлинни, дѣлѣемъ. Понѣ вѣгомнида иже при петрѣ црѣи вѣдгарстѣи. вѣспрѣмшаго манихенскѣи сѣхъ ересь и вѣ вѣдгарстѣи земли разсѣяшаго. иъ снѣ же и се прѣрешаго. ико вѣ приидѣти хс вѣгъ нашъ

какъ известно, основалъ въ III вѣкѣ Манесъ, сливавшій Христіанскія понятія съ дуализмомъ Зороастра и съ разными восточными вѣрованіями, и распространилъ въ Персіи и Римскихъ земляхъ въ Азіи. Какъ ознакомился съ его системою попъ Богомилъ? Манихейство, мы знаемъ, съ VI вѣка потеряло свою силу не только въ Малой Азіи, но и въ Персіи,

Ѣ стѣмъ бѣж и приснодѣмъ маріѣ родиса. и къ при-
видѣни раслатса. и обѣженѣмъ плѣтъ възнесе и на
въздоуѣмъ остави. реншен и того выкшен. нинѣ сѣ-
щїи зуеници и апѣмъ мареуенїи, амѣсма. И къ са нже
къ ереси тои и обычаѣмъ ихъ събраїѣи и таинства.
и не полезила ихъ оууенїѣ. и ходашѣ съ ними,
амѣсма. Любацихса съ ними. и съ ними къ раздоумѣ
(т. е. въ единомыслии) идѣшихъ и піжшиѣ. и дары
Ѣ нихъ къ землацихъ. яко единомыслѣмъ тѣмъ, амѣсма.
Иже Іоуїѣи мѣца къ дѣмъ на роуѣстко Іоѣлима крѣтаѣ
творачїи вълѣшкенїѣ и плодохъ вѣлуенїѣ и елика
къ тѣмъ ношѣмъ свѣрѣлаѣмъ творатѣ таинства и елики-
стѣмъ слоужѣмъ подобнаѣ, амѣсма. Иже слѣтѣмъ ви-
димѣмъ текарї творца марнѣуцихъ быти и нѣконома
марнѣуцихъ дѣждеви и градоу. и въсемоу исхода-
шомоу Ѣ зема, амѣсма».... (листъ 13 об. и 14).
Также въ другомъ мѣстѣ (л. 26 об.) Трѣкля-
таго богомила. и михаїла оууеника его. и фео-
дора. и добра (т. е. Добра). и стефана. и вѣси-
лѣ. и петра. и проула еговы оууеники и еди-
номѣдрѣшники,.... снѣхъ къстѣхъ. амѣсма.

и держалось только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Арменіи, подъ именемъ Павликіанской ереси. Какъ могъ Богомилъ, Славянинъ — это видно и по имени его, увлечься такимъ ученіемъ, которое, казалось бы, свойственно было исключительно отдаленному востоку, будучи порожденіемъ его исторіи, его вѣрованій и философскихъ системъ? Какъ могло оно найти отголосокъ и распространиться въ Болгаріи? Вопросъ темный, на который едва ли когда нибудь возможно будетъ отвѣчать положительно, но который, безъ сомнѣнія, разъяснится нѣсколько, когда, съ успѣхами изученія древнихъ памятниковъ Болгарскихъ и Сербскихъ, судьба Павликіянъ въ южныхъ Славянскихъ земляхъ сдѣлается болѣе извѣстною. Нельзя однако не предположить, что когда Болгарія отрелася отъ язычества и въ нее стеклось, по свидѣтельству самого князя Бориса, множество проповѣдниковъ изъ разныхъ странъ съ разногласными толками и ученіями, въ томъ числѣ Армяне и даже люди, не имѣвшіе священства, между этими учителями-самозванцами, между этими Армянами, были и Павликіане-Манихеи; они-то могли посѣять въ Болгаріи сѣмена своей ереси, которая и возшла во время ослабленія и внутренняго разлада Болгарской жизни при Петрѣ. Надобно замѣтить, что въ основаніи Манихейства лежала какая-то грубая, вещественная философія, соединенная съ нѣкоторымъ, также болѣе матеріальнымъ, чѣмъ духовнымъ, аскетизмомъ: и то и другое могло увлекать людей, предавшихся уже отвлеченнымъ умство-

ваніямъ и толкамъ, но мысль которыхъ не въ силахъ была возвыситься до чистоты и духовности христіанскаго міросозерцанія и нравоченія.

Какъ бы то ни было, Манихейство нашло отголосокъ въ Болгаріи при царѣ Петрѣ: неизвѣстно, какое встрѣтилъ Богомилъ сопротивленіе въ духовенствѣ и въ правительствѣ Болгарскомъ, но онъ имѣлъ успѣхъ; онъ нашелъ ревностныхъ учениковъ, имена которыхъ еще въ XIII в. приводила церковь Болгарская въ числѣ своихъ злѣйшихъ враговъ, и около этихъ «начальниковъ» ереси собралось, безъ сомнѣнія, много послѣдователей; Богомилъ сдѣлался какъ бы вторымъ основателемъ Павликіанства, которое стало извѣстно на всемъ Балканскомъ полуостровѣ и въ сосѣднихъ странахъ подъ именемъ Богомилской ереси; и главнымъ притономъ этой ереси была съ тѣхъ поръ Болгарія.¹¹

Такова печальная картина внутренняго со-

¹¹ Замѣтимъ еще, что Павликіане въ X в. стали также опять усиливаться въ Арменіи, гдѣ были прежде подавлены, и начали даже распространяться въ Малой Азій, подъ властію Арабовъ. Возстановляя въ этихъ краяхъ господство Грековъ, Имп. Іоаннъ Цимисхій (969—975) переселилъ множество Павликіанъ въ опустѣлую Фракію, въ надеждѣ ихъ обратить; обращеніе не удалось, а водвореніе ихъ во Фракіи должно было, конечно, дать имъ новую силу въ сосѣдней Болгаріи.

стояній Болгаріи при Петръ Симеоновичъ: вліяніе Византіи, раздоръ между правительствомъ и приверженцами старыхъ преданій; застои и порча въ духовной жизни. Та же мертвенность во внѣшнихъ дѣлахъ, страшная быстрота въ паденіи. Начинается царствование Петра тѣмъ, что Болгаріи отбрасываетъ мысль о завоеваніяхъ; кончается оно тѣмъ, что она въ самомъ сердцѣ своей державы не въ силахъ дать отпоръ врагу.

Тотчасъ по вступленіи на престолъ, Петръ, при посредствѣ панскаго посла Мадагберта, уже упомянутаго, помирился съ Хорватами: ему не было охоты мстить за поражение, которое потерпѣлъ отъ нихъ его отецъ.

Черезъ нѣсколько времени онъ отказался и отъ Сербіи. Сербскій князь Чеславъ, сынъ Клонимира, Властимірова внука⁹⁾, бѣжалъ изъ Прѣславы, Болгарской столицы, и явился въ своемъ отечествѣ, разоренномъ и безлюдномъ. Къ нему стали стекаться со всѣхъ сторонъ толпы Сербскихъ изгнанниковъ, другіе приходили изъ Болгарскаго плѣна; Чеславъ просилъ покровительства Византіи. Императоръ отправилъ къ нему, снабдивъ одеждою и нужными вещами, княжество Сербовъ, укрывавшихся въ Константинополѣ; онъ принялъ воскресшую Серию подъ свою защиту. Такъ уже во второй разъ Византійскій императоръ оказывалъ покровительство

⁹⁾ Въ предыдущемъ письмѣ Чеславъ названъ по ошибкѣ не правнукомъ, а внукомъ Властиміра.

дѣлать противника своего друга и зятя царя Болгарскаго, и заводилъ связи, которыми при случаѣ могъ ему вредить; а царь Болгарскій оставался по прежнему слугою Византіи.

Когда Русскій князь Игорь сталъ (въ 941 г.) собирать суда, чтобы идти на Царьградъ, Болгаре не преминули дать знать о томъ Грекамъ. Походъ этотъ не удался; за то, подымаясь во второй разъ на Царьградъ, Игорь не ограничился морскою силою: онъ послалъ и конное, т. е. сухопутное войско и нанялъ Печенѣговъ; онъ, разумется, имѣлъ въ виду дѣйствовать на сухомъ пути не прямо противъ Грековъ, которыхъ отдѣляли отъ него нѣсколько сотъ верстъ, а противъ ихъ союзниковъ, Болгаръ¹⁰⁾. Миръ съ Греками предупредилъ походъ Русскихъ; но возвращая назадъ свое войско, которое дошло именно до границы Болгарской, до Дуная, «Игорь, такъ говоритъ Несторъ, повелѣлъ Печенѣгамъ воевать Болгарскую землю»: знакъ, что Болгарское правительство его чѣмъ нибудь особенно раздражило.

Неизвестно, чѣмъ эта распря кончилась; но Болгарія была тогда уже совершенно бессильна противъ своихъ сѣверныхъ сосѣдей. Магьяры грозили ей, уже стали на нее нападать, и она не могла отъ нихъ иначе отдѣлаться, какъ пропуская этихъ корыстолюбивыхъ набивниковъ чрезъ свои земли

¹⁰⁾ На эти обстоятельства первый, кажется обращалъ вниманіе покойный Венелинъ.

нѣ бѣгитыиъ друзьяиъ своииъ, Грекамъ. Нѣсколько разъ (934, 943, 959, 962, 967 гг.) возобновлялись эти постыдныя для Болгаріи набѣги. Византійское правительство стало наконецъ обвинять Петра въ соумышленничествѣ съ Мадьярами, въ союзѣ съ ними, и требовать, чтобы онъ прекратилъ эти дѣйствія; но Петръ оправдывался малодушнымъ, постыднымъ извиненіемъ: «когда Мадьяры на него напали, Греки не дали ему помощи, а теперь, какъ онъ, по неволѣ, помирился съ ними, требуютъ, чтобы онъ нарушилъ миръ и предпринялъ такую войну, вести которую ему нѣтъ возможности.»— И конечно, Петръ въ своемъ извиненіи говорилъ правду: не только миролюбіе его дѣлаетъ соумышленничество съ Мадьярами совершенно невзроятнымъ, но и то, что при первыхъ набѣгахъ Мадьяръ Греки не думали его заподозривать, и что проходъ этихъ грабителей черезъ Болгарію долженъ бы былъ причинять ей вдесятеро больше убытку, чѣмъ пользы даже если бы ей предоставлялась вся добыча. Если бы Петру вздушалось поживиться на счетъ Грековъ, онъ послалъ бы Болгарскихъ наѣздниковъ, а не Мадьяръ.

Когда читаешь это извѣстіе, чувствуешь, что нѣтъ уже духа жизни въ государствѣ Болгарскомъ. Самыя жестокія пораженія и бѣдствія могли бы оставить его жизненную силу неприкосновенною; но не смѣть противостать толпѣ наѣздниковъ и потомъ приводить свое малодушіе себя въ извиненіе,—такое нравственное униженіе и безсиліе пред-

начало смерти. А между тем, даждо ли было, что народъ Болгарскій, могучій и бодрый, шелъ къ завоеванію державы Константина и Юстиніана и, казалось, назначенъ былъ возобновить ее сполни оѣжкими силами? Были еще въ Болгаріи, конечно, и даже не очень старыя, люди, которые помнили гордыню и победы Симеона. Отцы и деди Болгаріи на высоту могущества, при дѣлѣ она успѣла пройти два степеня паденія, и готова была рухнуть при первомъ ударѣ. И здѣсь мы опять повторимъ, что удачка Болгаріи послѣ смерти Симеона, ея внутренняго ослабленія и раздора, ея подчиненія Византійской политикѣ, мы не приписываемъ случайному дѣйствию личностей: ни Петръ, ни Сурсубуль, ни Гречанка Марія, ни отстраненные отъ престола братья Петре не были бы въ силахъ сдѣлать этого сами собою; ихъ личныя оклонности и страсти могли только вызвать наружу и выразить дѣломъ то, что было подготовлено обихимъ ходомъ Болгарской жизни! Оттого, очевидно, такъ легко стало похвѣть въ Болгаріи раздоръ, заставить ее отказаться отъ вѣковыхъ ея замысловъ и стремленій, подчинить ее рѣшимо Византійскаго двора, что сама Болгарія послѣ Симеона уже не въ силахъ была жить и развиваться инакъ и самостоятельной страніей и горькая была, дѣйствительно, судьба Болгаріи! На третьемъ днѣ, своего существованія въ падаху, когда, до обихимъ вениному ходу дѣлъ, государство только начинаетъ свою историческую жизнь, для Болг

гарія уже настала перъ: полного развитія; славное, просвѣщенное царствование Симеона, по видимому, предвѣщало дальнѣйша преемстванія, а между тѣмъ оно было прервано приемъ распада; и если Болгарія вытиснула потомъ изъ оцъпервѣдъ, до днѣ на время, успѣшками какой-то лихорадочной дѣятельности, болѣе или менѣе продолжительными и блестящими, но безсильными создать что либо прочное, уступавшими мѣсто важкой развѣдѣ глубокому мраку. Да никакъ развивалась Болгарія въ первые два съ половиною вѣка своей исторіи, какъ: взомла она на ту высоту, на которой стояла при Симеонѣ? Не правильными, постоянными успѣхами, а какими-то скачками; мы это видимъ въ предыдущихъ нашихъ являмахъ. Созданная Аспарухомъ изъ насильственного слѣдствія Славянскихъ общинъ; еще нуждыкъ государственнаго строя, и изъ дикой степной орды, конечно, еще менѣе Славянъ, анакомой съ гражданственностью, Болгарія черезъ въсколькo лѣтъ послѣ Аспаруха своими вѣдательствомъ ставить уже въ Царьградѣ императора. Пятьдесятъ лѣтъ спустя, она едва не разрушается: отъ внутреннихъ раздоровъ, не въ силахъ оборониться отъ Греческихъ войскъ. Быстро опять возстановляется она: въ концѣ VIII в., а въ первомъ двадцатилѣтїе IX-го, при Крумѣ, держитъ Константинополь въ осаду; распространяетъ свою власть: до Карпатскихъ горъ, и умножаетъ свои силы: христіанскими переселенцами изъ Греческихъ областей. Пять Крумъ

новое ослабленіе, гониміе на христіанъ, бѣдственныи войны, правленіе государей незначительныхъ; въ долгое и мирное княженіе Бориса Болгарія крѣпнеть опять, просвѣщается христіанскою вѣрою, развиваетъ въ себѣ огромныи силы, вѣщественныи и духовныи, которыми пользуется Симеонъ; и при Симеонѣ же эти силы истекаютъ.....

Есть во всемъ этомъ развитіи Болгарія что-то скороспѣлое и непрочное, что-то болѣзненное, неестественное. — Скороспѣлость и болѣзненность, вотъ самая общая и, можетъ быть, самая существенная особенность Болгарской исторіи. Мы только указываемъ на эту особенность; мы не беремъ разгадать ея причинъ. Но можемъ ли мы не припомнить того, что Болгарія была единственная изъ Славянскихъ державъ, основанная на завоеваніи и по этому самому имѣвшая началомъ своимъ искусственное соединеніе двухъ враждебныхъ сторонъ, которыи послѣ борьбы условились (гласно или негласно, все равно) жить вмѣстѣ, въ гражданскомъ порядкѣ? Такое насильственное и искусственное, условное начало, мы видимъ въ государствахъ Германско-Романскихъ, и изъ него вышла вся ихъ блестящая историческая жизнь: возможно ли было подобное явленіе у Славянъ? Или какаа могла быть, въ Славянской средѣ, судьба государства, сложившагося изъ враждебныхъ стѣжій завоевателей и завоеванныхъ? Мы говорили уже гдѣ-то въ этихъ нѣсколькихъ о несходной участи тѣхъ двухъ державъ, которыи создавы были у Славянъ

пришлыми дружинами; мы сравнивали слабость и скорое падение Болгарии съ стойкостью и жизненною силою Руси: и это, конечно, не дѣло случая, также и не дѣло большей или меньшей благопріятности вѣшнихъ обстоятельствъ, ибо Болгарія распалась, мы видѣли, во время полнаго вѣшняго благосостоянія, среди глубокаго мира и тишины, а какая земля страдала столько отъ враговъ, сколько Русская? Нѣтъ, не даромъ то государство получило силу и твердость, которое основали люди, добровольно призванные народомъ, сознавшимъ единство свое и потребность въ порядкѣ, государство цѣльное въ своихъ стихіяхъ, съ которымъ народъ связанъ былъ жизненнымъ единствомъ, союзомъ любви; и не даромъ мертвою было созданіе насильника-завоевателя, это государство Болгарское, съ которымъ покоренный Славянскій народъ въ теченіе времени, конечно сжился, но не могъ ужъ соединиться всѣми силами, всею любовью своего духа. Только изъ живаго согласія и единства, не изъ насилія и искусственныхъ условій, возникало въ Славянскомъ мирѣ прочное и плодотворное развитіе. Кому понятны и ощутительны коренныя свойства Славянскаго духа, та цѣльность и живая простота, которыя составляютъ его существенную принадлежность и съ утратою которыхъ онъ теряетъ свою жизнь и силу; то начало любви, которое онъ хранитъ и на которомъ стремится основать человѣческія отношенія, — кому это понятно и ощути-

тельно для того ясенъ сей законъ исторіи. Много въ ней къ нему подтвержденій, и къ числу этихъ великихъ свидѣтельствъ принадлежитъ судьба несчастнаго государства Болгарскаго съ его неестественно скорымъ и неровнымъ возрастаніемъ, съ его паденіемъ, которое совершилось съ такою страшною быстротою, съ такимъ явнымъ отпечаткомъ роковой необходимости, единственно отъ дѣйствія внутреннихъ причинъ.

Мы отвлеклись отъ разказа о царствованіи Петра Симеоновича, дошли до предпоследняго года этого царствованія и не успѣли его окончить: но личность Петра совершенно исчезаетъ въ великомъ явленіи внутренняго упадка Болгаріи. Пропускомъ Мадьярскихъ набѣдниковъ и трусливыми своими оправданіями передъ Греческимъ правительствомъ, Болгарія ознаменовала послѣднюю степень этого упадка, свое полное омертвѣніе; оставалось одно: чтобы надъ этимъ государствомъ, которое уже не могло жить, поднялась рука сильнаго и исполнила надъ нимъ приговоръ судьбы. Вотъ что покажутъ намъ слѣдующія событія.

VIII.

Святославъ. Первое паденіе Болгарскаго царства.

Уже сорокъ лѣтъ спокойно сидѣлъ на престолѣ Болгарскомъ царь Петръ, сынъ великаго Симеона; Болгарія изнемогала внутреннимъ безсиліемъ, мертвѣла все болѣе и болѣе. Наконецъ разразилась надъ ней гроза, и грозу накликала Византія.

При всей своей слабости, при всемъ миролюбии своего правительства, Болгарія должна была страшно тяготѣть надъ Византіею. Правда, при Петрѣ она сдѣлалась вѣрною и услужливою спутницею Византійской политики; но все же Имперія была, такъ сказать, сдавлена массою этого «варварскаго» государства, которое откинуло ее отъ Балкановъ къ прибрежью Архипелага, которое изъ Филиппополя могло въ нѣсколько дней выслать войско къ ея столицѣ, и которое въ своей гавани Месемвріи сосредоточивало, въ подрывъ Цареграду, торговлю Черноморскую ¹⁾; могли ли Болгаре своею уступчи-

¹⁾ Такъ даже плавшіе изъ Руси въ Цареградъ торговцы останавливались въ Месемвріи: Const. de adm. imp. 79. О Месемвріи, какъ о центрѣ сношеній Цареграда съ Болгаріею, см. Cedren. II, стр. 309.

востью передъ Византією уничтожить въ пей это чувство вещественнаго гнета? могло ли наконецъ Греческое правительство рассчитывать на неизмѣнное миролюбіе и спокойствіе Болгарь, на ихъ вѣчное оцѣпенѣніе?

Пока Болгарія подъ наружнымъ бездѣйствіемъ скрывала внутреннюю мертвенность, въ Восточной Имперіи происходило удивительное оживленіе и возстановленіе силъ. Такова исторія этого страннаго государства: тысячу лѣтъ продержалось оно, нѣсколько разъ доходя до крайняго изнеможенія и ничтожества и потомъ опять оправляясь и выказывая значительную дѣятельность. Мы помнимъ, въ какомъ униженіи Византія стояла предъ Симеономъ; послѣ того, осторожная политика Константина Багрянороднаго заготовила въ ней новый запасъ силъ, а въ 963 г. вступилъ на ея престолъ человекъ съ истинными талантами, великій полководецъ и умный правитель государственный, Никифоръ Фока. Четыре года воевалъ онъ на востокъ, сперва какъ начальникъ Греческихъ легионовъ, потомъ какъ императоръ, и побѣда вездѣ его сопровождала. Возстановивъ славу «Римскаго» воинства, очистивъ малую Азію отъ Арабовъ, давъ Имперіи перевѣсъ надъ Халифатомъ, Никифоръ почувствовалъ необходимость возвратить ей просторъ и въ Европѣ; онъ рѣшился ниспровергнуть Болгарію, или по крайней мѣрѣ Болгарское владычество на югъ отъ Балкановъ, какъ онъ ниспровергнулъ власть мусульманъ въ Анатолиі. Какою

былъ предлогъ къ войнѣ? Никифоръ сталъ обвинять Болгарію въ соумышленничествѣ съ Венгерскими хищниками, вторгавшимися черезъ ея земли въ Имперію, и требовать удовлетворенія, котораго, разумется, получить не могъ; на этомъ основаніи разорвалъ онъ дружескія связи съ Петромъ. Въ слѣдъ затѣмъ, случилось, что именно тогда, когда онъ, возвратясь изъ Сири, изъ покореннаго Тарса, торжествовалъ въ столицѣ Имперіи паденіе этой твердыни Арабской, Болгарское посольство пришло къ нему за обычною данью. При всемъ дворѣ, собранномъ для празднества побѣды, принялъ императоръ пословъ. «Горе! вскричалъ онъ, мы, Римляне, низложивъ супостатовъ нашихъ, станемъ теперь, какъ рабы, платить дань нищему, мерзкому народу, варварамъ Скивамъ!» и въ обдуманномъ, кажется, пылу гнѣва велѣлъ онъ бить пословъ, обругалъ самого государя Болгарскаго, назвалъ его «тулупникомъ». Никифоръ тотчасъ выступилъ съ войскомъ (966 г.) и занялъ пограничныя Болгарскія укрѣпленія (около Родопскихъ горъ). Но, не смотря на первый успѣхъ, онъ считалъ войну съ Болгаріею нелегкимъ дѣломъ. Его страшили стремнины Родопы и Балкана: «онъ не хотѣлъ,» говоритъ лѣтописецъ, «выставлять Римскія войска на убой Болгарамъ въ дебряхъ и ущельяхъ ихъ земли; ибо извѣстно, что много разъ Римляне застигаемы были и погибали въ тѣснинахъ Болгаріи.»

По этому, возвратившись въ столицу, онъ

отправилъ патрикїя Калокира, «человекъ отважнаго и хитраго», въ Кїевъ, звать Русскаго князя Святослава на Болгарь, а самъ между тѣмъ опять пошелъ на Арабовъ, въ Сирїю. Понятенъ расчетъ Никифора: онъ хотѣлъ, чтобы Болгарїи сперва нанесенъ былъ сильный ударъ съ сѣвера, гдѣ она была почти беззащитна²⁾; тогда бы онъ могъ смѣло идти черезъ Родосъ и Балканъ, добывать ее и взять для себя. Нанести этотъ первый ударъ онъ не думалъ поручить ни Мадьярамъ, истомленнымъ многолѣтнею и подъ конецъ гибельною для нихъ борьбою съ Германїею, ни нестройной ордѣ Печенѣжской: тутъ нельзя бы было рассчитывать на вѣрный успѣхъ.—Русская дружина была сильна: она могла сразить Болгарїю; Русская земля была далеко, и черезъ Болгарїю не могла, казалось, угрожать Византїи; вотъ что Никифоръ конечно имѣлъ въ виду. — Калокиръ дѣйствовалъ въ Кїевъ не изъ одной служебной обязанности; призывая Русскую дружину, задобривая ее деньгами, которые ему вручилъ Никифоръ, онъ тайно внушалъ Святославу мысль занять Болгарїю для себя и тогда содѣйствовать ему, Калокиру, къ достиженію Византїйскаго престола: онъ сумѣлъ ему тогда груды золота.

Какія, наконецъ, побужденїя могъ имѣть Русскїй князь? Не государственные виды

²⁾ См. Констант. Багрянор. de admin. imp., гл. в (περὶ τοῦ Πατριάρχου καὶ Βουλγαρίου).

руководствовали Святославомъ; онъ былъ исключительно вождь дружины: такъ обозначается вся его дѣятельность въ Русской исторіи. Удалство и славолюбіе дружиннаго начальника заманили его, нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, на Кавказъ: онъ бился тамъ съ народами, съ которыми тогдашняя Кіевская и Новгородская Русь не могла имѣть настоящихъ причинъ къ враждѣ; тѣ же стремленія увлекли его теперь за Дунай. Какое открывалось тутъ поприще для искателя военнаго счастья! Предлагалось завоевать одну изъ богатѣйшихъ странъ Европы, взятъ сокровища, накопившіяся въ теченіе столькихъ лѣтъ отъ цвѣтущей торговли, отъ разграбленія Греческихъ областей, отъ Греческой дапи; и къ тому же за это завоеваніе Греція платила деньги (Никифоръ послалъ съ Калокиромъ въ Кіевъ 1,500 литръ золота, болѣе 100,000 нашихъ червонцевъ ^{*)}), и обещалъ еще, по окончаніи похода). И не только богатства, но и какой блескъ, какая слава ожидали завоевателей знаменитаго, обширнаго государства Болгарскаго! И какіе заманчивые виды раскрывалъ Калокиръ! Отказаться было бы въ глазахъ Святослава преступленіемъ передъ дружиною, его един-

^{*)} См. Черткова, Описаніе войны великаго князя Святослава, стр. 150, гдѣ вычислена сумма, какую представляли 15 *келтинаріевъ* золота, посланные Никифоромъ Святославу, и гдѣ, сравненіемъ съ другими извѣстіями, вполнѣ утверждена достоверность этого показанія.

ственнымъ отечествомъ. Онъ собралъ суда и пустился къ Дунаю (967). Его сопровождалъ Калокиръ. Онъ взялъ съ собою только дружину свою ⁴⁾; земской рати отъ Славянскихъ племень, составлявшихъ Русское государство, съ нимъ не было: Русская земля не участвовала въ этомъ дѣлѣ; то было личное предпріятіе Святослава, какъ вождя дружины.—Дружина была у него легкая, немногочисленная, тысячъ 10, а вѣроятно меньше ⁵⁾.—Святославъ подплылъ къ устью

⁴⁾ На это ясно указываетъ Несторъ, когда говорить о возвращеніи Святослава изъ перваго похода въ Болгарію: «вборзъ вседе на конь съ дружиною своею», стр. 28.

⁵⁾ Во второмъ походѣ въ Болгарію Святославъ имѣлъ не болѣе 10.000 ч. дружины, по свидѣтельству Нестора, а тогда онъ шелъ съ намѣреніемъ основаться тамъ и конечно долженъ былъ взять съ собою больше войска, чѣмъ въ первый разъ, когда не могъ еще имѣть видовъ на какое-нибудь прочное завоеваніе. Что дружина была малая, слѣдуетъ непременно и изъ того, что она пустилась въ Болгарію на судахъ, а возвратиться могла «вборзъ», на коняхъ.—Взяла ли она себѣ лошадей на суда, или добыла ихъ себѣ въ Болгаріи, рѣшить трудно, хотя последнее гораздо вѣроятнѣе: въ первомъ сраженіи, при высадкѣ, мы видимъ у Русскихъ, суда по описанію Льва Діакона, только пѣший строй; но въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ у нихъ является уже и конница; на картинкахъ Болгарскаго перевода Манассія Русскіе изображены конными.—Левъ Діаковъ, съ громаднымъ

Дуная (въ августъ 967 г.), и сталъ у берега. Болгаре выдвинули противъ него 30,000 войска. Смѣло выходя изъ судовъ, держа передъ собою щиты, Русскіе бросились на нихъ, взяли ихъ на мечи ⁶⁾. Болгаре дрогнули и побѣжали. Они заперлись въ Дерстръ (древнемъ Дористоль; теперь Силистрин). — «Говорятъ, что это неожиданное бѣгство до того огорчило государя Болгарскаго Петра, человека богобоязливаго и достойнаго, что онъ пораженъ былъ падучею болѣзнію, и жилъ уже недолго»: такъ повѣствуетъ Византійскій летописецъ.

Быстро овладѣвъ Святославъ сѣверною, при-Дунайскою частью Болгаріи. Онъ вошелъ въ Дерстръ ⁷⁾; онъ взялъ городовъ

преувеличеніемъ, обычнымъ Византійскимъ историкамъ, насчитываетъ у Святослава 60,000 войска, но нелѣпость его показанія видна уже изъ того, что не смотря на десятки тысячъ людей, которыхъ Русскіе, въ его рассказъ, теряютъ въ каждой битвѣ, та же самая цифра 60-ти тысячъ является у Русскихъ опять въ концѣ войны съ Цимисхіемъ, въ Доростоль, также какъ при первой ихъ высадкѣ. Недовольный еще 60,000-ми, Кедринъ даетъ Святославу 308,000 войска. — См. о разныхъ этихъ цифрахъ, Черткова, Опис. войны Свят., стр. 156 и слѣд.

⁶⁾ Не соответствуетъ ли это атака въ штыки?

⁷⁾ Картинка въ Славянскомъ переводѣ Манасіи въ Ватиканскомъ спискѣ, съ надписью: «идѣ въ дерстръ» (см. Чертк. Опис.)

80 по Дунаю, говоритъ Несторъ, и съѣздить княжить, въ Переяславць (въ Болгаріи было два Прѣслава, или въ Русской Формѣ, Переяслава, Великій Прѣславъ, столичный городъ, въ горахъ Балканскихъ (теперь Эски-Стамбуль, близъ Шумлы) и Малый Прѣславъ, или Переяславецъ, на Дунав⁸⁾: послѣдній сдѣлался главнымъ мѣстопробываніемъ Святослава; въ первомъ еще держался, кажется, Петръ). — Добыча досталась ему огромная; и Никифоръ, кажется, обрадовавшись первымъ его подвигамъ въ Болгаріи, послалъ ему опять богатую плату⁹⁾.

Удивительно, какой легкой успѣхъ имѣлъ Святославъ: однимъ натискомъ онъ покрываетъ большую часть Болгаріи, коренныя ея области. Изнемогла ли уже до такой степени держава Болгарская, что послѣ одной неудачной стычки съ Русскою дружиною, потеряла всякую способность къ сопротивленію? Этого, очевидно, нельзя предполагать. Нѣтъ, Святославъ долженъ былъ найти въ самой Болгаріи содѣйствіе. Мы знаемъ, что здѣсь было много людей, счи-

⁸⁾ Положеніе его въ точности неизвѣстно. Если правда, что Русчукъ (иначе Roszig, Orschik, см. Чертк. 189) получилъ, какъ предполагаютъ нѣкоторые, свое названіе отъ Руси, то, быть можетъ, онъ и есть древній Переяславецъ или Малый Прѣславъ, столица Русскаго князя въ Болгаріи.

⁹⁾ Несторъ: съѣде княжа ту въ Переяславци, *емля дань на Грыцьсь*.

тавшихъ Петра незаконнымъ обладателемъ престола ¹⁰⁾, негодовавшихъ на него за дружбу съ Греками и жалѣвшихъ о старыхъ воинственныхъ временахъ Болгаріи. Главою ихъ сдѣлался Шишмагъ (иначе Мокръ ¹¹⁾, одинъ изъ могущественнѣйшихъ бояръ Болгарскихъ, съ своими сыновьями. Они-то стали теперь ¹²⁾, по словамъ Кедрина, замышлять переворотъ и мутить народъ Болгарскій. Эти люди и помогали безъ сомнѣнія, Святославу, видя въ немъ не завоевателя Болгаріи, а удалаго дружинника, который былъ призванъ про-

¹⁰⁾ См. предыдущее письмо. Петръ былъ младшій сынъ Симеона: оттого возстанія старшихъ братьевъ.

¹¹⁾ Греческіе летописцы не приводятъ имени этого боярина, отца славнаго царя Самуила Болгарскаго и его несчастныхъ братьевъ. Анна Комнина называетъ его *Μόκρος*: стр. 343. *Μόκρος ο τῶν Βουλγάρων βασιλεὺς καὶ οἱ ἐξ ἐκείνου γενόμενοι καὶ προσέτι γε Σαμουήλ ὁ τελευταῖος....* Въ одномъ Далматскомъ памятникѣ 994 года (farlati, III, 111), гдѣ говорится о томъ же царѣ Болгарскомъ Самуилѣ-Стефанѣ, отецъ его названъ Шишманомъ: *probum dominum Christicolam justum Sismanum Imperatorem* (объ этомъ свидѣльствѣ мы скажемъ въ послѣдствіи).

¹²⁾ Кедринъ именно связываетъ эти волненія съ временемъ смерти Петра, но ошибочно относитъ ихъ, какъ и самую смерть Петра, къ 963 г., тогда какъ достоверно извѣстно, что Петръ былъ еще живъ при первомъ походѣ Святослава, въ 967 и 968 г.

тивъ Петра и котораго можно было, поэтому, употребить для его низверженія.

Дѣйствія Святослава въ Болгаріи были, по необходимости, совершенно противоположны первоначальной цѣли его предпріятія. Никифоръ звалъ его, какъ союзника, чтобы приготовить Грекамъ завоеваніе Болгаріи, а онъ поднялся въ походъ уже тайнымъ врагомъ Никифора, соумышленникомъ Калокира; и вотъ, пришедши въ Болгарію, онъ не только не дѣйствуетъ въ видахъ Никифора и Византійской политики, но является противникомъ той стороны, которая была у Болгаръ всегда наиболѣе склонна къ Грекамъ, и поборникомъ заклятыхъ враговъ Византіи. Вдругъ, мы видимъ, и Никифоръ перемѣняетъ всю свою политику. Ссора его съ Петромъ была поводомъ призванія Святослава; теперь онъ не медлитъ: послы его ѣдутъ къ Петру, обращаются къ нему ¹³⁾ именемъ единства вѣры, исповѣдуемой Греками и Болгарами, заключаютъ съ нимъ союзъ, просятъ у него руки двухъ Болгарскихъ царицъ для сыновей покойнаго императора Романа ¹⁴⁾, условливаются съ нимъ о помощи противъ Руси, возвращаются въ Константинополь съ царевнами, съ сыновьями Петра, Борисомъ и Романомъ, съ Болгарскими заложниками ¹⁵⁾;

¹³⁾ См. Льва Діакона, стр. 79.

¹⁴⁾ Василія и Константина, еще отроковъ.

¹⁵⁾ По ошибкѣ Латанскаго перевода Кедрина, большая часть новѣвшихъ писателей говорятъ, что заложниками были сами Борисъ и Романъ;

а самъ Никифоръ въ это время готовится къ войнѣ съ Русью, обучаетъ войско, вооружаетъ новую тяжелую конницу, всю покрытую броней ¹⁶⁾, укрѣпляетъ Константинополь и Босфоръ.

Предстоитъ великая борьба. Зиму 967 года Святославъ провелъ на Дунаѣ, въ Переяславцѣ; въ слѣдующемъ году ему необходимо будетъ идти на Петра, въ глубь Болгарин. Какъ поставитъ онъ себя тогда въ отношеніи къ Болгарскому народу? Скажетъ ли онъ сѣло Болгарамъ: «ваши правители передались врагамъ вашимъ, Грекамъ: я вашъ князь, вашъ другъ и защитникъ; вы не будете данниками Грековъ: вамъ будетъ подъ моею державою, какъ другимъ моимъ племенамъ, оборона отъ чужаго насилія, судъ и правда и легкая дань!» Такъ распространялъ Русское государство Олегъ, освобождая Славянъ отъ дани Хазарской, устанавливая надъ ними непристрастную

но въ Греческомъ текстѣ сказано: *σπονδαίς...* *Ἔστι (Πέτρος), ἀμύρου δούε καὶ τοὺς οἰμείους δύο υἱοὺς Βορίσην καὶ Φομανόν;* заложники были особые, а сыновей Петръ послалъ въ Константинополь для большаго скрѣпленія связей, и вѣрно также для ученія: такъ и Борисъ I посылалъ туда Симеона.

¹⁶⁾ Это отборное войско потомъ окончательно устроилъ Цимисхій, который, кажется, воспользовался мыслью Никифора, и изъ тяжелой конницы, имъ вновь вооруженной, образовалъ свой знаменитый полкъ «безсмертныхъ.»

власть, налагая «легкую дань» ¹⁷⁾. Или скажетъ Святославъ своей дружинѣ: «это земля наша, покоренная», и станетъ «примынять имѣнія» съ дружиною, какъ «примынялъ» Игорьъ у Древянъ? Къ несчастію, Святославъ не былъ государственный строитель, какъ Олегъ; онъ наследовалъ все пристрастіе отца своего къ дружинѣ, и только отличался отъ Игоря дивными подвигами мужества. Пришедши въ Болгарію для того, чтобы поживиться тамъ съ дружиною, съ перваго шагу пустивши дружину грабить и разорять, онъ уже не въ силахъ былъ остановиться на этомъ пути. «На другой годъ (послѣ перваго нашествія на Болгарію), Русскіе вторично, говоритъ Кедришъ, пошли войною на Болгарь, и также жестоко съ ними поступали, какъ въ первый разъ, если не хуже еще.» — Выразительна приписка Болгарскаго переводчика одной древней Византійской хроники, при повѣствованіи о Никифорѣ: «при семъ Никифоръ царь плѣнила Русь Болгарскую землю дважды въ два года, какъ царь Никифоръ извелъ на нее Святослава» ¹⁸⁾; и при этомъ

¹⁷⁾ Несторъ, стр. 10: иде Олегъ на Сѣверяны, и победи Сѣверяны, и възложи на нь дань легку, и не дасть имъ Кезаромъ дани платити, рекъ: азъ имъ противель, а вамъ нечему (т. е. а вамъ нисколько не противникъ).

¹⁸⁾ При семъ Никифоръ брѣ плѣниши Русь Болгарскую земля по дваъ въ дваю лѣтъ. брѣши Ники-

переводчикъ изображаетъ намъ въ двухъ картинкахъ «Русскимъ племъ еще на Българь»: на одной скачуть всадники, покрытые щитами и кольчугами, съ длинными копьями, иные съ лукомъ и стрѣлами, передъ ними бѣгущіе, одинъ отстрѣливается, вокругъ мертвыхъ тѣла, отрубленныя головы; на другой картинкѣ тѣ же всадники въ кольчугахъ гонять стадо быковъ и барановъ¹⁹⁾. Вотъ какимъ образомъ Святославъ дѣйствовалъ въ Болгаріи!

Это вело неминуемо къ общему возстанію Болгарь и къ союзу ихъ съ Греками. Но тутъ пришла къ Святославу вѣсть изъ Кіева, что Печенѣги чуть не взяли Русской столицы: «да и оиять насъ возьмутъ-говорили посланные, если ты не пойдешь, не оборонишь насъ, коли не жаль те, бѣ отчины своей, матери старой и дѣтей своихъ!» Услышавъ это, продолжаетъ Несторъ, Святославъ быстро сѣлъ на коней съ дружиною и пришелъ въ Кіевъ, цѣловалъ мать и дѣтей своихъ, и пожалѣвъ о случившемся; и собралъ онъ войско (онъ привелъ съ собою одну дружину, а теперь призываетъ земскую рать, *воевъ*, противъ земскаго врага), и прогналъ Печенѣговъ въ поле (въ степь).....»

Своею политикою Святославъ лишилъ себя,

Формъ издѣніе Святослава на ии. См. Черткова, о переводѣ Манассиной летописи, 114.

19) Снимки приложены къ Описанію войны Свят., Черткова.

собственно, возможности успѣха въ Болгаріи; но могъ ли онъ рѣшиться оставить ее, отдать безъ боя? Чувство чести, самолюбіе этого не позволяло. Идя въ Кіевъ, онъ уже думалъ о возвращеніи на Дунай.— Въ Болгаріи, между тѣмъ, царя Петра не стало: неизвѣстно, умеръ ли онъ еще до ухода Святослава, или вскорѣ потомъ. Сыновья его находились въ Константинополѣ, и Болгарія осталась безъ государя. Сторона боярина Шишмана провозглашаетъ теперь новый порядокъ вещей; Шишманъ объявленъ царемъ²⁰⁾; вся Болгарія возмущена. Устрашенный императоръ спѣшитъ отправить въ Болгарію Бориса и Романа, въ надеждѣ, что они остановятъ торжество враговъ Византіи; часть народа, кажется, и признаетъ ихъ тотчасъ; но они, безъ сомнѣнія, не могутъ вдругъ положить конецъ безпорядку и смутамъ.

²⁰⁾ Кедринъ не говоритъ, чтобы Болгарскій бояринъ, отецъ Самуила и его братьевъ, былъ действительно провозглашенъ царемъ, но ясно свидѣлствуютъ о томъ Далматская запись 994 года и Анна Комнина (см. выше, 11). Провозглашение его могло бы имѣть мѣсто или въ 968 г., послѣ смерти Петра, или въ 978 г., при возстаніи Болгаръ послѣ смерти Цимисхія; но при этомъ возстаніи, Шишмана уже не было въ живыхъ (какъ видно изъ рассказа Византійцевъ),—онъ былъ убитъ своимъ сыномъ Самуиломъ; при самомъ началѣ возстанія являются уже только сыновья его. Потому мы и относимъ провозглашеніе Шишмана къ первому междуцарствію въ Болгаріи, въ 968—969 г.

Черезъ годъ (лѣтомъ 969 г.)⁸¹⁾ Святославъ съ дружиною возвращается въ Болгарію. Теперь ужъ онъ не союзникъ Грековъ и также не помощникъ недовольныхъ Болгарь; онъ не скрываетъ своей цѣли: «онъ смотритъ на Болгарію, какъ на свою добычу, которую взялъ копьемъ», говоритъ Византіецъ, *ὡς δορικτήτου κτήματος*, — и онъ пришелъ владѣть своею добычей. — Въ первый разъ Бол-

⁸¹⁾ Второй походъ Святослава обыкновенно относить къ 970 г.; но онъ могъ отправиться изъ Кіева не раньше весны и прибыть въ Болгарію только лѣтомъ: сбыточное ли дѣло, чтобы онъ въ два-три мѣсяца прошель всю Болгарію отъ Дуная, взялъ Переяславецъ и Великій Переяславъ, подчинилъ себѣ враждебную страну, перешель Балканы, овладѣлъ Филиппополемъ и достигъ Адрианополя, гдѣ онъ, — это достоверно, — нахотился осенью 970 года. Нѣтъ, пустившись въ первый походъ въ началѣ 967 г., прибывъ въ Болгарію лѣтомъ, проведя зиму въ Придунайскихъ городахъ, въ началѣ 968 года предпринявъ набѣгъ внутрь Болгаріи, онъ въ концѣ этого года возвратился на-легкѣ въ Кіевъ; зимою 968 — 969, собралъ тутъ войско, раннею весною 969 прогналъ Печенѣговъ въ степь, и тогда же, тотчасъ послѣ смерти матери (какъ и свидѣтельствуетъ Несторъ), отправился съ дружиною въ Болгарію; вторую половину 969 г. употребилъ на завоеваніе ближайшей части Болгаріи, а весною 970 переступилъ Балканы (походы черезъ нихъ предпринимались всегда именно въ эту пору года, какъ видно изъ всѣхъ войнъ между Болгарами и Греками).

гарія далась ему легко, почти безъ боя, теперь противъ него стоитъ весь народъ Болгарскій. «Пошелъ Святославъ къ Переяславцу, такъ повѣствуетъ Несторъ, и затворилися Болгаре въ городъ. И вышли Болгаре на съчу противъ Святослава, и была съча великая; и одолѣвали Болгаре; и сказалъ Святославъ воинамъ своимъ: ужь намъ здѣсь пасть; *потянемъ мужески*, братья и дружина! И къ вечеру одолѣлъ Святославъ, и взялъ городъ копьемъ, т. е. приступомъ.» Знаменательна эта первая встрѣча. — Не одинъ разъ долженъ былъ Святославъ сражаться съ Болгарами, — и побѣда оставалась за нимъ ²²⁾. Наслѣдники Болгарскаго престола, Борисъ и Романъ, попались въ его руки. Крѣпко захватилъ онъ страну въ свою власть, пишетъ Левъ Діаконъ, и держалъ ее силою страха. — Въ Великомъ Переяславѣ онъ оставилъ своего дядьку, стараго Варяга Свѣнelda, съ частью дружины сторожить дворецъ и казну царей Болгарскихъ и плѣннаго Бориса, а самъ пошелъ впередъ. Нужно было довершить завоеваніе Болгаріи, покорить «загорныя» области: Святославъ переходитъ Балканы (970). Онъ беретъ присту-

²²⁾ Что Святославъ въ это время, т. е. передъ объявленіемъ войны съ Греками, выигралъ несколько сраженій надъ Болгарами, видно изъ словъ Льва Діакона, стр. 105: *Ὁ δὲ Σφενδολάβος, ταῖς κατὰ τῶν Μυρῶν νίκαις ἐπὶ μέγα αἰρόμενος..... ἤδη γὰρ τὴν χώραν βαβαίος ἐκέκτητο* — и проч.; но подробностей онъ не рассказываетъ.

помѣ Филлиппополь, крайній на югъ городъ Болгарскій. «Увѣряють, что онъ здѣсь велѣлъ посадить на колъ 20,000 человекъ, захваченныхъ въ городъ, и этимъ ужаснымъ поступкомъ смирилъ всѣхъ Болгаръ, которые еще сопротивлялись»: такъ рассказываетъ Левъ Діаконъ; числу 20,000, разумѣется, нельзя вѣрить: по обычаю Византійскихъ писателей, оно страшно преувеличено; но мы видимъ, къ какимъ мѣрамъ Святославъ долженъ теперь прибѣгать.

Святославъ прошелъ побѣдителемъ всю Болгарію. Онъ стоялъ уже на границахъ Византійской имперіи. Война была неизбежна. Это понималъ и Святославъ, и Іоаннъ Цимисхій, который въ концѣ 969 г. овладѣлъ Цареградскимъ престоломъ, убивъ Никифора. Цимисхій былъ храбрый боецъ и великій полководецъ; но онъ страшился этой войны и старался выиграть время; ибо имперія была тогда въ самомъ трудномъ положеніи: внутри голодъ отъ трехлѣтняго неурожая, извнѣ война съ Арабами Африканскими и Сирійскими. Цимисхій открылъ переговоры, просилъ Святослава взять дань, обѣщанную Никифоромъ «за низверженіе Болгаръ», и оставить Болгарію²³). Святославъ

²³) Къ этимъ переговорамъ относится прекрасное повѣствованіе Нестора о подаркахъ, посланныхъ Цимисхиемъ Святославу и объ его желаніи помириться съ Русскимъ княземъ. Только онъ не точно рассказываетъ объ этомъ *посль* битвы Святослава съ Греками (подъ Адрианополемъ)

не желалъ тянуть дѣла: онъ требовалъ выкупа за всѣ города Болгарскіе, какого императоръ дать не могъ; «а то цуетъ Римляне убѣраются изъ Европы, которая ужъ не принадлежитъ имъ, говорилъ онъ, и переправляются въ Азію.» Наступила роковая борьба для Святослава; исходъ былъ неминуемый: Святославъ соединилъ противъ себя, съ стройными легіонами имперіи, всю силу разъяреннаго народа Болгарскаго, и стоялъ одинъ, во враждебной землѣ, съ своею дружиною. Съ невольнымъ участіемъ будемъ мы слѣдить за паденіемъ этой чудной дружины витязей, которая навлекла на себя гибель, неправедно польстившись на обладаніе цѣлымъ народомъ.

Святославъ сознавалъ недостаточность своихъ средствъ: у него было всего 10,000 человекъ Русской дружины, говоритъ Несторъ. Готовясь къ войнѣ съ Цимисхемъ, онъ составилъ вспомогательное войско изъ Болгаръ; онъ призвалъ отряды Печенѣговъ и Мадьяръ, которыхъ легко было нанять и привлечь надеждою на добычу. Отчего, вмѣсто этихъ неблагонадежныхъ союзниковъ, не

и разоренія имъ Греческихъ городовъ. Такая неточность не удивительна: прошло болѣе ста лѣтъ со времени Святослава, когда Несторъ писалъ объ немъ, и онъ писалъ только по слышкѣ. Скорѣе можно удивляться характеристической вѣрности всѣхъ подробностей его разказа, его согласію съ повѣствованіемъ Византійцевъ современниковъ Святослава и Цимисха.

взялъ онъ съ собою Славянскою ратью изъ Руси? Или трудно было вести ее такъ далеко? Но Олегъ водилъ Славянскую рать на Царьградъ. Или Славянскія племена, управление которыми Святославъ, впрочемъ, сложилъ съ себя и поручилъ своимъ сыновьямъ, отказались бы отъ участія въ походѣ, предпринятомъ для частной выгоды дружины и ея князя? Читая Несторово сказаніе, какъ будто чувствуешь, что Русская земля неблагодарно смотрѣла на войну Святослава въ Болгаріи. — Съ своей стороны Цинискій готовился къ борьбѣ, со всею послѣдностью стянулъ къ Босфору и перевелъ въ Европу войска изъ Малой Азіи, устроилъ ихъ, учредилъ подвозъ продовольствія, вооружилъ и усилилъ флотъ, образовалъ новую, отборную рать, полкъ «безсмертныхъ»; отъ самъ долженъ былъ вести всѣ эти силы сѣдующею весною (971 года); а между тѣмъ (осенью 970 г.) онъ послалъ впередъ военачальника Варду съ сильнымъ отрядомъ, чтобы стать на границѣ Имперіи и во время зимы удерживать вторженія Русскихъ. Но Святославъ предупредилъ Варду и былъ уже подъ Адрианополемъ, съ 30,000 человекъ. Варда заперся въ городѣ. Греческіе летописцы увѣряютъ, что это была военная хитрость: онъ хотѣлъ утомить Святослава и тогда уже напасть на него. Во всякомъ случаѣ, съ своими малыми силами Святославъ не могъ предпринять осаду города, который съ трудомъ брали огромныя войска Крума и Симеона. Долго стоялъ онъ подъ Адрианополемъ, и порядокъ

у него все болѣе и болѣе разстраивался. Наконецъ Варда рѣшился наступать. Онъ выслалъ конный полкъ, чтобы заманить Святослава. Войско Святослава стояло тремя отрядами: Русскіе съ Болгарами особо, Мадыре особо, Печенѣги особо. Греческая конница набѣжала на Печенѣговъ и поскакала назадъ. Печенѣги погнались за нею. Вдругъ явился передъ ними Варда съ цѣлою ратью. Печенѣги бѣжали разбитые и скрылись подъ защиту Святослава. Святославъ стоялъ готовый къ бою, «и хотя пораженіе Печенѣговъ смутило Русскихъ, говоритъ Кедринъ, однако, перекликнувшись и ободривъ другъ друга, припявъ въ свои ряды и прибѣгавшихъ съ разныхъ сторонъ Печенѣговъ, они двинулись впередъ.» Какъ хороши у Нестора эти слова, которыми Русскіе «перекликнулись и ободрили другъ друга»: Поиде Святославъ на Греки, и изидоша (т. е. Греки) противу Руси. Видѣвше же Русь убояшася зѣло множества вой; и рече Святославъ: «уже намъ нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу: да не посраммъ земль Рускѣ, но ляжемъ костьми! мертвыи бо, срама не имамъ, аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ, ни имамъ убѣжати ²⁴⁾; но станемъ крѣпко, азъ же предъ

²⁴⁾ Въ Исторіи Россіи г. Соловьева эти слова Святослава переведены не совсѣмъ вѣрно (какъ и рѣчь присланныхъ къ нему изъ Кіева вѣстниковъ). Точный смыслъ этихъ словъ вотъ какой:.... «ляжемъ костьми: мертвыи, намъ срама не будетъ; если же побѣжимъ, будетъ срамъ,

вами понду, аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою»; и рѣша воц: «идѣже глава твоя, ту и свои главы сложимъ.» И исполнишася Русь, и бысть съча велика..... Быда съча великая; сперва понѣслась на Грековъ конница Святославова, за нею пошла пыщяя рать; конница быда отбита, вернулась, собралась опять, и во второй разъ уже выдержала натискъ Грековъ. Какой былъ исходъ сраженія? Долго бой былъ равный, сознается Греческій летописецъ, но подъ конецъ, говорить онъ, самъ военачальникъ Варда такъ удачно разрубилъ пополамъ однимъ ударомъ великана Русскаго, а братъ его Константинъ задушилъ другаго, сбитаго цмь съ коня, что Русскіе испугались и побѣжали, и потеряли нѣсколько тысячъ чловѣкъ, а Римляне потеряли всего 25 чловѣкъ убитыми, тогда какъ всь у нихъ были переранены: нелѣпость всего этого показываетъ, что побѣда — хвастовство Грековъ. Несторъ утверждаетъ, что одолѣлъ Святославъ. Дѣло въ томъ, кажется, что побѣда была ничья, — хотя при несомнѣнномъ численномъ превосходствѣ непріятели, слава битвы осталась безспорно за Русскими, — но что Святославъ увидѣлъ невозможность съ своими средствами держаться такъ близко къ ередотонію Греческихъ силъ, и отступилъ отъ Адрианополя. Въ этомъ согласны и Не-

---

да и не убѣжимъ (т. е. все-таки не уйдемъ отъ непріятели): станемъ же крѣпко» и проч.

сторъ²⁵⁾ и Византійскіе историки. Черезъ нѣсколько времени однако Цимисхій при-
нужденъ былъ послать Варду съ большою
частью войскъ въ Малую Азію, противъ
возмутившагося вельможи (Фоки). Тогда
Святославъ велѣлъ опять наступать: войска
его стали вторгаться даже въ Македонію²⁶⁾;
простирали набѣги къ самому Цареграду,
«воюя и грады разбивая», и «безъ малата»
не доходили до столицы. Оставшіеся въ
Македоніи легіоны не смѣли показываться
передъ Русскими. Самого Святослава тутъ
не было²⁷⁾: между тѣмъ какъ передовые
его полки (вѣроятно по преимуществу на-
емники, Печенѣги и Мадъяре) грабили та-
кимъ образомъ Греческія области, между
тѣмъ какъ Свѣнелдъ съ Русскимъ отря-
домъ занималъ Прѣславъ, въ высотахъ Бал-
кана, князь съ большою частью дружины
находился на Дунаѣ, то въ Переяславцѣ, то
въ Дерстрѣ: опъ хотѣлъ собрать новыя
средства, призвать новую дружину изъ Руси.
Такъ распределены были его силы, когда
наступила весна 971 года.

Цимисхій успѣлъ справиться съ внутрен-
ними врагами: Сдѣлавъ смотръ войскамъ и
флоту, отслуживъ молебенъ, онъ двинулся

²⁵⁾ «Взратися въ Переяславце съ похвалою во-
ликою.» Въ порядкѣ повѣствованія у Нестора
нѣкоторая неточность, о чемъ сказано выше.

²⁶⁾ Левъ Діаконъ, стр. 126, и сравн. Нест. 30.
«и пади Святославъ на Граду, воюя и проч.»

²⁷⁾ Это явствуетъ изъ повѣствованія Льва Діакона.

къ Адрианополю; флотъ попалъ къ устью
днѣ Дунай.

Въ Адрианополь былъ главный сборъ
Цимисхій перешелъ въ Болгарію. Подходя
къ Балканамъ, онъ узналъ, что книсуры
(горныя проходы)²⁸⁾ не заняты. Куда двига-
лась передовая рать Святослава? Была ли
она отрубана Цимисхіемъ и осталась въ сто-
роне? или бѣжала и не остановилась въ кн-
сурахъ? была ли измѣна противъ Русскихъ?
Греческіе вожди не вѣрили, чтобы ушелья
могли быть не заняты и боялись пуститься
въ нихъ. «Идемъ!» сказалъ Цимисхій, и въ
блестящихъ золотомъ доспѣхахъ, на легкомъ,
чудесномъ скакунѣ, съ длиннымъ копьемъ
на плечѣ, пославъ впередъ свой полкъ «без-
смертныхъ», вступилъ въ горы. За нимъ
шло 15,000 отборной пѣхоты, 13,000 кон-
ницы, позади слѣдовало тяжелое войско съ
припасами, осадными орудіями и прочимъ
обозомъ. Мы не пришли покорять Болгарію,
мы пришли освободить Болгарь, Болгаре
намъ друзья, мы воюемъ только съ Рус-
скими! такъ объявлялъ онъ повсюду. Без-
прятственно достигъ онъ Прѣслава. «Рус-
скихъ испугало, пишетъ Византіецъ, не ожи-
данное приближеніе Цимисхія; они посѣши-
по взяли за оружіе, вышли на встрѣчу
Римлянамъ, рыкалъ какъ звѣри, и выстрои-
лись, крѣпкими рядами, на полѣ передъ

²⁸⁾ Цимисхій шелъ черезъ Балканъ, въроят. о по
теперешней военной дорогѣ изъ Адрианопля
въ Шушулу.

городомъ. Римляне сразились съ ними храбро; былъ равный бой; наконецъ императоръ велѣлъ «безсмертнымъ» нестись вскачь на лѣвое крыло Русскихъ съ опущенными копьями, и Русскіе не выдержали, разстроились, побѣжали и заперлись въ городъ.» Черезъ нѣсколько дней подошла тяжелая рать. Назначенъ былъ приступъ. Русскіе крѣпко бились изъ-за зубчатой стѣны, но ихъ поражали камнями изъ орудій; наконецъ придвинуты были лѣстницы. Приступъ былъ сильный и удачный. Сбитые со стѣвъ, Русскіе заперлись въ обширномъ и крѣпкомъ дворцѣ Болгарскихъ царей. Греки ворвались въ городъ, бросились избивать попадавшихъ Русскихъ и также Болгаръ, изъ которыхъ многіе сражались въ Русскихъ рядахъ, грабить богатства Прѣславскія. Борисъ, законный владѣтель Болгаріи, достался во власть Грековъ. Императоръ принялъ его съ честью, какъ государя Болгарскаго, повторяя, что воюетъ только противъ Русскаго князя.

Свѣнельдъ съ дружиною сидѣлъ во дворцѣ; одна маленькая дверь оставалась открытою: Греки стали входить туда одинъ за однимъ, ища добычи, Русскіе схватывали и били ихъ, и убили человекъ до 150. Тогда только узналъ Цимискій, какой здѣсь еще готовился отпоръ. Онъ окружилъ дворецъ войскомъ и приказалъ овладѣть имъ; войско не шло: дворецъ казался неприступнымъ. Тогда стали бросать въ него со всѣхъ сторонъ огонь. Строенія загорѣлись. Выгоняе-

мые огнень, Русскіе, среди пожара, выстроились въ серединѣ дворца на площади и стояли крѣпко. Цимисхій велѣлъ теперь Вардѣ войти во дворецъ: «онъ окружилъ Русскихъ фалангою отборнаго войсма, и началась сѣча, и сильно бились Русскіе, не уступая неприятелю; но наконецъ Римляне одолѣли, изрубили ихъ.» Свѣнелдъ съ немногими только пробился и ушелъ къ Святославу. Какъ онъ могъ пробиться черезъ двѣ ограды, дворца и города, занятыхъ неприятелемъ, и черезъ цѣлое войско Цимисхія ²⁹⁾, просто неопытно: Левъ Діаконъ, сохранившій намъ описаніе Прѣславской битвы, къ сожалѣнію, не говоритъ объ этомъ.

Отпраздновавъ въ Прѣславѣ Христово Воскресеніе (7-го апрѣля), Цимисхій двинулся къ Дерстру; ему передавались вокругъ всѣ

²⁹⁾ Удивительный примѣръ безмысленнаго хвастовства Византійскаго представляетъ памъ здѣсь Левъ Діаконъ: забывая то, что самъ писалъ, нѣсколько строкъ передъ тѣмъ, о геройской защитѣ Русскихъ во дворцѣ Прѣславскомъ (*μαρτυρᾶς οἱ Ρᾶς διεμάχοντο, μὴ δύντες ἰδῆτα τοῖς ἐχθροῖς* и пр., стр. 137), онъ теперь говоритъ, что Свѣнелдъ съ немногими «укралъ себѣ спасеніе бѣгствомъ» и ушелъ къ Святославу: но возможность этого бѣгства едва ли не лучше всѣхъ битвъ видѣтельствуется о безпримѣрной отвагѣ Русской дружины и о робости и нерасторопности Грековъ.

города Болгароніе ³⁰⁾, свергнѣ власть Святослава. На самомъ краю Болгаріи, въ Дерстрѣ (Силистріи) готовился Святославъ встрѣтить врага. Здѣсь собралъ онъ остатокъ своего войска: Печенѣговъ и Венгровъ; у него уже не было ³¹⁾ Болгарь ему пришлось обезоружить ³²⁾; оставалась одна Русская, пѣшая дружина. Вокругъ волновался враждебный народъ, угрожая общими возстаніями; Святославъ принужденъ былъ казнить до 300 изъ знатнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ Болгарь, а имѣвшихъ захватить и держать въ плѣну. Цимисхій подходилъ (23-го апрѣ-

³⁰⁾ Лѣтописецъ упоминаетъ именно о двухъ городахъ: Плисковѣ и Диніи: на одной картѣ Болгаріи показана Плиска на югъ отъ Силистріи, по направленію къ Eski-Stamboul (Чертковъ, стр. 199); положеніе Диніи неизвѣстно: имя, кажется, искажено.

³¹⁾ Это видно изъ разсказа Византійцевъ объ оборонѣ Дерстра; они ясно говорятъ, что Святославъ былъ оставленъ всеми окрестными племенами, и что Печенѣги даже находились съ нимъ въ ссорѣ: о послѣднемъ упоминаетъ и Несторъ.

³²⁾ Видя, что Болгаре переходятъ къ императору, говоритъ Левъ Діаконъ, Святославъ велѣлъ убить знатнѣйшихъ, а *все прочее народонаселеніе* связалъ и заключилъ въ темницы: это преувеличенное, по обыкновенію Византійцевъ, до нелѣпности извѣстіе относится, очевидно, къ *обезоруженію* Болгарь Святославомъ: дѣйствительно, въ Дерстрѣ мы уже не находимъ Болгарь въ рядахъ его дружины, какъ подъ Адрианополемъ и въ Прѣславѣ.

ля); Овгтослави вышелъ въ поле: «идать
объ щить, копье, у коня, твердые какъ сте-
на, ожидали Русскіе непріятеля (мы слыду-
емъ расказу Льва Діакона). Цимискій по-
ставилъ на оба крыла тяжелую конницу,
поддержанную стрѣлками и пращниками,
которые должны были осыпать Русскихъ
градомъ стрѣлъ и камней; въ серединѣ сто-
яла пшная рать. Завязался жестокой бой;
Русскіе сражались съ изступленною хра-
бростью, дабы не утратить славы, которую
пріобрѣли побѣдами надъ всеми соедыми
своими; Римляне не хотѣли уступить пѣ-
шему непріятелю, не имѣвшему никакой
конницы; и такъ бились оба войска упорно;
Русскіе бросаясь на Римлянъ съ звѣрскимъ
неистовствомъ и крикомъ, Римляне пользу-
ясь противъ нихъ воинскимъ искусствомъ и
опытностью. До 12 разъ, говорятъ, уступа-
ла попеременно то одна сторона, то другая.
Наконецъ, уже подъ ночь, императоръ на-
правилъ страшный натискъ конницы, устре-
мивъ въ то же время общее движеніе пѣ-
шаго строя; Русскіе подались и были во-
гнаны въ городъ.»

Тогда Цимискій занялъ холмъ, возвыша-
ющийся передъ Дерстромъ, устроилъ здѣсь
станъ и обвелъ его валомъ и окнами; Тутъ
сталъ онъ дожидать флота, а между тѣмъ
къ нему приходили посланные отъ разныхъ
городовъ Болгарскихъ, Константиі (что те-
перь Кюстенджи) и др., съ объявленіемъ о
сдачѣ. Наконецъ подъѣхали страшные для
Русскихъ корабли съ Греческимъ огнемъ и

суда, нагруженные продовольствіемъ для войска. Русскіе принуждены были подвести свои лады подъ самую стѣну города. Началась осада, и длилась она безъ малаго три мѣсяца. Русскіе страшно страдали отъ голода; они были оставлены всѣми окрестными «варварами», говоритъ лѣтописецъ. Святославъ окопалъ весь городъ глубокимъ ровомъ, впереди стѣны. Часть дружины своей посадилъ онъ на копей, но конница была плохая. Не разъ выходилъ онъ въ поле передъ непріятельскій станъ, и храбро бился Русскіе; не разъ пытались они дѣлать тайныя вылазки, чтобы добыть продовольствія. Однажды (19-го іюня) они бросились на осадныя орудія Грековъ; родственникъ императора, Іоаннъ Куркуа, который охранялъ ихъ, палъ въ бою, Русскіе одержали совершенную побѣду и водрузили на городской башнѣ голову убитаго вождя: «такъ, прибавляетъ лѣтописецъ, Куркуа былъ наказанъ за святотатство: говорятъ, что онъ въ Болгаріи разорилъ многія церкви и употребилъ въ свою пользу священныя ризы и сосуды.» Но на другой день, въ такой же вылазкѣ, Русскіе потеряли одного изъ лучшихъ своихъ витязей, Икмора. «По рядамъ ихъ пробѣжалъ воишь горести, Греки напали стремительно, и Русскіе, закинувъ свои огромныя щиты за спину, возвратились въ городъ, оставляя на полѣ много убитыхъ, даже женщинъ, которыя въ мужскомъ одѣнніи храбро сражались въ ихъ строю. — Ночью, при свѣтѣ полной луны, вышли они

на поле битвы, собирать тѣла, и сожгли ихъ передъ городскою стѣною, на кострахъ, зарѣзывая и сожигая вмѣстѣ съ ними многихъ плѣнныхъ, мужчинъ и женщинъ; также совершивъ жертвоприношенія, душили грудныхъ младенцевъ и пѣтуховъ и погружали въ волнахъ Дуная.»

Все было противъ Святослава, говорить лѣтонисецъ: Русь была далеко, окрестные народы не хотѣли помогать ³³⁾; не было продовольствія; всѣ пути вокругъ города были заняты императоромъ; въ Римскій же ставъ со всѣхъ сторонъ стекалось всякое добро, безпрестанно подходили свѣжія войска. Нельзя было Русскимъ уйти на ладьяхъ, ибо на Дунай сторожилъ Римскій флотъ. Святославъ созвалъ дружину на совѣщаніе. Вожди совѣтовали стараться уйти тайкомъ. Святославъ желалъ еще разъ помѣряться силами съ противникомъ, и дружина согласилась. 22-го іюля утромъ Русскіе выходятъ изъ города и запираютъ за собою ворота; начинается сраженіе; бой длится до полудня: въ полдень императоръ отводитъ утомленные полки, замѣняя ихъ новыми, а потомъ ведетъ опять въ дѣло отдохнувшихъ людей; Русская рать все время стоитъ одна и не колеблется; напротивъ, непріятельскій строй, видитъ она, поколебался: императоръ приказалъ легионамъ отступить и развер-

³³⁾ Сравни слова Святослава у Нестора: «а Руска земля далеча, а Печенѣзи съ нами ратьни, з кто ны поможетъ?.....»

нуться на мѣсть болѣе просторномъ; Русскіе бросаются за ними, какъ за бѣгущими; многіе окружены и гибнутъ, но бой и на новомъ мѣстѣ продолжается равный; императоръ посылаетъ полки въ обходъ, они отражены Святославомъ; лучший витязь всего Греческаго войска, Атема, сынъ бывшаго эмира Критскаго, убитъ; Римляне уже начинаютъ подаваться назадъ, но божественная помощь хранитъ ихъ: поднялся вихрь и пошла пыль столбомъ на Русскихъ, слѣны глаза изнуреннымъ бойцамъ; а христіане видятъ въ своихъ рядахъ чуднаго мужа на блѣдомъ конѣ, Великомученика Теодора, поборающаго за нихъ. Русскіе скрываются въ городъ, потерявъ огромное число убитыми, израненные почти всѣ до одного.

Но тяжелый былъ тотъ день и для Грековъ. Святославъ посылаетъ просить мира, и Цимисхій «съ радостью³⁴⁾» соглашается. Условія постановлены: Русскіе отдадутъ Дерстръ и всѣхъ своихъ плѣнныхъ, очистятъ Болгарію и возвратятся на родину; императоръ обезпечитъ имъ возвращеніе и снабдитъ ихъ шродовольствіемъ.

Императоръ въ своихъ золоченыхъ доспѣхахъ, окруженный безчисленною конницею, выѣхалъ на берегъ Дуная; къ нему подплываетъ, спускаясь вдоль рѣки, ладья: дружию требуютъ гребцы, и сидитъ на ней человекъ, тоже съ весломъ въ рукѣ, одѣ-

34) Левъ Дианонъ: *ὁ βίβλος προβάλλει πλοῦτος*, стр. 156.

тый, какъ другіе, въ бѣлую одежду, но отличающуюся особенною бѣлыною; средняго роста; широкій грудь, съ соразмѣрными членами; съ голубыми глазами и густыми бровями, съ короткимъ носомъ, рѣдкою бородою и густыми длинными усами, лысый, съ клоками длинныхъ волосъ на вискахъ; съ серьбою въ одномъ ухѣ, — это Святославъ. На лицѣ его видна была печаль и гнѣвъ. Онъ сказалъ нѣсколько словъ императору, сидя на скамьѣ лавы, — и оставилъ Болгарію.

Цѣль, которую предназначалъ еще императоръ Никифоръ, была достигнута. Болгарія, отъ Филиппополя до Дуная, находилась въ рукахъ Византіи. Цимисхій, разумѣется, и не думалъ отдать Болгарамъ ихъ государя, вывести свои войска изъ ихъ городовъ. Сильный гарнизонъ оставленъ былъ въ Дерстрѣ, въ Прѣславѣ; Прѣславъ былъ наименованъ Іоаннополемъ; Болгарія, какъ покрѣпная область, подчинена была Грецкимъ правителямъ. — Цимисхій возвратился въ Цареградъ; онъ везъ съ собою Болгарскихъ царевичей. Передъ стѣнами столицы встрѣтилъ побѣдителя ликующій народъ; подносятъ драгоценныя вѣнки и жезлы; ему подвели колесницу, окованную золотомъ, запряженную бѣлыми конями, но онъ не хотѣлъ вступить на триумфаторскую колесницу, а поставилъ на ней, на золотомъ сидѣлицѣ, икону Богоматери съ Младенцемъ Іисусомъ, взиравшую и въ Болгарію, и сложилъ у подножія иконы *бѣльгии* (укра-

шенія) Болгарскихъ царей. За колесницею вхалъ онъ самъ верхомъ, въ вѣнкъ и съ жезломъ, облеченный въ багряницу. И такъ направился онъ, черезъ блестящія торжественнымъ убранствомъ улицы города, къ храму Св. Софїи, и въ немъ посвятилъ Богу первый даръ изъ добычи, — великолѣпный вѣнецъ царей Болгарскихъ. Потомъ вступилъ во дворецъ, и призвавъ Бориса, приказалъ ему сложить съ себя знаки царскаго сана, багряную шанку, украшенную золотомъ и дорогими каменьями, багряную одежду и красные сапоги. Онъ пожаловалъ его саномъ «магистра» имперїи.

Такъ кончился первый рядъ Болгарскихъ государей, преемниковъ Аспаруха и великаго Крума. Последний потомокъ свирѣпыхъ вождей Заволжскихъ Болгаръ-завоевателей, съ покорностью безсилья сложилъ съ себя царскій санъ и принялъ отъ чужаго владителя придворный титулъ. Не войны, не победы враговъ приготовили это паденіе Болгарїи, а внутреннее разложеніе Славянской державы, основанной насиліемъ завоеванія. Орудіемъ же ея низверженія, не по случайному, кажется, избранію судьбы, явился тотъ изъ государей, другой Славянской державы, основанной также военою дружиною, который стремился властвовать съ этою дружиною какъ завоеватель, забывая, что онъ народный государь, добровольно призванный: и дружина эта и князь, пройдя, какъ Божья кара, Болгарїю, сложили тутъ свои головы, кто за Балканами, кто

на Дунай, кто на возвратномъ пути, на порогахъ Днѣпровскихъ; и настала послѣ Святослава новая пора, какъ въ Болгаріи, такъ и на Руси. Русская земля, получивши государственное устройство, избавилась теперь отъ того опаснаго орудія, которое его создало ³⁵⁾, отъ старой Варяжской дружины, среди которой возрастали и жили дотомъ преемники Рюрика. Святославъ былъ послѣдній князь Варяжскій; сынъ его былъ уже въ полномъ смыслѣ народный государь Русской земли ³⁶⁾. Мать уговаривала Святослава креститься: «нѣтъ, говорилъ онъ, дружина *станетъ смѣяться* надо мною;» а Владимира мы видимъ совѣщающимся о вѣрѣ съ боярами и «старцами градскими», сзывающимъ къ себѣ въ гридницу на пирь «сотскихъ и десятскихъ и нарочитыхъ мужей» изъ народа. — Въ Болгаріи Святославъ низвергнулъ и какъ бы стеръ пришлую правительственную стихію, преемницу Аспарухо-

---

³⁵⁾ Послѣ Святослава Русскіе князья посылаютъ, мы видимъ, за море за дружиною, когда она имъ нужна: но дружина эта уже чужая для нихъ, и они стараются отъ нея поскорѣе отдѣлаться. Остается, правда, послѣ Святослава и собственная Русская дружина княжьихъ людей: но какая разница съ прежнею дружиною Варяжскою! Эти князьи люди принадлежатъ къ нагду, земль Русской.

³⁶⁾ Не даромъ память его девятый вѣкъ живетъ въ народѣ.

вой орды; остался одинъ туземный народъ ³⁷⁾. Лишенный своего стараго правительства, народъ этотъ сначала какъ будто не знаетъ, за что взяться; словно руки у него опустились: безъ труда и сопротивленія Цимисхій могъ, такъ сказать, взять и связать его. Но вскорѣ народъ Болгарскій опомнится, и съ неистовою злобою вырвется изъ плѣна, и будетъ онъ пытаться создать себѣ новсе правительство. Но найдетъ ли онъ въ себѣ для него прочное жизненное начало?

---

³⁷⁾ Еще при Петрѣ мы находимъ у Болгарскихъ вельможъ имена Татарскаго корня; послѣ Святс-слава, при Самуилѣ, всѣ имена Болгаръ Славянскія или Волошскія.

П и с ь м о IX.

Исторія Сербовъ въ X вѣкѣ.

Мы прослѣдили судьбу Болгаріи подѣ правленіемъ завоевательной династіи Заволжскаго пришельца Аспаруха и могущественнаго Крума ¹⁾. Съ конца IX вѣка на Болгаріи почти исключительно остановилось наше вниманіе: ибо со времени разрушенія царства Великоморавскаго и перехода въ Болгарію учениковъ Кирилла и Меѳодія, вся политическая дѣятельность и духовная жизнь Дунайскихъ Славянъ была въ ней сосредоточена. Мы видѣли ея возвышеніе, ея процвѣтаніе при Симеонѣ, сынѣ Борисовомъ; мы видѣли, какъ за тѣмъ тотчасъ проявилось внутреннее омертвѣніе и начался упадокъ; мы видѣли, съ какою быстрою паденіе совершилось, какъ, пятьдесятъ

---

¹⁾ Собственные потомки Аспаруха были, мы знаемъ, истреблены въ возстаніи 762 года; но и послѣдующіе государи Болгаріи принадлежали все, какъ извѣстно, къ той же пришлой ордѣ, и изъ среды ея вышелъ Крумъ, знаменитый родоначальникъ Болгарскихъ государей IX-го и X-го вѣка. При всѣхъ переворотахъ, правительство Болгаріи оставалось одно и то же со времени Аспаруха и до сыновей Петра,—правительство пришельцевъ-завоевателей.

лѣтъ спустя послѣ смерти сильнѣйшаго изъ Болгарскихъ царей, жалкіе внуки Симеона, безгласные свидѣтели состязанія между Русскою дружиною и легіонами Византіи за ихъ землю, развѣнчаны были въ чужой столицѣ, чужимъ государемъ, и Болгарія сдѣлалась областью имперіи, недавно еще смиравшей передъ нею свою древнюю гордыню.

Что же происходило въ продолженіе всего этого времени у западныхъ сосѣдей и братій Болгарскаго народа, Славянъ Иллирійскихъ? Оставленные въ сторонѣ и Болгаріею и Цареградомъ, почти забытые всѣмъ окружающимъ міромъ, жили ли они внѣ всякаго общественнаго движенія, жизнью совершенно безцвѣтною, или имѣли свой особый кругъ дѣятельности?

Нѣтъ во всей исторіи Задунайскихъ Славянъ такого темнаго и, можно сказать, глухаго времени, какъ исторія Сербовъ въ послѣднія три четверти X-го вѣка: не сохранилось объ ней никакого достовѣрнаго свидѣтельства, никакого яснаго воспоминанія, нѣтъ для нея надежнаго источника. Насъ покидаетъ Константинъ Багрянородный (онъ писалъ свою книгу «De administrando imperio» около 950-хъ годовъ, умеръ въ 959), и въ немъ мы теряемъ лучшаго, почти единственнаго нашего руководителя въ древней исторіи Иллирійскихъ Славянъ, отъ котораго мы знали всѣ главныя ея событія: приходъ Хорватовъ и Сербовъ изъ-за Карпатъ въ VII вѣкѣ, распредѣленіе ихъ на союзы мел-

нихъ волостей или жупъ подѣ властію верховныхъ жупановъ, постепенное, безкровное утвержденіе у нихъ христіанской вѣры, борьбу Хорватовъ съ Западною имперіею послѣ Карла Великаго, борьбу Сербовъ съ Болгарскими государями Пресямомъ, Борисомъ и Симеономъ во второй половинѣ IX вѣка и въ началѣ X-го, — все это передалъ намъ Константинъ Багрянородный. — Въ какомъ положеніи находилась земля Сербская и Хорватская, когда онъ изображалъ ее и когда прекращается его многозначительный расказъ?

Почти правильный треугольникъ, котораго съверную сторону составляетъ черта отъ Адриатическаго моря у Рѣки (Fiume) ²⁾ черезъ Саву къ Дравѣ и Дунаю; западный бокъ—Адриатическое море до Бара (Антивари) ³⁾; восточный бокъ—черта отъ Савы западнѣ Бѣлграда мимо Расы (Новы-пазаръ) до того же Бара, и южный уголъ ко-

²⁾ Константинъ говоритъ, что Хорватія простиралась по берегу моря на сверь «до предѣловъ Истріи или до крепости *Ἀλβουρον*» (теперь *Albona*): такимъ образомъ она захватывала и небольшой кусокъ Истріи, именно сѣверовосточный край этого полуострова.

³⁾ Дюклея, т. е. южный уголъ Сербской земли, граничила, по словамъ Константина, съ (Греческими) укрѣпленіями, подчиненными Диррахию (Драчу), съ Елиссомъ (теперь Алессіо, или Лешъ), Елкиномъ (Дулциньо или Олгунъ) и Антивари.

торого находится такимъ образомъ въ нынѣшней Черногоріи: вотъ страна Сербовъ и Хорватовъ.—Сѣверная полоса между Дравой и Савой,—прежшее могущественное жупанство Паннонскихъ Хорватовъ, прославленное Людовитомъ и еще въ концѣ IX-го вѣка сильное подъ державою Брацлава, — теперь, разоренная набѣгами сосѣднихъ Мадьяръ, одичала и впала въ безвѣстность; даже христіанство въ ней заглохло ⁴⁾. Восточный ея край между Дунаемъ и Савою издавна подчинился Болгаріи, которая, стоя твердою ногою въ Бѣлградѣ, властвовала и на противоположномъ берегу Савы, въ древней крѣпости Сремъ (у нынѣшней Митровицы). Изъ Срема господство Болгарь распространилось, кажется, когда улеглось волненіе Мадьярскаго нашествія, по всей Савской Хорватіи (что теперь Славонія и Австрійская Кроація), и въ послѣднихъ годахъ X-го столѣтія всѣмъ этимъ обширнымъ краемъ управлялъ Болгарскій воево-

⁴⁾ Занявъ этотъ край (около 1090 г.), король Венгерскій св. Ладиславъ долженъ былъ опять ввести въ немъ христіанство: см. *Andreae II regis Hung. privilegia ecclesiae Zagrabiensis 1217 г.* (у Эдликера, *Mon. Arp.* 409): «*Zagrabiensem episcopatum, ac monasterium Zagrabiense, a s. Ladislao rege.... predecessore nostro constructum, qui terram Slavonie, siue banatum, ab errore idolatrie ad Christi veritatem conuertens, corone Hungarie subiugavit, qui etiam in eodem banatu episcopatum instituit.....*»

да Баянъ ⁶⁾: власть его простиралась до самаго города Модруши, въ земль нынѣшнихъ Хорватскихъ граничаръ ⁶⁾, не въ дальнемъ разстояніи отъ Адриатическаго моря. Въ X вѣкѣ политическое первенство во всей Иллирійской странѣ принадлежитъ, уже болѣе столѣтія (со времени паденія Людевита), Хорватамъ Приморскимъ: земля ихъ, заключенная между Адриатическимъ моремъ и р. Вербасомъ, и простирающаяся, съ сѣвера на югъ, отъ Унны и Савы до Цетины, образуетъ какъ бы малый треугольникъ, вмѣщенный въ большомъ треугольникѣ Славянскаго Иллирика; она раздѣлена на 14 жупъ: изъ нихъ 11 непосредственно подчинены великому жупану, а 3 сѣверныя составляютъ, подѣй верховною его властію, особое банство ⁷⁾. Среди Хорватскихъ

⁶⁾ Объ немъ будетъ сказано подробно въ послѣдствіи.

⁶⁾ Одна древняя Чешская лѣтопись (Chronicon Ortavicense) говоритъ, что св. Войтъхъ (Адалбертъ) «Roma discussisse.... reducem ad suam cathedram Pragensem, ac iter fecisse per Dalmatiam, Liburniam, Croatiam, Hungariam etc. . . . praedicasse Christum Modrusii, quae urbs est Liburniae, desideratum a Bajeno Bulgarorum rege.....» (Farlati, III, 114). Модруша лежитъ въ Огулинскомъ полку Австрійской Краоціи.

⁷⁾ Конст. стр. 145: καὶ ὁ βοάνοϲ αὐτῶν κρατῆι τὴν Κρίβαβαν (гдѣ теперь рѣка Кръбава), τὴν Λιζαν (гдѣ теперь рѣка Лика и Личанскій полкъ) καὶ τὴν Γουτζηκῆ (теперь Гацко поле). Что дѣйствительно здѣсь въ сѣ-

владѣній, но независимыя отъ нихъ, лежатъ старыя Латинскія городскія общины (муниципии): Задръ или Зара, Прогирь, Сплѣтъ, Дубровникъ (Рагуза) и, на островахъ, Велья, Осоръ, Рабъ (Арбе). Приморская Хорватія прошла въ концѣ IX-го и въ началѣ X-го вѣка черезъ эпоху смутъ и междоусобій, въ которую значительно ослабла; она подверглась также опустошительному набѣгу Мадьярской орды; но съ 914 года воцарился въ ней сильный правитель, великій жупанъ Томиславъ: онъ именуется «консуломъ», т. е. представителемъ власти императорской въ провинціяхъ Далматской и Хорватской, а иностранцы уже начинаютъ величать его титуломъ короля⁸⁾. — Земля Сербская, раздробленная на жупы, составляла прежде общій союзъ подъ властію великаго жупана; но во время войнъ и бѣдствій, кончившихся поработеніемъ большей ея части Симеономъ, она

верномъ краѣ Хорватіи, на границѣ Истріи, находилось Хорватское банство, видно изъ приписки къ лѣтописи дожа Дандула, подъ 879 г. (Muratori, XII, 187): Hoc tempore Illicus banus, princeps Sclavoniæ, contra pacis foedera veniens, civitates Istriæ maritimas....flagellavit etc.

⁸⁾ См. Предисловіе къ постановленіямъ Сплѣтскаго собора (Farl. III, 92): Consulatu (т. е. consulatuum) peragente in provincia Croatorum et Dalmatiarum finibus Tamislao rege; письмо папы Іоанна X (тамъ же, 94): Tamislao regi Croatorum.

распалась, и приморскія области совершенно отошли отъ собственной, загорной Сербіи. Тутъ, на берегу Адриатики, мы находимъ въ X вѣкѣ вольную общину Сербовъ-Неретчанъ, воинственныхъ хлѣбопашцевъ и отважныхъ мореплателей, морскихъ разбойниковъ, вѣчно воюющихъ съ Венеціею; да-ле на югъ, княжество или банство Захлумское (Захолмское) подъ управленіемъ давнишняго соперника великихъ жупановъ Сербіи, Михаила Вышевича, друга Симеона Болгарскаго, въ 926 году предпринимава-го смѣлый походъ въ Италію, на берега Апуліи, бравшаго тамъ городъ Сипонто (что теперь Манфредонія ⁹⁾); княжество или банство Травунское, (съ городомъ Требинье, въ нынѣшней Герцеговинѣ), стѣспенное владѣніями Захолмскими и потому поддерживающее древнюю связь съ Сербіею; наконецъ Жупу Діоклейскую (Дуклянскую, иначе Зетскую), около Діоклеи, стариннаго, знаменитаго города Діоклетіанова, (гдѣ нынѣ Подгорица, у границы Черногоріи) и Діоклейская жупа одна во всемъ приморьѣ, по видимому, признавала еще въ это время нѣкогда общую для всѣхъ Сербовъ власть Великожупанскаго рода Властимірова.—За го-

⁹⁾ Главные города Захолмья были Макарска и Стонъ (Stagno) въ южной Далмаціи, Добрско (теперь Добаръ) въ Герцеговинѣ. — О походѣ Михаила смотри Lupi Protospathae Chronicon (Muratori, V, 38): Anno 926 comprahendit Michaël Selabus Sipontum mense Julii.

рами, составляющими водораздѣль береговыхъ притоковъ Адриатики и рѣкъ, направляющихся къ Дунаю, начиналась собственная Сербія, простираясь на сѣверъ до Савы, на западъ до Ибра: въ ту пору, которую изображаютъ намъ современные показанія Константина Багрянороднаго, эта загорная Сербія не имѣла почти историческаго значенія; только въ 934 году выручилъ ее изъ-подъ жестокаго гнета Болгаръ потомокъ древней Властиміровой династии, Чеславъ; но не скоро можно было призвать къ политической жизни разрозненные подъ управленіемъ своихъ мелкихъ жупановъ племена горныхъ пастуховъ ¹⁰⁾: на это нужно было послѣ Чеслава болѣе двухъ еще столѣтій, нужно было, чтобы движеніе пришло извнѣ, отъ другихъ поколѣній Сербскаго народа.

До сихъ поръ, во все продолженіе періода, въ которомъ руководствовалъ нами рассказъ Константина Багрянороднаго, Хорватскій народъ постоянно являлся главнымъ историческимъ дѣятелемъ и двигателемъ въ Славянскомъ Иллирикѣ, увлекающимъ за собою и Сербовъ, погруженныхъ еще въ какую-то младенческую апатію. Хорваты первые пришли изъ-за Карпатъ въ Иллирикъ, Сербы послѣдовали за ними; Хорваты первые при-

¹⁰⁾ Что Сербы въ древнее время были народомъ по преимуществу пастушескимъ, на это указываетъ описаніе ихъ быта у историковъ Крестовыхъ походовъ, въ особенности у Раймунда de Aguilis и Вильгельма Тирскаго.

няли крещеніе въ VII вѣкѣ, и среди ихъ, хотя въ неподвластномъ имъ Латинскомъ городѣ (Сплѣтъ), установлена была митрополія для Иллирійскихъ Славянъ; чрезъ ихъ землю христіанство передано было Сербамъ; верые опять въ IX вѣкѣ Хорваты возобновили, посредствомъ сношеній съ Римомъ и Константинополемъ, угасавшее у нихъ христіанство и первые показали на дѣлѣ преданность церкви; Сербы шли за ними; у Хорватовъ началась народная проповѣдь Славянская, прежде чѣмъ перейти къ Сербамъ; у нихъ, прежде чѣмъ у Сербовъ, она принесла плоды; наконецъ, въ X в., когда властолюбіе царя Болгарскаго стало замышлять завоеваніе Адриатическаго края, Сербія допустила его вмѣшательство въ свой внутренній распорядокъ, и сдѣлалась его жертвою, а Хорваты побѣдоносно отстояли свою независимость, дали у себя пріютъ гонимымъ Сербамъ и потомъ явили имъ помощь, когда Чеславъ возвратился на родину возстановителемъ.

До сихъ поръ Хорваты и Сербы составляли, можно бы было почти сказать, одинъ народъ, раздѣленный на нѣсколько независимыхъ по управленію частей, но живущій общою историческою жизнію, народъ, у котораго главная дѣятельность, по самой природѣ вещей, сосредоточивалась въ прибрежномъ торговомъ краѣ, а внутреннія горныя области развивались подъ вліяніемъ приморья и его богатыхъ городовъ.—Тутъ мы оставили Хорватовъ и Сербовъ, чтобы слѣ-

дять за ходомъ дѣль Болгарскихъ. Между тѣмъ совершалось въ Славянскомъ Иллирикѣ великое событіе: происходилъ разрывъ исторіи Сербской и Хорватской.

Земля Хорватская съ самаго начала какъ бы обречена была на внутренній раздоръ. Среди Славянскаго народонаселенія поставлены были независимыя общины Латинскихъ городовъ: можно вообразить, какія бывали столкновенія между Славянами и этими городами; церковная іерархія, церковное управленіе было у нихъ общее: можно вообразить, какіе шли споры за избраніе въ епископы, въ іереи Латынянина или Славянина, за богослуженіе, которое духовные изъ Латынянъ (а ихъ было большинство) хотѣли совершать въ Славянскихъ городахъ и селахъ по своимъ западнымъ обрядамъ, на своемъ Латинскомъ языкѣ, и противъ котораго возставали Славяне, требуя службы Славянской. Этимъ расположеніемъ Славянскаго народонаселенія Хорватіи думалъ воспользоваться епископъ Нинскій; главнаго Славянскаго города на Хорватскомъ приморьѣ ¹¹⁾);

¹¹⁾ По итальянски Нона (въ Далмаціи, на берегу моря); кромѣ Нина, важнѣйшіе Славянскіе города въ Хорватіи были: Бѣлградъ (*Zara vecchia*), сдѣлавшійся потомъ столицею Хорватскихъ государей, Скрадинъ (*Scardona*), Шабеникъ, на приморьѣ, а внутри земли, Квинъ, Хльвно (Ливно, въ Герцоговинѣ), Бихачъ (въ Турецкой Кроаціи).

для того, чтобы отрѣшиться отъ подчиненія митрополиту Латинскаго города Сплѣта, и домогался первенства надъ всѣми собственно Хорватскими церквами: за то страшная вражда Латинскаго духовенства и зависть другихъ Хорватскихъ епископовъ. Чтобы примирить всѣ эти распри, Томилавъ Хорватскій съ Михаиломъ Захолмскимъ обратились къ Римскому папѣ, въ патріархатъ котораго Иллирикъ, какъ извѣстно, числился еще со временъ Римской имперіи. Иоаннъ X послалъ къ нимъ легатами двухъ епископовъ, Итальянцевъ ¹²⁾, «съ медоточными своими письмами», говорить древній памятникъ ¹³⁾. Письма крайне замѣчательны. Архіепископу Сплѣтскому и епископамъ его митрополіи папа писалъ: «Мы дивимся, что ваше благочестіе столько лѣтъ не обращалось къ св. Римской всеобщей церкви; когда же узнали мы, что въ вашей епархіи множится (*pullulare*) другое ученіе, котораго мы не обрѣтаемъ въ св. книгахъ, а вы молчите и соглашаетесь, то мы сильно огорчились. Да не будетъ того, чтобы вѣрные обращались къ ученію Меодіеву, коего мы не находимъ ни въ какой изъ св. книгъ! Посему убѣдительно увѣщаемъ васъ смѣло, заодно съ нашими епи-

¹²⁾ Иоанна Анконскаго и Льва Пренестинскаго епископа.

¹³⁾ *Cum suis epistolis melliflue (т. е. melliflua) rucantibus eloquia*; см. Предисловіе къ постановленіямъ Сплѣтскаго собора.

сконами Іоанномъ и Львомъ, все исправитъ въ землѣ Славянской ¹⁴⁾, дабы въ ней совершалось священное служеніе по обычаю Римской церкви, то есть, на Латинскомъ языкѣ, а не на чужомъ (extrane): ибо сынъ не долженъ говорить и знать другаго, какъ то, чему учитъ его отецъ, Славяне же суть въ особенності чада Римской церкви. Итакъ да не разрастается у васъ дурной корень, но вырвите его посредствомъ неусыпной вашей проповѣди.» Другое письмо: «Томиславу королю Хорватскому и Михаилу князю Холмскому ¹⁵⁾, Іоанну архіепископу Солонскому ¹⁶⁾, и всѣмъ подчиненнымъ ему епископамъ, а также всѣмъ жупанамъ, іереямъ и всему народу страны Славянской и Далмаціи. Кому неизвѣстно, что государства Славянскія принадлежатъ къ первенцамъ вселенской церкви, такъ какъ они отъ колыбели вскормлены были пищею апостольской проповѣди, подобно тому какъ въ новое время Саксы отъ нашего предшественника Григорія ¹⁷⁾ получили купно и ученіе и письменность, на томъ именно языкѣ, на

¹⁴⁾ Cuncta per Sclavinicam terram audacter corrigere satagatis.

¹⁵⁾ т. е. Захлумскому, Захолмскому: Michaeli excellentissimo duci Chulmorum (оба письма напечатаны у Фарлати, III, 93 и слѣд.)

¹⁶⁾ т. е. Спальтскому: Салона, по Славянски Сяльпъ, древній городъ, подлѣ котораго въ послѣдствіи возникъ Сяльтъ (Spalatro).

¹⁷⁾ Григорій II (714—732), покровитель Св. Бо-

коемъ опирается мать ихъ церковь. Посему увѣщаемъ васъ, любезнѣйшіе сыны, воспитывать съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ дѣтей вашихъ для Бога въ книжномъ ученіи: ибо кто, будучи такимъ особливѣмъ чадомъ Римской церкви, какъ вы, станетъ имѣть охоту на варварскомъ или Славянскомъ языкѣ возносить жертву Богу ¹³⁾? Не говорю, чтобы въ тѣхъ, которые упорствуютъ въ Славянскомъ богослуженіи, было чтонибудь другое, какъ то, что писано: отъ насъ вышли и не суть отъ насъ. Если бы были отъ насъ, то оставались бы съ нами, въ нашемъ общеніи и при нашемъ языкѣ. Посему снова и снова увѣщаемъ васъ пребывать съ нами и во всемъ слѣдовать наставленіямъ посланныхъ отъ насъ епископовъ»..... Съ этими письмами пріѣхали легаты въ Далмацію, «и стали они, говорить современное свидетельство, объѣзжать города Далматскіе, посѣщая начальниковъ Хорватскихъ и Сербскихъ, и собрали (925 г.) въ Сплѣтъ епископовъ и судей (т. е. свѣтскія власти) и составили торжественный соборъ.» Соборъ утвердилъ за Сплѣтскимъ архіепископомъ оспариваемую власть митрополита земли Хорватской, а 10-ю статью опредѣлилъ, чтобы ни одинъ епископъ въ митрополіи этой «не смѣлъ по-

---

нифация, знаменитаго проповѣдника, распростра-
ннѣшаго христіанство въ Германіи.

¹³⁾ Quis etenim specialis filius sanctae Romanae ecclesiae, sicut vos estis, in barbara seu Siavinica lingua Deo sacrificium offerre delectatur?

ставлять въ какой бы то ни было священ-
ный санъ кого либо служащаго на Славян-
скомъ языкѣ»....¹⁹⁾

Не вдругъ явились послѣдствія этого со-
бора. Славянское богослуженіе и Славян-
ская письменность удержались, не смотря
ни на какія притѣсненія, въ землѣ Хорват-
ской, хотя въ чуждой другимъ Славянскимъ
народамъ формѣ Глаголицы и въ подчине-
ніи догматамъ и іерархіи Рима; но съ Сплѣт-
скаго собора, съ 925 года, братья по про-
исхожденію, по языку, по всей прежней
судьбѣ, разстались и пошли разными путя-
ми въ исторіи: положенъ былъ конецъ вну-
треннему жизненному единству Хорватовъ
и Сербовъ. Сплѣтскій соборъ торжественно
осудилъ стремленіе Хорватской церкви къ
независимости отъ Латинскаго митропо-
лита, почти уже приобрѣтенной ею, и
съ тѣхъ поръ, при каждомъ новомъ стол-
кновеніи и спорѣ, подчиненіе ея все болѣе
и болѣе скрѣплялось и узаконялось; Сербія
же была такъ отдалена и находилась еще
въ такомъ неустройствѣ, что Сплѣтскій ми-

¹⁹⁾ Ut nullus episcopus nostrae provinciae audeat
in quolibet gradu Slavonica lingua promovere; tamen
(туть вѣроятно пропускъ, по предположенію
Фарлати: qui promotus est) in clericatu et mo-
nachatu Deo deservire (вѣроятно, poterit). Nec
in sua ecclesia sinat eum missas facere; praeter
si necessitatem sacerdotum haberet, per supplicatio-
nem a Romano pontifice licentiam ei sacerdotalis
ministerii tribuat.

трополить, занятой ближайшими дѣлами, конечно и не имѣлъ охоты хлопотать о томъ, чтобы установить надъ нею свою власть и Латинскую іерархію: младенческая церковь Сербская была, можно сказать, совершенно забыта, и сама собою отстранилась отъ церкви Хорватской, увлеченной въ кругъ запада: и благодаря этому отстраненію, этой безвѣстности, она сохранила сѣмена ученія Восточнаго и Кирилловской проповѣди, и могла все болѣе и болѣе ихъ себѣ усваивать, пока наконецъ, при Великомъ Ньманѣ и Святомъ Саввѣ, сѣмена эти принесли свой плодъ.

Точно также розно потекла у Хорватовъ и Сербовъ жизнь политическая, у Хорватовъ блестящая, вращающаяся въ кругу западной Европы, у Сербовъ чуждая всѣмъ окружающимъ движеніямъ и такая же безгласная и безвѣстная, какъ тогдашняя Сербская церковь. Государство Хорватское развилось и процвѣло съ необыкновенною быстротою. Преемникъ Томислава, Красиміръ II, распространилъ свою власть, кажется, по всей Босніи ²⁰⁾; за нимъ Держиславъ, въ концѣ X вѣка, торжественно принялъ титулъ короля, и царствовалъ, говорить одинъ древній писатель ²¹⁾, отъ границъ Каринтіи по всей

²⁰⁾ См. безымяннаго Діоклейскаго (Дуклянскаго) летописца, у Люція, de regno Dalm. et Croatiae, 293.

²¹⁾ Thomae Archidiaconi historia Salonitana (тамъ же, 320). Istaque fuerunt regni eorum confinia:

Далмаціи и Неретвъ; даже часть Захлумья принадлежала ему. Хорватія стала теперь явную соперницею Венеціанцевъ въ обладаніи Адриатикою; особенно съ тѣхъ поръ, какъ она приняла подъ свою державу воинственныхъ Неретчанъ, вражда усилилась. Съ другой стороны естественное требованіе полновластія въ своей землѣ должно было непременно привести государей Хорватскихъ къ вмѣшательству въ дѣла независимыхъ Латинскихъ городовъ; города же всякій разъ обращались къ покровительству Венеціи, родной по происхожденію и языку, по вѣрѣ и всѣмъ преданіямъ, и Венеціанцы заботливо поддерживали эти связи. Не разъ уже загоралась война между Хорватами и Венеціею. — Около 997 года сѣлъ на престолъ Хорватскій Мутиміръ, изгнавъ своего брата, который бѣжалъ въ Венецію; «и сталъ Мутиміръ вмѣстѣ съ Неретчанами, говоритъ летописецъ ²²⁾, жестоко тѣснить вольные го-

---

ab oriente Delmina (Дувно),..... ab occidente Carinthia versus mare usque ad oppidum Stridonis, quod nunc est confinium Dalmatiae et Istriae, ab aquilone vero a ripa Danubii usque ad mare Dalmaticum, cum tota Maronia (читай Naronia, т. е. Неретва) et Chulmiae ducatu (т. е. банство Захлумское). — Въ концѣ X-го вѣка Захлумье является раздѣленнымъ между Хорватскимъ государствомъ и великими жупанами Дюклейскими (о которыхъ сказано будетъ ниже): въ следствіе какихъ обстоятельствъ это произошло, неизвестно.

²²⁾ Dandolo, у Muratori, XII, 227.

рода Далмаціи; по общему совѣту и согласію, города положили просить у Венеціи защиты отъ свирѣпства Славянъ, и рѣшились вступить въ подданство Венеціянскаго дожа.» Послы ихъ ѣдутъ въ Венецію. Дожъ Петръ Урсеоло тотчасъ, съ разрѣшенія совѣта, собираетъ и вооружаетъ флотъ и плыветъ въ Далмацію; плаваніе его похоже скорѣе на торжественное шествіе, чѣмъ на военное предпріятіе: онъ бросаетъ якорь у Осора и принять всѣмъ островомъ какъ избавитель и государь; потомъ останавливается у Задра (Зары): впереди города встрѣчаетъ его начальникъ (prig) ²³⁾ Задрскій съ епископомъ и народомъ; вступивъ въ Задръ, дожъ принимаетъ отъ старшинъ и народа присягу на подданство; къ нему являюся въ Задръ епископы и начальники Вельинскій и Рабскій, и присягаютъ ему какъ представители своихъ общинъ; дожъ слышитъ въ церквахъ имя свое возглашаемымъ послѣ имени Византійскихъ императоровъ. Затѣмъ дожъ посѣщаетъ Трогирь, Сплѣтъ, островъ Каркаръ (Curzola), Дубровникъ (Рагузу), и вездѣ встрѣчаетъ тотъ же пріемъ. Хорваты не въ силахъ воспротивиться его успѣху; — и возвратяся въ Венецію, Урсеоло прибавляетъ къ титулу вождя Венеціанской республики наименованіе государя Далматскаго. Понятенъ гнѣвъ Хорватовъ; между ними и Венеціею завязалась безконечная война, и въ эту сторону направлены теперь всѣ ихъ уси-

²³⁾ По Славянски назывался онъ княземъ (кнезь).

лія. Венеція окончательно отняла у нихъ возможность дѣйствовать на судьбу ихъ сосѣдей, Сербовъ. Между тѣмъ, въ 1059 году, епископы Далматскіе и Хорватскіе, въ присутствіи присланнаго изъ Рима кардинала, повторили соборно въ Сплѣтѣ запрещеніе Славянской службы, объявили ее ересью, самого творца Славянскихъ писемъ—противникомъ и клеветникомъ Католической церкви; «и тогда, говоритъ лѣтопись Далматской церкви, было великое горе для всѣхъ Славянскихъ священниковъ: ибо закрыли у нихъ церкви, и умолкло ихъ обычное богослуженіе»²⁴)..... Потомъ, въ 1076 г., государь Хорватскій Звенимиръ получилъ отъ папы Григорія VII корону и скипетръ, былъ вѣнчанъ и утвержденъ (*investitus*) ко-

²⁴) Thomae Archidiaconi (323): hoc firmatum est et statutum, ut nullus de caetero in lingua Sclavonica praesumeret divina mysteria celebrare, nisi tantum in Latina et Graeca, nec aliquis ejusdem linguae promoveretur ad sacros ordines. Dicebant enim Gothicas litteras a quodam Methodio haeretico fuisse repertas, qui multa contra Catholicae fidei normam in eadem Sclavonia lingua mentiendo conscripsit: quamobrem divino judicio repentina dicitur morte fuisse damnatum. Denique, cum hoc statutum fuisset synodali sententia promulgatum et apostolica (т. е. папскою) auctoritate confirmatum, omnes sacerdotes Sclavorum magno sunt moerore confecti: omnes quippe eorum ecclesiae clausae fuerunt; ipsi a consuetis officiis siluerunt.

ролемъ, чрезъ его легата и принесъ торжественную присягу въ вѣрности и послушаніи Римскому первосвященнику; а въ концѣ XI вѣка, внутреннія междоусобія дали поводъ Венгерцамъ вмѣшаться въ дѣла Хорватовъ, и ровно черезъ столѣтъ послѣ похода Урсеоло, въ 1097 году, Венгерскій король Коломанъ занялъ приморскій Бѣлградъ (иначе *Zara vecchia*), столицу Хорватіи, и положилъ конецъ политической самостоятельности народа Хорватскаго.

Что дѣлалось между тѣмъ у Сербовъ, съ тѣхъ поръ какъ воротился къ нимъ изъ Болгарскаго плѣна Чеславъ и возстановилъ древнее правленіе великихъ жупановъ? Возвращеніе Чеслава — послѣднее событіе Сербской исторіи, записанное Константиномъ Багрянороднымъ; но, въ разсказѣ объ этомъ возвращеніи, онъ намекаетъ на то, что составляло, по видимому, существенное явленіе Сербской исторіи въ послѣдующее время. «Послѣ смерти Симеона Болгарскаго, говоритъ онъ, Чеславъ ушелъ изъ Болгарской столицы съ *другими четырьмя*, возвратился въ Сербію и возстановилъ ее.» Кто такіе были эти *другіе четыре* участника въ дѣлѣ Чеслава, о которыхъ Константинъ счелъ за нужное упомянуть? Конечно, тѣ народныя главы Сербовъ, тѣ жупаны, отъ которыхъ, по свидѣтельству того же историка, зависѣло признаніе у Сербовъ самого великаго жупана и которыхъ, какъ мы прежде уже рассказали, Болгарскіе вожди, посланные Симеономъ для завоеванія Сербіи, върломъ

но схватили и увезли въ плѣнь. Кажется, нѣтъ сомнѣнiя, что съ возстановленiемъ великаго жупанства Сербскаго соединено было и возстановленiе отдѣльныхъ жупанствъ, и въ особенности тѣхъ именно *четырехъ* главныхъ жупанствъ (поэтому-то мы думаемъ, что записанное Константиномъ число сподвижниковъ Чеславовыхъ имѣетъ историческое значенiе), тѣхъ четырехъ главныхъ жупанствъ, на которыя всегда, болѣе или менѣе рѣзко, дѣлилась земля Сербская, именно жупанства собственной Сербiи на сѣверъ²⁵, Боснiйскаго на западъ, Зетскаго или Дюклейскаго на югъ и Рапскаго на юго-востокъ (въ южной части нынѣшней Боснiи, которая и теперь называется Расою).—Когда Константинъ Багрянородный писалъ свое знаменитое сочиненiе: «Объ управленiи царствомъ» (945—959), Чеславъ, кажется, жилъ еще, и жилъ въ мирѣ съ сосѣдями, въ дружбѣ съ Византиєю, которая всегда ласкала

²⁵) Его можно назвать также жупанствомъ Десницкимъ, по древней столицѣ Десникъ, которая, по вѣроятному предположенiю Шафарика, лежала у низовьевъ р. Дрины. По другимъ городамъ, исчисляемымъ Константиномъ въ тогдашней Сербiи въ тѣсномъ смыслѣ, можно опредѣлить положенiе этой страны: Дрежничъ (*Дресненъ*) въ Ужицкомъ краѣ, Лвшница (*Леснъ*) въ Шабачкомъ краѣ (оба въ западной части Сербскаго княжества), Солина (*Σαληνές*), что по Турецки Тузла, въ сѣверо-восточной Боснiи: см. Шафарика, II, § 32.

Сербовъ, какъ природныхъ соперниковъ Болгаріи. Послѣ Константина у насъ долго будетъ одинъ источникъ для Сербской исторіи — лѣтопись безымяннаго Діоклейскаго (Дуклянскаго) пресвитера, лѣтопись до такой степени наполненная диковинными рассказами про небывалыхъ королей Сербскихъ и Хорватскихъ, что нелегко рѣшишься пользоваться ею. Есть ли въ ней однако какая нибудь историческая основа, или все чистая выдумка и простой подлогъ? Нѣтъ, начиная съ XI вѣка, лѣтопись Діоклейца носитъ явную печать историческаго сказанія, неполнѣ достовѣрнаго, но основаннаго на подлинномъ преданіи, согласномъ въ общихъ чертахъ съ современными свидетельствами Византійскими, и даже въ древнѣйшее время въ ней много проблесковъ несомнѣнной исторической были, которые не позволяютъ считать ее простою тканью вымысловъ и басенъ. Главная та бѣда, что у Дуклянца все спутано: событія Сербскія и Хорватскія, имена настоящихъ исторически извѣстныхъ государей обоихъ народовъ съ темными именами мелкихъ бановъ и жупановъ; и ко всей атой путаницѣ прибавлена огромная доля нелѣпаго баснословія. Вполнѣ очистить историческую основу Дуклянца, извлечь изъ его рассказовъ полную исторію Сербіи въ ту эпоху, для которой онъ у насъ единственный свидѣтель, нѣтъ возможности; но общій характеръ эпохи этой обозначается у него довольно живо и ясно. «Послѣ Чеслава, говоритъ онъ, земля осталась безъ

государя, и баны стали властвовать каждый въ своей области, подчинили себѣ жупановъ и брали съ нихъ подати, которыя прежде получались государемъ.» Вотъ несомнѣнно вѣрное изображеніе Сербскаго быта во второй половинѣ X вѣка: и такъ уже всегда слабая власть великаго жупана прекратилась, и баны (банами назывались главные жупаны, правители областей, въ отличіе отъ жупановъ въ собственномъ смѣслѣ, начальниковъ мелкихъ сельскихъ обществъ, или *жупъ*) сдѣлались совершенно независимыми государями въ своихъ областяхъ. Быть можетъ, родъ Властиміровъ вовсе пресѣкся съ Чеславомъ, но казалось бы болѣе вѣроятнымъ, что преемство его продолжалось въ жупанствѣ Рашскомъ, однако уже безъ признанія въ другихъ Сербскихъ земляхъ. Приводимъ рассказъ Дуклянца, имѣющій всѣ признаки неподдѣльнаго народнаго преданія: «Былъ во время Чеслава юноша въ странѣ Сражской²⁶⁾, Тѣхомиль по имени, сынъ священника деревни Рабичи, и жилъ въ пастухахъ у нѣкоего князя Будислава; и какъ Тѣхомиль былъ крѣпокъ и силенъ, и дюжій ловецъ и легокъ на бѣгу, то князь бралъ его съ собою на охоту. Однажды на охотѣ, Тѣхомиль нечаянно ударилъ борзую суку (выжлицу), кличкою Палушу, и убилъ ее: а сука та была у князя любимая, и Тѣхомиль такъ испугался, что рѣшился бѣжать, и ушелъ къ Чеславу. Че-

²⁶⁾ In partibus Sraga: какаѣ это мѣстность, намъ неизвѣстно.

славъ принялъ его. Между тѣмъ, въ царствованіе Чеслава рать Венгровъ вторглась въ Босну и стала разорять страну эту; Чеславъ, созвавъ войско, встрѣтилъ ихъ въ Дринской жупѣ: тутъ они сразились, и Тѣхомилъ ходилъ по рядамъ непріятельскимъ, рубя на-право и на-лѣво, и убилъ онъ Кіиса, вождя Венгерскаго, и принесъ его голову Чеславу; Венгровъ пало огромное число. Обрадованный Чеславъ далъ Тѣхомилу жупанство Дринское и посваталъ за него дочь Рашскаго бана, въ награду за убіеніе Венгерскаго вождя. Между тѣмъ жена Кіисова обратилась къ государю Венгерскому, требуя отмщенія, и пошло огромное войско Венгровъ на Чеслава, и застыгло его въ предѣлахъ Сремскихъ. Ночью внезапно Венгры ударили на станъ его, полонили Чеслава и родственниковъ его: жена Кіисова велѣла имъ связать руки и ноги и бросить ихъ въ рѣку Саву. Такъ погибъ Чеславъ и весь домъ его, и осталась земля безъ государя, и баны стали властвовать каждый въ своей области.....²⁷⁾ Никто не смѣлъ именоваться королемъ (т. е. общимъ государемъ Сербскимъ, — титулъ короля лѣтопись переноситъ отъ позднѣйшаго времени въ древнюю исторію Сербовъ); Тѣхомилъ уже послѣ смерти своего тестя сталъ владѣть землею Рашскою, но и онъ не осмѣливался именоваться королемъ или баномъ, а назывался только великимъ жупаномъ, такъ какъ онъ

²⁷⁾ Это мѣсто уже приведено было выше.

стоялъ во главѣ прочихъ жупановъ Расы; и такъ управляли они землею много времени.»

При этомъ распаденіи Сербіи, болѣе всѣхъ другихъ частей ея отдѣлилось, кажется, банство Боснійское. Боснію подчинилъ было себѣ, какъ упомянуто, Хорватскій государь Красимірь; но, по видимому, она не долго находилась подъ державою Хорватскою, а потомъ, освободившись, осталась какъ бы внѣ круга общей исторіи Сербовъ: такая особенность Боснійскаго банства является во всемъ рассказѣ Дуклянскаго лѣтописца. Нѣтъ сомнѣнія, что съ этого времени стало готовиться то гибельное отчужденіе Босніи отъ другихъ Сербскихъ земель, котораго не могли потомъ преодолѣть никакія усилія могущественнѣйшихъ вѣнценосцевъ Сербскихъ, и которое уже въ XII вѣкѣ позволяло Византійцу Киннаму сказать, что «Боснія не признаетъ надъ собою власти верховнаго жупана Сербскаго и живетъ сама по себѣ, подъ своимъ управленіемъ ²¹⁾».

Дуклянскою лѣтописи мы обязаны указаніями на распаденіе Сербіи въ X вѣкѣ, на прекращеніе общей великожупанской власти, на обособленіе Босніи. Еще одна важная черта проглядываетъ во всемъ длинномъ, запутанномъ повѣствованіи Дуклянца о тогдашнихъ дѣлахъ Сербскихъ, и она-то составляетъ, можно сказать, главное содержа-

²¹⁾ Cinnamus, стр. 101: ἔστι δὲ ἡ Βοσθνα οὐ τῶν Σερβίων ἀρχιεποκάνω καὶ αὐτῆ εἰκουσα, ἀλλ' ἑνὸς ἰδία κατὰ ταύτη καὶ ζῶν καὶ ἀρχόμενον.

ніе Сербской исторіи въ это время: именно, мы видимъ , что въ X вѣкѣ вся историческая жизнь Сербскаго народа переходитъ изъ сѣвернаго и восточнаго края , изъ собственной Сербіи, на югозападъ, что она сосредоточивается все болѣе и болѣе въ горномъ побережьи Адриатики. Переходъ этотъ совершается притомъ, сколько видно, вполне независимо, безо всякаго вліянія и участія Хорватовъ; онъ совершается постепенно, въ силу какого-то общаго жизненнаго закона: ибо въ то самое время , какъ исторія Сербіи переходила съ Савы и Расы на Зету и къ Скутарскому озеру, дѣятельность Болгарскаго народа, мы увидимъ, покидала берега Дуная и страну Балканскую и обновлялась въ горахъ Македоніи и Албаніи, у озера Охридскаго. Это , конечно, явленіе не случайное: очевидно, что у Славянъ на Балканскомъ полуостровѣ въ концѣ X вѣка вся жизнь приликала къ югозападу, къ нагорнымъ краямъ Адриатики , что сюда переносилась ихъ исторія.

Вспомнимъ , какъ уже въ началѣ X вѣка процвѣтало Сербское Захлумье на Адриатикѣ, въ то время когда собственную Сербію губили междоусобія и оружіе Болгарь , и какъ потомъ, при распаденіи возстаповленной Чеславомъ Сербской державы, преемство великожупанскаго Властимірова рода осталось за южнымъ ея краемъ, Расою, тогда какъ сѣверная часть впала въ совершенную безвѣстность; наконецъ , въ исходѣ X столѣтія сама Раса уже теряетъ значе-

ніе передъ неизвѣстною почти дотолѣ Діоклеею, этимъ крайнимъ на югозападѣ угломъ Сербскаго народа, носящимъ нынѣ знаменитое имя Черногоріи. Діоклейская область (или Дукля, иначе Зета), которая еще при Константинѣ Багрянородномъ не имѣла никакой политической самостоятельности, теперь, на грани X и XI вѣка, уже первенствуетъ между всѣми землями Сербскими; въ ней выступаетъ новый великожупанскій родъ и подчиняетъ своему вліянію, а можетъ быть, уже и непосредственной своей власти, сосѣднія жупы Травуніи, Захолмья и смежнаго съ Захолмьемъ Подгорья (все это въ южной части нынѣшней Герцоговины и Далмаціи, отъ Невесиня и Гацка до предѣловъ Черногоріи, до горы Кома, отъ Конавля черезъ Которъ и Будву до Бара) ²⁹⁾.

Соединеніе этихъ трехъ маленькихъ горныхъ областей съ Діоклеею было, можно сказать, первымъ шагомъ Сербскаго народа отъ вѣковаго его дробленія и бездѣйствія къ новой жизни государственной, къ политическому развитію: эта Діоклейская «тетрархія», — такъ называетъ ее безымянный пресвитеръ-лѣтописецъ, эти четыре области, южная оконечность Сербской страны, сдѣлались надолго средоточіемъ всей Сербской

²⁹⁾ Такъ изображаетъ Діоклейскую державу безымянный пресвитеръ, подробно исчисляя всѣ жупы, входившія въ ея составъ (стран. 293 въ изданіи Люція).

исторіи: Діоклея будетъ бороться за независимость Сербовъ, отстаивать ее отъ Болгаръ и Грековъ; Діоклея первая, послѣ паденія Властиміровой династіи, возобновитъ мысль о соединеніи Сербскаго народа; Діоклея будетъ долго именоваться у сосѣдей Сербскимъ государствомъ по преимуществу и даже по преимуществу государствомъ Славянскимъ, землею Славянскою ³⁰); въ ней воздвигнется новая митрополія; преемникомъ ея стремлевіи явится Нѣманя, великій собиратель земли Сербской.

Любопытно и важно было бы знать, какія обстоятельства впервые возвысили Діоклею и помогли ей привязать къ себѣ смежныя области, откуда вышелъ родъ великихъ жупановъ Діоклейскихъ, былъ ли онъ въ связи съ Властиміровичами, или, можетъ быть, съ прежними правителями Травуніи либо Захолмья, о которыхъ говоритъ Константинъ Багрянородный; но обо всемъ этомъ ничего вѣрнаго неизвѣстно. Діоклейскій пресвитеръ выводитъ, правда, владѣтелей своей родины изъ Травуніи, и старается даже связать ихъ съ королями Хорватскими и прежними государями Сербіи: сознаваясь, что съ Чеславомъ пресѣкъ рядъ общихъ правителей Сербской земли, онъ вдругъ возобновляетъ ихъ преемство, рассказывая, что отецъ Чеслава бѣжалъ отъ своего властолюбиваго

---

³⁰) Такъ въ письмахъ Панъ, XI-го вѣка, и у Раймунда de Agilis и другихъ историковъ крестовыхъ походовъ.

сына въ Римъ , тамъ женился и оставилъ потомство, и что, долгое время спустя, внукъ его возвратился на родину и сталъ владѣть Травунією; все это , очевидно , вымыслы. За то весьма замѣчательно у Діоклейца сказаніе о томъ , какимъ образомъ владѣтели Травунскіе получили первенство надъ жупанами Расы. «Умеръ въ это время, говоритъ онъ, Болгарскій царь (imperator) Петръ, который сидѣлъ въ городѣ въ Великомъ Прѣславѣ, и царь Греческій, собравъ всѣ силы своего народа, захватилъ Болгарію и покорилъ ее себѣ. За тѣмъ онъ возвратился въ свой дворецъ, оставивъ въ Болгаріи войско. Начальники войска пошли и взяли всю область Рашскую; жупанъ Рашскій съ сыновьями и дочерью бѣжалъ и пришелъ къ королю (т. е. великому жупану) Предиміру въ Травунію; Предиміръ принялъ его съ любовью и женился на Прехвалѣ, его дочери; а когда Греческій царь (Цимискій) умеръ, то Предиміръ съ тестемъ своимъ послали въ Расу къ своимъ друзьямъ сказать, чтобы они били Грековъ, и избиты были Греки всѣ въ одинъ день. И тогда Предиміръ вступилъ въ Расу, устроилъ ее, сдѣлалъ тестя своего по прежнему великимъ жупаномъ, но подъ верховною своею властію. Послѣ того родилось у Предиміра четыре сына, и онъ раздѣлилъ между ними свою землю, старшему далъ Зету (Діоклею), прочимъ тремъ братьямъ роздалъ Травунію, Холмскую страну и Пюдгорье; и назвалъ онъ эти четыре области тетрархією»..... Ду-

клянскій лѣтописецъ относитъ такимъ образомъ ко времени Цимисхія (т. е. къ 970-мъ годамъ) возвышеніе Діоклеи и образованіе союза южныхъ Сербскихъ областей; но въ какой мѣрѣ это достоверно, въ какой мѣрѣ Предимірь историческое лицо, дѣйствительно ли Раса подпала власти Грековъ послѣ покоренія Болгаріи Цимисхіемъ и была освобождена съ содѣйствіемъ Сербовъ Діоклейскихъ, рѣшить трудно. Положительная исторія Діоклеи начинается только съ Владиміра, который стоитъ на рубежѣ X-го и XI-го вѣка. Потомокъ Предиміра и обладатель Діоклейской тетрархіи, по словамъ Дуклянскаго пресвитера, онъ у Византійскаго историка Кедрина является «правителемъ Тривалии (древнее имя Сербіи, преимущественно южной)⁵¹⁾ и ближайшихъ къ Диррахію (Драчу, подвластному Грекамъ городу на Адриатикѣ) краевъ Сербіи.» Былъ онъ, по свидѣтельству обоихъ лѣтописцевъ, «мужъ праведный, миролюбивый, стремящійся къ добродѣтели»; Дуклянецъ говоритъ о немъ съ какимъ-то особеннымъ благоговѣніемъ: «святой, блаженный Владимірь»; иначе онъ его не называетъ. Его дѣятельность принадлежитъ уже къ той эпохѣ, которая открывается въ исторіи Задунайскихъ Славянъ, въ концѣ X-го вѣка, возстановленіемъ въ Охридѣ царства Болгарскаго, и въ которую мы теперь вступаемъ. При немъ впер-

⁵¹⁾ Въ текстъ Кедрина читаемъ *Триваліа* вмѣсто *Тривалліа*.

вые опять, со времени Чеслава, Сербы входят въ соприкосновеніе съ соседними народами, — съ возрожденною Болгарією; при немъ впервые опять имя Сербовъ является въ исторіи. Онъ прекрасный провозвѣстникъ новой, свѣтлой поры въ жизни Сербскаго народа.

П О Г Р Ъ Ш Н О С Т И:

Напечатано:

Слѣдуетъ читать:

<i>Стр.</i>	<i>Строка.</i>		
4	13	<i>снизу</i> конницу	Конницу
17	2	<i>сверху</i> Иллирикѣ	Иллирикѣ
19	11	<i>снизу</i> норопсовъ	Норопсовъ
22	12	<i>сверху</i> 671	678
—	16	— Аваріи, т. е.	Аваріи, (т. е.
28	16	<i>снизу</i> Сплета	Сплѣта
—	8	— Сплеть	Сплѣтъ
—	5	— <i>Diodora</i>	<i>Diadora</i>
31	11	<i>сверху</i> Благаръ	Болгаръ
32	13	<i>снизу</i> выпусклостью	выпуклостью
—	5	— разсорившись	разсорившись
36	5	— <i>kring</i>	<i>hring</i>
41	17	<i>сверху</i> золотыхъ	Золотыхъ
42	6	— области	области,
48	5	<i>снизу</i> списанномъ	писанномъ
49	6	— другія	другіе
—	4	— Ceuslizo.»	Ceustizo.»
50	6	<i>сверху</i> Сплетской	Сплѣтской
55	2	<i>снизу</i> χέουσι	λέουσι
60	8	— обычай	обычай
64	17	— патриарховъ	патриарховъ,
65	7	<i>сверху</i> Аристотеля.	Аристотеля.»
68	7	<i>снизу</i> Рагуза	«Рагуза
—	3	— столько же.	столько же.»
70	8	— Въ городѣ	«Въ городѣ
79	8	— покаяніе! —	покаяніе? —
85	12	— совѣтуемъ	Совѣтуемъ
93	3	<i>сверху</i> выгнать изъ	выгнать ихъ изъ
97	2	<i>снизу</i> Лудевита	Людевита
98	2	— (762—763).	(862—863).
99	2	— самимъ	своимъ

II

		<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
<i>Стр.</i>	<i>Строки</i>		
103	5	<i>снизу</i>	наиболѣе, еще
110	13	—	Σαβαροίαψα-Σαβαροίαβ- λοι: φалоι:
120	2	—	съ середины
129	12	—	перевести и на
132	12	—	(914 г. ен- (въ сентябрѣ тябрл)
—	3	—	положили
134	4	<i>сверху</i>	(Надирдерѣ?) (Надирдере?)
138	2	<i>снизу</i>	на Сербію
140	15	—	посольства
148	11	—	Кавканъ,
162	11	—	народъ
166	10	—	не могла
171	1	—	прирешаго.
172	12	<i>сверху</i>	къ са
—	13	—	и обмыла ихъ и обмыла ихъ и сѣрами: ношила ихъ сѣрами.
—	13	<i>снизу</i>	къ землѣшихъ
173	1	—	предавшихся
175	15	<i>снизу</i>	заподозривать
185	10	—	Доростелѣ
187	10	—	Шшиманомѣ
192	12	—	и Далматская
211	3	—	землѣ

*Также просимъ читателя исправить въ
разныхъ мѣстахъ ошибочно напечатанныя фор-
мы Болгары, Мадьяры, Мадьяровъ и. т. п.
вмѣсто Болгаре, Мадьяре, Мадьяръ.*

270/193

Pate

Цена 30 коп. сереб.

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES

0315055477

949.71

G393

v.1

06265006

DEC 19 1955
JAN 12 1973

JAN 24 1967

JAN 18 19

